

ALMANACCO LETTERARIO

11

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло (Италия). Интеза Санпаоло является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Представительство Интеза Санпаоло действует уже более 45 лет. Группа обслуживает более половины внешнеторговых сделок между Россией и Италией. Кроме этого, участвует в финансировании крупных национальных и международных российских проектов.

Банк Интеза работает в 21 регионе России от Калининграда до Владивостока и предлагает полный спектр банковских услуг для малого и среднего бизнеса, частных и корпоративных клиентов.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216

Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

Banca Intesa è la sussidiaria russa del gruppo Intesa Sanpaolo (Italia), il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

Il Gruppo è presente in Russia da oltre 45 anni e intermedia più della metà dell'interscambio italo-russo. Tra le sue attività anche quella del finanziamento dei grandi progetti russi sia nazionali che internazionali.

Banca Intesa è presente in 21 regioni della Russia da Kaliningrad a Vladivostok e offre una vasta gamma di prodotti e di servizi bancari altamente personalizzati per le piccole e medie imprese, le aziende e i clienti privati.

La responsabilità sociale è uno dei valori fondamentali di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo, particolarmente attivi nella promozione di varie iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia 2216

Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество)

Газпромбанк входит в тройку лидеров банковской отрасли России, а также в число крупнейших финансовых институтов Центральной и Восточной Европы.

Газпромбанк предоставляет широкий спектр услуг корпоративным и частным клиентам. Банк обслуживает ключевые отрасли российской экономики – газовую, нефтяную, химическую и нефтехимическую, металлургию, электроэнергетику, машиностроение, транспорт, строительство, связь, агропромышленный комплекс, торговлю и другие отрасли.

Розничный бизнес Газпромбанка ориентирован на предоставление современных высокотехнологичных продуктов и сервисов. На начало 2020 года Банк обслуживает около 5 млн клиентов – физических лиц, розничный кредитный портфель по итогам 2019 года составляет более 550 млрд рублей, портфель розничных вкладов – более 480 млрд рублей.

Gazprombank è uno dei tre leader nel settore bancario russo e una delle più grandi istituzioni finanziarie dell'Europa Centrale e Orientale.

Gazprombank fornisce una vasta gamma di servizi ai clienti aziendali e privati. La Banca serve i settori chiave dell'economia russa: industria del gas, petrolifera, chimica e petrolchimica, metallurgia, produzione di energia, macchinari, trasporti, costruzioni, comunicazioni, complesso agroindustriale, commercio e altre.

L'attività di retail di Gazprombank è focalizzata sulla fornitura di prodotti e servizi moderni ad alta tecnologia. Dall'inizio del 2020 la Banca serve circa 5 milioni di clienti persone fisiche; il portafoglio di prestiti nel retail a fine anno 2019 risultava pari a oltre 550 miliardi di rubli e il portafoglio di depositi retail superava i 480 miliardi di rubli.

Conoscere Eurasia Edizioni

XI

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

Potenziare l'amicizia storica tra l'Italia e la Russia e aprire, al contempo, relazioni virtuose con i Paesi dell'Eurasia, secondo una visione globale che pone la cultura e l'economia tra i pilastri fondamentali del benessere dei popoli: ecco la missione di Conoscere Eurasia, l'associazione non-profit con sede a Verona, fondata e presieduta dal professor Antonio Fallico.

Un'attività a tutto campo è quella perseguita dall'Associazione, che ha all'attivo un fitto calendario di iniziative culturali permanenti, tra cui anche i corsi di lingua russa certificati dall'Istituto Puškin e oltre 100 appuntamenti economici, tra seminari e forum, organizzati in tutta Italia dal 2008 a oggi. Un'azione costante e capillare, riconosciuta anche a livello internazionale, che pone Conoscere Eurasia tra le principali organizzazioni italiane, impegnata com'è a promuovere i rapporti tra il nostro Paese, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica, e non solo, con una lucida lungimiranza nell'intercettare il cambiamento dello scenario geopolitico in atto.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Ассоциация «Познаём Евразию»

Укрепление исторически сложившихся дружеских отношений между Россией и Италией, налаживание новых связей со странами евразийского региона, основанных на глобальном видении, согласно которому культура и экономика лежат в основе благополучия народов, – таковы основные цели деятельности Ассоциации «Познаём Евразию». Штаб-квартира этой некоммерческой организации находится в Вероне, ее основатель и президент – профессор Антонио Фаллико. Ассоциация ведет обширную культурную деятельность, в частности, организует языковые курсы с выдачей сертификатов Института русского языка имени А.С. Пушкина. Также проводятся семинары и форумы по всей Италии. Всего с 2008 года и по сей день организовано более 100 мероприятий. Непрерывная и разнообразная деятельность Ассоциации «Познаём Евразию», основанная на ясном представлении о происходящих геополитических переменных, получила признание на международном уровне. Это делает её одной из основных итальянских организаций, работа которых направлена на продвижение и развитие связей между Россией, Италией и странами Евразийского экономического союза.

www.conoscereeurasia.it

Facebook: Associazione Conoscere Eurasia / Ассоциация «Познаем Евразию»

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 2014 года находится в ведении Министерства культуры Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

В 2017 году, в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина, при Литературном институте был создан Дом национальных литератур – научно-образовательный, просветительский, информационный и культурный центр, призванный заниматься пропагандой чтения, художественного перевода, подготовкой и повышением квалификации переводчиков художественной литературы.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso l'attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 sono stati introdotti l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 2014 è passato sotto il Ministero della Cultura della Federazione Russa. Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi “Letteratura” e “Letteratura e traduzione letteraria”. Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali e ha contatti con molte qualificate università straniere. Nel 2017, per volontà del Presidente della Federazione Russa Vladimir Putin, presso l'Istituto Letterario Gor'kij è stata fondata la Casa delle letterature nazionali – un centro scientifico per l'istruzione, l'informazione e la cultura, che ha la finalità di promuovere la lettura, la traduzione, la formazione e lo sviluppo professionale dei traduttori letterari.

Direttore editoriale e letterario
Anna Zangarini

Progettazione e cura grafica
Unidea Srl

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2020 Associazione Conoscere Eurasia

Via dell'Artigliere 11, 37129 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Анна Дзангарини

Разработка проекта и графическое оформление
Унидея

© Рассказы. Авторы произведений
© Переводы. Переводчики произведений
© Составление, оформление. Ассоциация «Познаём Евразию», 2020

37129 Италия, Верона, виа дель Артильере, 11
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

11

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico

Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Ancora una volta il Premio Raduga – quest'anno alla sua undicesima edizione – ha avuto una straordinaria risposta, in termini di quantità e soprattutto di qualità, da parte di narratori e traduttori italiani e russi, a conferma della passione di tanti giovani per la narrazione come strumento di trasmissione delle loro emozioni e delle loro riflessioni.

Nelle pagine di questo *Almanacco* trovano spazio voci diverse per provenienza e per formazione, e proprio questa diversità è segno della grande ricchezza che una nuova generazione può esprimere; molti i temi trattati, dallo sguardo al futuro – un futuro a cui si chiede attenzione per quella che oggi si definisce 'biografia delle cose' – alla rivisitazione di un passato che è insieme personale e storico, al rapporto, spesso conflittuale, tra gli inscindibili rapporti affettivi e le dure norme della

società, all'osservazione dello straniante potere della realtà virtuale...

Non sono, questi racconti, meri esercizi di stile; ognuno veicola un'esperienza o una visione del mondo e della sua complessità che supera la dimensione territoriale ed è comprensibile e condivisibile da chi appartiene a realtà fisicamente lontane ma rese contigue da una comune sensibilità umana ed espressiva.

Questa volontà di trovare un linguaggio comune tra culture apparentemente diverse è stato e sarà sempre l'obiettivo primario dell'Associazione Conoscere Eurasia, che attraverso le numerosissime attività culturali liberalmente sostenute da Banca Intesa ha costruito un ponte tra l'Italia, la Russia e l'Unione Economica Eurasiatica; e di questo ponte il Premio Raduga, e questo *Almanacco*, sono strutture fondanti di cui possiamo a buon diritto andare orgogliosi.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

Премия «Радуга», которая в этом году проводится в одиннадцатый раз, вновь вызвала необычайный интерес: приятно удивляет количество, а главное – качество работ итальянских и российских писателей и переводчиков. Это означает, что молодежь по-прежнему охотно обращается к литературному творчеству, чтобы выразить свои мысли и чувства.

На страницах «Альманаха» звучат голоса тех, кто родился в разных местах и прошел разный путь. Подобное многообразие – знак того, что новое поколение способно о многом рассказать. В представленных произведениях затрагиваются самые разные темы: от попытки заглянуть в будущее (будущее, в котором мы научимся слышать то, о чем говорят нам вещи) до возвращения в общее и одновременно личное прошлое, до нередкого конфликта между теплыми человеческими отношениями и жесткими нормами общества, до наблюдения за ростом могущества виртуального мира, создающего барьеры между людьми...

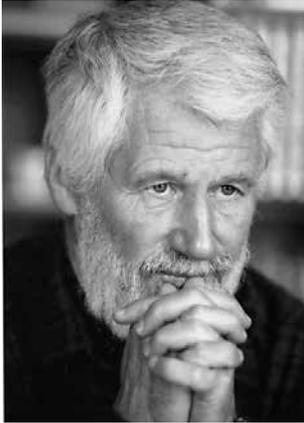
Эти рассказы – не просто упражнения в стиле. За каждым стоит взгляд на сложный мир и опыт, выходящие за границы отдельных территорий, понятные и близкие тем, кто физически находятся в разных местах, но, будучи людьми, испытывают одинаковые чувства, одинаково их выражают.

Стремление найти общий язык между культурами, которые на первый взгляд кажутся такими разными, было и всегда будет главной задачей Ассоциации «Познаём Евразию»: проводя в жизнь при поддержке Банка Интеза множество проектов в сфере культуры, Ассоциация построила мост между Италией, Россией и Евразийским экономическим союзом. Премия «Радуга» и этот «Альманах» – опоры этого моста, которыми мы по праву гордимся.

Борис Тарасов

Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы

География представленных на очередной конкурс «Радуга» работ (их свыше 400) отличается, как всегда, широтой и разнообразием. Помимо неизменно лидирующих (по количеству присланных рассказов) Москвы и Санкт-Петербурга, губернских столиц и крупных городов, члены жюри знакомились с сочинениями молодых авторов из разных районов, сел и деревень, хуторов и поселков центральной России, Южного Федерального округа, Башкирии, Татарстана, Чеченской республики, Крыма, Дальнего Востока и др.

Впечатляет и профессиональное многообразие участников конкурса. Вместе с уже достаточно опытными молодыми писателями и журналистами в соревнование включились учителя

и программисты, юристы и экономисты, банковские и офисные работники, менеджеры и бухгалтеры... По признанию самих авторов, в наше непростое технократическое и потребительское время этот конкурс дает им возможность реализовать живущую в них потребность и склонность к гуманитарному знанию и литературному творчеству, желание обрести вторую профессию.

Примечательно, что в этот раз «Радуга» привлекла в свою орбиту и тех, для кого это первая проба пера, кто не имеет публикаций даже в Интернете. Конечно же, первый блин нередко оказывается комом, но не всегда. Многолетняя история конкурса показывает, что многие его участники не теряют надежды на успех и неоднократно принимают участие в нем, а некоторые из них достигают искомым вершин. Лауреаты «Радуги» прошлых лет уверенно занимают свое весомое место в современном литературном процессе. Думается, что и нынешние финалисты присоединятся к их числу.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Tarasov'.

Boris Tarasov

Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera

La provenienza geografica delle oltre 400 opere presentate a questa edizione del Premio Raduga è stata, come già in passato, estremamente differenziata. Alla valutazione dei membri della giuria sono stati sottoposti testi provenienti non solo, come era prevedibile, da Mosca e da San Pietroburgo, da capoluoghi di provincia e da grandi città, ma anche da aree diverse del Paese, dalla Russia Centrale e dal Circondario federale meridionale, dalla Baschiria e dal Tatarstan, dalla Repubblica Cecena, dalla Crimea, dalle aree orientali, da piccoli centri e da villaggi.

Anche le attività professionali dei partecipanti risultano straordinariamente varie: oltre a giovani scrittori e a giornalisti già abbastanza esperti, il Premio Raduga ha coinvolto insegnanti e tecnici informatici, avvocati ed economisti, impiegati in vari settori, funzionari e commercialisti... Per loro stessa ammissione, questa competizione offre agli autori la possibilità di soddisfare, in questa nostra epoca di tecnologia e di consumismo, la loro attenzione e aspirazione verso la dimensione umanistica e la creatività letteraria, il loro desiderio di cimentarsi in un terreno nuovo. È interessante infatti notare come a quest'edizione del Premio Raduga abbiano concorso molti autori alla loro prima prova, che non hanno pubblicazioni nemmeno su Internet.

Certo, gli esordi non sono sempre del tutto soddisfacenti, ma la lunga storia del concorso dimostra che molti dei partecipanti non hanno perso la speranza del successo e si sono ripresentati più volte, e che alcuni hanno raggiunto importanti traguardi: vincitori di passate edizioni del Premio Raduga oggi occupano con sicurezza una significativa posizione nella letteratura contemporanea. Ci auguriamo che gli attuali finalisti si uniscano a loro.

Raduga

Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga, giunto quest'anno all'undicesima edizione, è un'iniziativa dedicata alla promozione di giovani narratori e traduttori, sia russi sia italiani. Nasce dalla convinzione che vi sia sempre più bisogno di autori che – aprendosi alle mobili ed emozionanti strutture del racconto – si pongano in sintonia con il futuro. In tale ottica, il Premio vuole mettere in luce soprattutto quegli scrittori nelle cui narrazioni sia avvertibile il desiderio di libertà.

Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.

Nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi, è sostenuto criticamente da due giurie formate da note personalità della letteratura italiana e russa. Lo scopo è far sì che i giovani letterati più meritevoli – siano essi narratori o traduttori – possano entrare in contatto con i settori intellettualmente più vivaci del mondo letterario.

Il Premio garantisce, oltre a un riconoscimento economico, la pubblicazione delle migliori opere in un prestigioso volume antologico bilingue: *Almanacco letterario*, edito dall'Associazione Conoscere Eurasia. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una riflessione critica e da una nota biografica.

«Радуга»

Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков

Главная задача премии «Радуга», которая в этом году проводится в одиннадцатый раз, – поддержать молодых прозаиков и переводчиков в Италии и в России. Мы убеждены, что сегодня остро ощущается потребность в писателях, работающих в емком и гибком жанре рассказа, способных проложить дорогу в будущее. Вот почему организаторы премии уделяют особое внимание авторам, произведения которых проникнуты стремлением к свободе. В первую очередь премия задумывалась для молодых писателей, отражающих в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, находящих для этого стилистически точную форму.

У премии, создававшейся для укрепления российско–итальянских литературных связей, два национальных жюри – итальянское и русское. Мы стремимся открыть дорогу в мир большой литературы самым достойным молодым писателям и переводчикам.

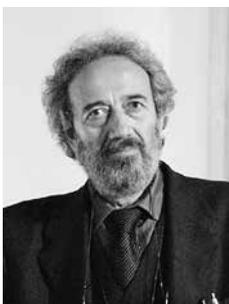
Помимо денежного вознаграждения участники конкурса получают возможность опубликовать свои произведения в престижном двуязычном Литературном альманахе. Под его обложкой собраны рассказы финалистов (в оригинале и в переводе, выполненном молодыми итальянскими и российскими переводчиками), а также короткие рецензии на рассказы и биографические сведения об авторах и переводчиках.

Giuria italiana Итальянское жюри

Marco Drago è scrittore e autore radiofonico. Tra i suoi libri ricordiamo *L'amico del pazzo* (1998), *Zolle* (2005) e *La prigione grande quanto un paese* (2013). Ha diretto per diciotto anni la rivista «Maltese Narrazioni» ed è direttore della collana di e-book «Laurana Reloaded». Scrive per «Vanity Fair» e «Il Giornale».

Марко Драго, писатель, радиоведущий. Автор книг «Друг сумасшедшего» (1998), «Глыбы» (2005) и «Тюрьма размером с целую страну» (2013). На протяжении восемнадцати лет руководил журналом «Мальтезе Наррациони», редактор серии электронных книг «Лаурана Релоадед». Сотрудничает в изданиях «Вэнити фэйер» и «Иль Джорнале».

Flavio Ermini, poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria «Anterem». Fa parte del comitato scientifico di «Osiris» (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli «Amici della Scala» di Milano. Dirige la collana di filosofia «Narrazioni della conoscenza» (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини, поэт и литературный критик, опубликовал ряд книг в Италии и во Франции. Редактор литературного журнала «Антерем». Член научного комитета «Осирис» (Университет г. Дирфилд, Массачусетс) и общества «Друзья Ла Скала» (Милан). Составитель серии книг по философии «Рассказы о познании» издательства «Моретти&Витали».

Carlo Feltrinelli è dal 1988 Amministratore Delegato della casa editrice fondata nel 1955 dal padre Giangiacomo Feltrinelli. Dal 1998 è Presidente delle Librerie Feltrinelli. Nel 2001 è stato nominato Presidente della Fondazione Giangiacomo Feltrinelli, uno dei maggiori centri di ricerca nell'ambito delle discipline storiche e delle scienze politiche, economiche e sociali. Dal 2015 è Presidente del Gruppo Feltrinelli. È autore di *Senior Service*, tradotto e pubblicato a livello internazionale.

Карло Фельтринелли, с 1988 года генеральный директор издательства, основанного в 1955 году его отцом Джанджакомо Фельтринелли. С 1998 года президент сети книжных магазинов «Фельтринелли». С 2001 года президент Фонда Джанджакомо Фельтринелли, одного из крупнейших центров научных исследований в области истории, политологии, экономики и общественности. С 2015 года президент Группы Фельтринелли. Автор книги «Senior Service. Жизнь Джанджакомо Фельтринелли», переведенной и опубликованной во многих странах.

Maria Pia Pagani, docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани, преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Цезаре Анджелини (2004) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Stefania Sini è Professore associato di Letterature comparate e Letteratura italiana all'Università del Piemonte Orientale. I principali interessi di studio a cui ha dedicato le sue pubblicazioni sono Michail Bachtin, i formalisti russi, la filosofia e l'estetica della Russia degli anni Venti; Giambattista Vico, la storia della retorica e della topica; storia e teoria della forma letteraria. Traduce dal russo poesia e saggistica. Ha fondato e dirige la rivista «Enthymema. Rivista internazionale di critica, teoria e filosofia della letteratura».

Стефания Сини преподает сравнительное литературоведение и итальянскую литературу в Университете Восточного Пьемонта. Автор научных работ о М. Бахтине, русских формалистах, русской философии и эстетике 20-х годов, о Дж. Вико, исследований по истории риторики и топике, истории и теории литературной формы. Переводчик русской поэзии и эссеистики. Основатель и главный редактор журнала «Энтимема», освещающего вопросы критики, теории и философии литературы.

Anna Zangarini, laureata in Lingue, è editor e traduttore freelance. Ha tenuto l'insegnamento di Editing all'università di Verona nel corso di laurea in Lingue per l'editoria e lezioni al master in Editoria della stessa università. Si occupa prevalentemente di saggistica (storia medievale, storia dell'arte, italianistica) e collabora con case editrici e riviste italiane e straniere.

Анна Дзангарини окончила университет по специальности «Иностранные языки», редактор, переводчик-фрилансер. Преподавала литературное редактирование студентам, обучающимся в Веронском университете по специальности «Иностранные языки для издательского дела», вела занятия в рамках курса последипломного образования «Книгоиздание». Занимается преимущественно научной литературой (средневековая история, искусствоведение, итальянистика), сотрудничает с итальянскими и зарубежными журналами и издательствами.

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов, писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ.

Aleksej Nikolaevič Varlamov, scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca Lomonosov, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'shaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la Cultura presso il Presidente della Federazione Russa.

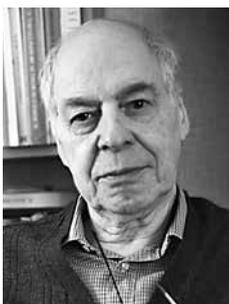
Нина Сергеевна Литвинец, издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. В последнее время выступает также как прозаик. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» опубликована в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec, editore, critico letterario e traduttrice. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore Emerito della Cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie «Oktjabr'» e «Znamja». Nel 2013 è uscito presso la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

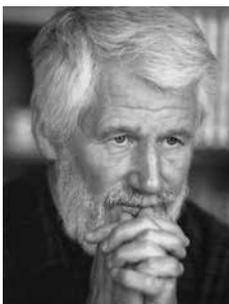
Елена Леонидовна Пастернак, лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, профессор филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака. Преподаватель школы литературного мастерства «Хороший текст».

Elena Leonidovna Pasternak, linguista e traduttrice. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak. Docente della Scuola di scrittura creativa «Buon testo».

Евгений Михайлович Солонович, поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапиенца». Лауреат Премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной Премии Италии в области художественного перевода, Премии Монтале, Премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič, poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea *honoris causa* dell'Università di Siena, dottorato *honoris causa* dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.

Борис Николаевич Тарасов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, ректор Литературного института имени А.М. Горького (2006–2014). Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov, professore ordinario, direttore del Dipartimento di Letteratura straniera, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (2006-2014). Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская, переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана, Премии имени Н.В. Гоголя в Италии, Государственной премии Италии в области художественного перевода. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja, traduttrice, filologa. Professore associato del Dipartimento di traduzione letteraria all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana, il Premio N.V. Gogol' in Italia e il Premio Nazionale per la Traduzione (Italia). In collaborazione con M. Dinelli ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Pier Franco Brandimarte	Пьер Франко Брандимарте
Maria Chiara De Pascali	Мария Кьяра Де Паскали
Antonio Francesco Longo	Антонио Франческо Лонго
Francesco Marangi	Франческо Маранджи
Sydney Vicidomini	Сидней Вичидомини

Pier Franco Brandimarte

Traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Пьер Франко Брандимарте

Перевод на русский язык Станислава Лихоузова

IL VENDITORE

Si chiamava Pascoli, come il poeta, avevamo fatto insieme più di un centinaio di chilometri all'inizio del Duemila, quando io facevo i primi passi come venditore e lui pensava già di ritirarsi. Stava per compiere cinquant'anni e faceva quel mestiere da quando ne aveva una ventina. La sua seconda moglie era una donna ricca, non ricordo se avesse ristoranti o dei negozi d'abbigliamento femminile, vivevano in un attico al centro di Pescara. I colleghi dell'azienda dicevano che si era sistemato e per questo se ne andava, a nessuno piaceva quel lavoro. Non diventammo amici, forse gli fui simpatico per la mia età e perché non avrebbe avuto un altro allievo. Vendere me l'ha insegnato lui.

Quando ti metti su strada devi essere arrapato, ogni mattina ne partono a centinaia nell'auto bianca aziendale e se tu non te lo senti più duro di loro tanto vale starsene a dormire perché i numeri non li farai. Questo vale per le donne e per gli uomini indifferentemente. Considera però che i clienti saranno per lo più uomini e che mentre tu per farti notare dovrai spiegare le teorie dell'universo su una gamba sola a una donna per quanto brutta basta entrare.

È una delle cose che diceva. Uscivamo di mattina presto con il cielo che schiariva verso il mare in un colore giallo di margarina. Pascoli, con la prima sigaretta alzata contro il finestrino, mi osservava guidare. Avevo preso la patente da poco, acceleravo con cura. Digiuni entravamo in autostrada verso la zona che dovevamo lavorare, la sua zona. Si era già fatto un'idea di com'ero, a un venditore esperto basta uno sguardo per capire. Da come ti muovi, da come dai la mano, dai vestiti. Io ero venuto con l'abito che mettevo ai matrimoni, non lo sapevo ancora che dove andavamo ci si poteva sporcare.

All'uscita del casello, gruppi di capannoni lungo la statale dritta fino all'Appennino.

Facevamo colazione. Essenzialmente, diceva, la vendita è questione di sesso e meteorologia, a te ti dà gusto la fica? Quando il cliente firma l'ordine ti senti una scarica alla base delle palle che poi non fai più a meno, lo impari.

E il meteo, gli chiesi.

ПРОДАВЕЦ

Фамилия у него была Пасколи, как у поэта. В начале нулевых – когда я постигал азы, а он уже собирался уходить из профессии, – мы намотали вместе с ним не одну сотню километров. Он готовился разменять пятый десяток, а продажами промышлял лет этак с двадцати. Его вторая жена была при деньгах – держала то ли рестораны, то ли магазины женского платья, уже не помню, – в общем, жили они в шикарной квартире с мансардой в самом центре Пескары. На фирме поговаривали, что он недурно устроился, потому и увольняется – кому же понравится такая работенка! Друзьями мы так и не стали, хотя, как знать, может, он и испытывал ко мне симпатию из-за моего возраста – да и понимал, видимо, что другого ученика ему не сыскать. В общем, продавать меня научил он.

Когда выходишь на улицу, не зевай, говаривал он: каждое утро сотни таких же трудяг отправляются на работу в белых служебных машинах, дашь слабину – можешь дрыхнуть дома, потому как ни черта ты не заработаешь. Такой вот расклад, без разницы, штаны на тебе или юбка. Только учти, клиенты наши, по большей части, мужики, и чтобы в твою сторону хотя бы посмотрели, ты должен объяснить теорию происхождения Вселенной, крутись на одной ноге. А бабенке, какой бы страшной она ни была, достаточно просто зайти.

Вот так он меня наставлял. Выезжали мы рано, когда небо над морем становилось цвета маргарина. Пасколи с высунутой из окошка сигареткой, первой за день, наблюдал, как я кручу баранку. Права я получил недавно, поэтому машину вел осторожно. На голодный желудок мы добирались по автостраде на рабочий участок – его участок. Он уже раскусил, что я за фрукт, – плевое дело для опытного продавца! – по походке, рукопожатию, одежде. В первый раз я напялил костюм, который надевал только по особым случаям: не знал еще, что там, куда мы направляемся, можно испачкаться.

На выезде с автострады, вдоль дороги, ведущей до самых Апеннин, теснились производственные корпуса.

Тут мы завтракали. Запомни, говорил он, в продажах многое зависит от погоды, это как секс.

Quando fa bello la gente compra più che col nuvolo, è la regola. Non l'hai studiata economia?

Alla porta del bar si toglieva la sigaretta per dirmi che avrei visto due tette o un culo che erano un amore. Al banco c'era poi una ragazza con la camicetta aperta e quasi sempre i leggings neri. Un venditore conosce la zona di lavoro, sa i distributori meno cari, i posti per mangiare bene a niente e dove stanno i pezzi di fica. A fare questo mestiere ti guasti lo stomaco, sale la pressione, serve svagarsi la testa. Adesso guardati sto culo, poi si parte. Andavamo dai clienti e appena fuori dalla macchina cambiava, parlava con suoni più nordici e rotondi e i gesti, alla soglia dei capannoni, si ingrandivano. Le boccette con dentro gli acidi e le altre soluzioni colorate rigiravano nelle sue mani come giochi di prestigio. Non dovevo poggiare la borsa perché i pavimenti erano sporchi di trucioli e di morchia. Stavo in piedi un passo dietro lui, mi sporgevo per presentarmi, ascoltavo. Il discorso non cadeva mai. Anche quelli che non l'avevano mai visto a poco a poco si fidavano. Capivano che Pascoli era uno di loro, che stavano sulla stessa barca e pensavano alle stesse cose. Poteva essere la pesca, il ciclismo, il calcio, le macchine, le tasse, la fica o la politica, Pascoli tastava il terreno e indirizzava l'argomento da cui, come in secondo piano, si affacciava l'obiettivo. Spesso raccontava delle cose sue, delle storie divertenti, sconce o preoccupanti che non sapevo mai se erano vere o inventate. E di riflesso il cliente attaccava con le sue. Solo alla fine venivano i prezzi ma a quel punto se ne parlava già come fra amici. Pascoli offriva la copia commissione per la firma come un favore, ed era fatta.

In macchina ricapitolava. Noi siamo venditori, non siamo amici né fratelli né amanti e veniamo per un motivo già assodato che è prenderci dei soldi in cambio di qualcosa. Il punto sta qui e non te lo scordare. Devi sempre pensare come me lo inculo come mi conviene, perché loro pensano lo stesso. Potrebbero comprarsi la stessa roba a meno in mille altri posti ma la comprano da te perché sei tu la differenza. È te che gli vendi. E con i soldi ti dicono che gli piaci. Quando succede poi dà gusto, la regola è: piaciogli, i soldi sono la misura di un godere.

La festa per i suoi cinquant'anni fu ai primi di giugno e ci andai con la macchina aziendale

Девочек-то жалуешь? Так вот, когда клиент оформляет заказ, чувствуешь такое облегчение в паху, что потом без этого уже не можешь, в общем, скоро сам поймешь.

– А погода? – поинтересовался я.

– Чем меньше туч, тем лучше продажи – таков закон. Не учил, что ли, экономику?

На пороге бара он вытаскивал сигаретку изо рта и говорил, что видел тут такую кралю – глаз не оторвать! За прилавком обычно стояла девушка с глубоким вырезом и почти всегда в черных леггинсах. Продавец знает все про свой участок: где недорого заправиться, где вкусно перекусить и где самые сногшибательные красотки. Из-за этой гребаной работы схлопочешь себе язву и высокое давление, поэтому учись проветривать мозги. Полюбуйся на эту задницу и поехали!

Когда мы приезжали на место, из машины он выходил уже другим человеком: в голосе появлялись северные нотки с округлыми гласными, и, чем ближе мы подходили к промышленным помещениям, тем шире становились его жесты. Он вертел в руках пузырьки с кислотой и другими цветными растворами, как заправский фокусник. Ставить сумку на пол мне запрещалось – там было полно опилок и прочего мусора. Я держался чуть поодаль от него, представлялся, потом просто слушал. Разговор не умолкал ни на минуту. Даже те, кто видел его впервые, мало-помалу начинали ему доверять. Чувствовали, видно, что они с Пасколи одного поля ягоды: рыбак рыбака видит издалека. О чем бы ни заходила речь – о рыбалке, велогонках, футболе, машинах, налогах, бабах или политиках, – Пасколи зондировал почву и выуживал именно ту тему, которая между делом приводила его к цели. Часто рассказывал забавные истории из жизни, неприличные или щекочущие нервы, уж не знаю, правдивые или выдуманные. Клиент, в свою очередь, поверял ему свои житейские перипетии. Когда всплывал вопрос о цене, то Пасколи уже был с клиентом на короткой ноге. По-свойски вручал бланк заказа на подпись – и дело в шляпе!

В машине он подводил итоги. Мы – продавцы, а не приятели, родственники или любовники, поэтому наша единственная цель – заполучить денежки в обмен на товар. В этом вся соль, запомни это хорошенько! Не забывай о своей выгоде, не давай себя провести – клиент ведь мыслит так же, как ты. Товар-то, по сути, можно купить где угодно – все дело в тебе. В

anche se non si poteva. Pascoli si stava licenziando e la sua zona sarebbe passata a me. Della ditta ero l'unico invitato. Dissi a Daniela, la mia fidanzata di allora, di mettersi elegante. Io sarei andato nell'abito da matrimoni con cui mi aveva conosciuto, pensai che poteva fargli piacere. Alzando la testa vedemmo le luci della terrazza su all'ultimo piano. Nell'appartamento c'era una musica di sottofondo e il catering, gli invitati attraversavano i tappeti come al rallentatore. Pascoli e la moglie erano davanti a una vetrina piena di Swarovsky, c'era la fila per salutarli. Lui indossava un completo grigio di lino che non gli avevo mai visto, assomigliava a Joe Pesci, e la moglie era bella, luminosa. Erano sposati da un anno e non si capiva come fosse possibile. Anche Daniela disse che la moglie rispetto a lui era di un altro livello, in tutti i sensi. Quando ce la presentò notai il piccolo tatuaggio sotto l'orecchio e il seno che spingeva i bordi dell'abito da sera. Pascoli era ingrassato, sorrideva fino ai molari. Più tardi mi chiese come andava e come stava quel cliente e quell'altro. La zona non gli mancava, no. Adesso gestiva uno dei ristoranti o dei negozi della moglie e pensava di adottare un figlio. Mi disse il nome del posto e di andarlo a trovare per svagarmi la testa, la vita per strada ti consuma, disse, smettila per tempo.

Ce ne andammo dopo la torta, non conoscevamo nessuno. Pascoli mi abbracciò come un vecchio amico, gli augurai il meglio, ero sicuro che non ci saremmo più incontrati.

Anni dopo visitai un cliente che stava ai piedi della montagna, un falegname che aveva rilevato l'attività del padre in fallimento senza che le cose cambiassero granché. Doveva pagarmi un arretrato. Lo trovai a sverniciare un comodino nel capannone troppo ampio. Giravo intorno all'argomento aspettando che tirasse fuori i soldi. Facevamo vapore nel parlare. Di solito, per darsi un tono, diceva di aspettare un lavoro grosso e che voleva comprarmi un fusto di colla o degli spray. Io però mi rifiutavo di vendergli ancora perché la puzza della disperazione avevo imparato a riconoscerla. E se uno compra e poi non paga a che serve. Quella volta però era andato nell'ufficio per dimostrarmi che qualcuno gli aveva creduto. Mi aveva mostrato la copia di un ordine firmato la settimana prima. C'era il nome di una ditta sconosciuta. Chiesi chi era il venditore e il falegname disse che forse lo conoscevo, che era un vecchio amico di suo padre, che aveva lavorato per diversi anni

каком-то смысле ты предлагаешь себя. А деньги – знак хорошего расположения. Потом ты входишь во вкус, в общем, правило тут одно: расположи к себе клиента, твой заработок целиком зависит от умения доставить ему удовольствие.

Праздник в честь его пятидесятилетия проходил в первых числах июня, я отправился туда, нарушив правила, на служебной машине. Поскольку Пасколи увольнялся, его участок должен был перейти ко мне. С работы он пригласил только меня. Я попросил Даниэлу, с которой тогда встречался, одеться понаряднее. Сам я надел тот же костюм для особых случаев, в котором мы и познакомились, решив, что ему будет приятно. Посмотрев наверх, мы увидели ярко освещенную террасу на последнем этаже. В квартире ненавязчиво играла музыка, столы ломались от закусок, по коврам, будто в замедленной съемке, шествовали гости. Пасколи с женой стояли у шкафа, заставленного «Swarovsky», приглашенные толпились, чтобы поздравить хозяев. В сером льняном костюме, которого я прежде не видел, Пасколи был похож на Джо Пеши, а его жена была просто красавицей. Они поженились год назад, просто невероятно, как они нашли друг друга? Даже Даниэла заметила, что жена Пасколи птица высокого полета и он ей не пара, во всех отношениях. Когда нас ей представили, я заметил маленькую татуировку под ухом и грудь, выпирающую из вечернего платья. Пасколи прилично раздобрел и улыбался во весь рот. Позже он поинтересовался, как идут дела у меня и у клиентов. Нет, он не скучал по участку. Теперь он управлял то ли рестораном, то ли магазином жены и подумывал усыновить ребенка. Он сказал, как называется заведение, зазывал к себе, чтобы развеяться: нельзя работать на износ, сказал он, нужно уметь вовремя выйти из игры.

Знакомых среди гостей у нас не было, поэтому, отведав торт, мы ушли. На прощанье Пасколи обнял меня как старого друга, я пожелал ему всего хорошего, мне казалось, что больше мы с ним не увидимся.

Через несколько лет я заехал к одному клиенту в предгорье. Это был столяр, без особых успехов продолжавший дело обанкротившегося отца. Он мне порядком задолжал. Когда я вошел, он обдира локти с тумбочки в своей полупустой мастерской. Я все ходил вокруг да около и ждал, когда же он раскошелится. Разговор не клеился. Обычно для форсу он

per la mia stessa azienda, disse il nome e che gli aveva fatto pena. Non potevo crederci che fosse Pascoli. Gli parlai dei tempi in cui mi faceva da istruttore e dell'ultima volta che l'avevo visto. Magari si sbagliava. Allora il falegname si accese una sigaretta, eravamo di fronte alla sua cabina di verniciatura infunghita, e disse che quando era stato da lui gli aveva raccontato una storia da rizzare i capelli. In sintesi Pascoli aveva divorziato con una sentenza che l'aveva lasciato a culo nudo e in più gli avevano scoperto un tumore alla prostata. Ma la parte più incredibile era il motivo del divorzio. Il falegname aveva cominciato dicendo quanto poteva essere troia bastarda la donna e la vita in generale. Era un ragazzone con la barba ispida che parlava dialetto stretto, la voce cupa e profonda come un muggito. Pareva che il fratello della moglie o un suo amico avesse scoperto una tresca. Pascoli aveva un piccolo appartamento a Silvimarina dove andava ogni tanto a fare delle cene con gli amici, anche il falegname aveva un posto così dove si ritrovava a mangiare la cacciagione col suo giro, era normale. Insomma Pascoli ci portava una fichetta che poteva essere sua figlia, una che lavorava per la moglie. Si trovavano lì ogni tanto e scopavano, niente di che. Ma l'estate scorsa il parente o l'amico della moglie li segue con la macchina, aspetta una mezzora e sale su a scattare foto. Pascoli diceva di essere rimasto indignato quando la moglie gliel'aveva mostrate, non tanto per il fatto in sé ma perché l'appartamentino è al terzo piano e quell'uomo, per puntare l'obiettivo nella tapparella aperta, doveva essersi arrampicato fin lassù. Pensa tu la volontà di rovinarlo. Arrampicarsi su un palazzo alle due di pomeriggio. Lasciava senza parole. Pascoli e la moglie si sarebbero sistemati non fosse per quelle foto in cui si vedeva tutto, non si poteva metterci gli occhi e fare come niente. A mandarli in pezzi non era stata la verità in sé, ma qualcosa di più forte. Il falegname gettò a terra il mozzicone e disse che per i soldi sarei dovuto ripassare il mese prossimo. Tornando indietro avevo ripensato a Pascoli e mi era sembrato di avercelo accanto che parlava. Pochi giorni dopo mentre stavo per scendere dalla macchina lo vidi che sbucava dalla serranda di un'officina. Volevo andargli incontro e prenderlo di petto, capire se intendesse farmi la guerra per riprendersi la zona o cosa. Poi l'avevo osservato. Camminava come lo portasse un filo d'aria, la faccia consumata. Non aveva nessuna valigia, indossava una

заливал, что скоро получит большой заказ и купит у меня канистру клея и спреи. Я ничего не собирался ему продавать – у отчаяния скверный запах. Какой резон продавать, если клиенту нечем заплатить? Однако в этот раз он потащил меня в офис – продемонстрировать, что кто-то ему все-таки поверил. Он сунул мне под нос бланк заказа, подписанного на прошлой неделе. Название фирмы ничего мне не говорило. Когда я спросил, кто продавец, то столяр ответил, что я должен его знать: он был другом его отца и много лет проработал в моей компании. Назвал имя и добавил, что ему жаль бедолагу. Я ушам своим не поверил – это был Пасколи. Я рассказал столяру о своем первом наставнике и о нашей последней встрече. Скорее всего, тут какая-то ошибка. Тогда столяр закурил – мы стояли напротив его облупившейся покрасочной камеры – и рассказал мне обо всех злоключениях Пасколи, от которых просто оторопь брала. Если коротко, то после развода Пасколи остался с голой задницей и заболел раком простаты. Но самое удивительное – это причина развода! Столяр начал свой рассказ с постулата, что все бабы стервы да и вообще жизнь – скверная штука. Этот верзила с колючей бородой говорил на диалекте, его глухой, мрачный голос напоминал мычание. В общем, вышло так, что то ли брат жены, то ли какой-то приятель узнал про похождения Пасколи на стороне. У него была квартирка в Сильвимарине, где он иногда ужинал с друзьями. Все в порядке вещей – у столяра, мол, тоже есть такое местечко, где они с приятелями собираются после охоты. Так вот, Пасколи повадился водить туда молоденькую девчонку, которая ему в дочки годилась, да и к тому же работала у его жены. Встречались они там и, ясное дело, занимались любовью. Но прошлым летом этот то ли родственник, то ли знакомый жены выследил их, выждал полчаса и залез наверх, чтобы все заснять. Когда жена ткнула ему под нос фотографии, больше всего Пасколи возмутила низость этого негодяя – квартира-то была на четвертом этаже, и, чтобы направить на них свой объектив, папарацци не побоялся вскарабкаться на самый верх. Это как же они хотели от него избавиться! Вскарabкаться на жилой дом среди бела дня – вот так дела! Не будь тех треклятых фотографий, Пасколи с женой жили бы и дальше. Но после увиденного уже нельзя было делать вид, будто ничего не случилось. В общем, разлучила их не столько правда, сколько нечто большее. Столяр выкинул на землю окурков и сказал, чтобы я заехал за деньгами через месяц. По дороге назад

camicia a mezza manica con il taschino da cui spuntavano una penna e un foglietto bianco. Nient'altro, pantaloni cadenti. Girando la testa mi aveva visto. C'era il sole, un'aria nitida, doveva avermi riconosciuto ma tenne lo sguardo vuoto. Ci fissammo, io seduto immobile nell'abitacolo e lui che camminava. Non bussò contro la carrozzeria né mosse un braccio per salutare, sfilando davanti al finestrino mi fece ombra per un momento.

я думал о Пасколи, мне казалось, я слышу его ворчливый голос на соседнем сиденье. Через несколько дней из окна машины я увидел, как он вдруг вынырнул из ворот мастерской. Мне хотелось броситься к нему и вытрясти из него правду: неужели он решил объявить мне войну и выкинуть со своего участка? И тут я внимательно на него посмотрел. Казалось, его ветром шатает. Изможденное лицо. Без сумки, в рубашке с коротким рукавом, из кармана которой торчала ручка и бумага. И все. Болтающиеся брюки. Он обернулся и взглянул на меня. Был солнечный, ясный денек – вероятно, он узнал меня, но не подал виду. Мы смотрели друг на друга: я из салона машины, он – шагая мне навстречу. Проходя мимо, он не постучал в окошко и не помахал мне рукой – лишь его тень на миг закрыла солнце.

Nota critica

Il quasi cinquantenne Pascoli è un commesso viaggiatore di lungo corso, uno che conosce tutti i trucchi del mestiere e che molto volentieri elargisce consigli e ammonimenti al discepolo alle prime armi che lo accompagna. Da parte sua, il principiante è testimone dell'efficacia della tecnica di Pascoli, e questo mediocre Virgilio gli appare depositario di una saggezza, o almeno scaltrezza, sapienziale. Quindi l'allievo non si meraviglia se il maestro mette a segno il colpaccio per eccellenza: applicando la *summa* della propria filosofia da piazzista («È te che vendi»), Pascoli si sistema sposando una donna di classe, più giovane e molto più ricca di lui; e potrebbe comodamente fare la bella vita se, incontentabile, non si concedesse anche un'amante. L'autore dosa nel personaggio di Pascoli buon senso e spacconeria, giovialità e opportunismo, generosità e grettezza, restituendoci una figura forse non simpatica ma ben delineata e tristemente plausibile.

Anna Zangarini

Отзыв о рассказе

Пятидесятилетний Пасколи, почти всю жизнь проработавший коммивояжером, знает все тонкости ремесла и охотно делится опытом со своим преемником. Постигающий азы новичок, в свою очередь, воочию убеждается в том, что Пасколи – мастер своего дела. Этот доморощенный Вергилий кажется молодому человеку кладезем житейской прозорливости, если не мудрости. Поэтому ученик ничуть не удивляется, когда наставник, применив на деле собственную философию торговца («Ты предлагаешь себя»), делает ход конем и женится на богатой, молодой красавице. Не заведи его наставник себе и любовницу, он бы и дальше жил припеваючи.

Наделив Пасколи здравым смыслом и бахвальством, жизнелюбием и оппортунизмом, щедростью и мелочностью, автор представляет на суд читателя не слишком привлекательного, но весьма правдоподобного персонажа.

Анна Дзангарини

Biografia

Pier Franco Brandimarte è nato l'8 novembre 1986 in Abruzzo, nella collina teramana. È laureato in Scienze Politiche con magistrale in Mass Media e Politica all'Università di Bologna. Ha pubblicato vignette di satira per giornali e riviste e scritto spettacoli teatrali per bambini. Nel 2014 vince il Premio Calvino con il romanzo *L'Amalassunta*, pubblicato l'anno successivo da Giunti Editore. È stato finalista all'edizione del Premio Raduga del 2016. Un suo piccolo libro uscirà a breve per Mattioli 1885. Vive a Torino.

Биография

Пьер Франко Брандимарте родился 8 ноября 1986 года в регионе Абруццо, в живописной местности среди тераманских холмов. Получил диплом бакалавра политических наук и магистра в сфере СМИ и политологии в Болонском университете. Публиковал сатирические очерки в газетах и журналах, писал театральные пьесы для детей. В 2014 году удостоен Премии им. Кальвино за роман «Амалассунта», который через год вышел в издательстве «Giunti Editore». В 2016 году вышел в финал Премии «Радуга». Его книга готовится к печати в издательстве «Mattioli 1885». Проживает в Турине.

Maria Chiara De Pascali

Traduzione in russo di Evgenija Litvin

Мария Кьяра Де Паскали

Перевод на русский язык Евгении Литвин

MEMORIE PER SOLA LETTURA

Nessuna vibrazione, stasi perfetta. Di cosa non è capace il mio narcisismo? È davvero incredibile come io sia riuscito a specchiarmi persino qui, in questo preciso istante, sotto gli occhi stanchi e accigliati del giudice. Starà certo insinuando che sto temporeggiando.

Mi è capitato di vivere in una casa completamente priva di specchi. Un giorno mio padre mi portò a pescare in un'insenatura bassa e isolata. Aveva voluto sorprendermi; mi aveva fatto gettare l'amo senza dirmi cosa sarebbe successo, ma dopo i primi minuti di attesa l'eccitazione era presto calata. Guardandomi attorno annoiato, avevo allora notato che le piccole pozze d'acqua che si inabissavano nello scoglio buio di alghe e di altra viscida vita brulicavano di avannotti e altre forme imperfette, al riparo dai flutti violenti del mare libero. Mi avvicinai, mi chinai, ma invece dei miei lisci giocattoli mi capitò di incontrare il mio volto, che emergeva proprio lì, nella sabbia sporca del pozzo, incorniciato da alghe, percorso dai guizzi torbidi della vita che scappa. Il piccolo pozzo aveva ricambiato il mio interesse con il bagliore smunto, spigoloso, metallico del mio viso, così diverso dal volto di mio padre, tondo, carnoso, maturato al sole. Una contrazione sorda nel basso ventre, e desiderai potermi nascondere anche io nelle tenebre pietose di qualche abisso. Eppure non riuscivo a smettere di guardarmi, per quella sorta di fibroso, sanguinolento piacere che a volte si prova nel guardare qualcosa di disgustoso. E mentre indulgevo in quell'ebbrezza orripilata, piombò la bellissima prugna, il volto di mio padre, solcato da un grasso sorriso. Mi porse davanti agli occhi la forma agonizzante di un'occhiata. Ancora scosso, vidi la mia effigie sovrapporsi al corpo del pesce, e la sentii insolcarsi nella mia memoria come un chiodo ritorto, martellato da colpi scomposti, frenetici, poi sempre più radi, sempre più deboli. L'occhiata, infine, si fermò. Allora mio padre mi spiegò perché l'occhiata si era spenta, e cos'era la morte, e perché fosse indispensabile. Mi raccontò di come l'aria fosse vitale per l'uomo e mortale per il pesce, e viceversa. Ma io lo ascoltavo a malapena, e fissavo distratto gli occhi piccoli e tondi di mio padre, e il filo taglientissimo del mio riflesso curvo sulle sue pupille. Non mi importava nulla dell'occhiata, della morte, dell'acqua e dell'aria. Ma mio padre fraintese il mio stupore, la mia

ПАМЯТЬ ТОЛЬКО ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Никакой вибрации, абсолютная неподвижность. На что еще способен мой нарциссизм? Поразительно, что мне удастся наблюдать за собой даже здесь, в это мгновение, под хмурым и усталым взглядом судьи. Он наверняка решит, что я тяну время.

Так вышло, что я жил в доме, где не было ни одного зеркала. Однажды отец повез меня на рыбалку в небольшую закрытую бухту. Он хотел удивить меня: заставил забросить удочку, не объяснив, что за этим последует, но уже после первых минут ожидания мой энтузиазм быстро угас. Со скукой оглядываясь по сторонам, я заметил, что в небольших лужицах, темневших среди расщелин, заполненных водорослями и прочей клейкой растительностью, копошились мальки и другие непонятные существа, укрытые здесь от сильных волн открытого моря. Я подошел, наклонился, но вместо скользких малявок вдруг увидел свое лицо, появившееся прямо там, на фоне грязного песка с водорослями по краям. По нему выписывали зигзаги мельтешащие создания. Лужица ответила на мое любопытство металлическим сверканием: это было мое лицо – тощее, угловатое, совсем не похожее на округлую и мясистую, загоревшую на солнце физиономию отца. Я ощутил тупое сокращение внизу живота, и мне тоже захотелось спрятаться в темноте какой-нибудь расщелины. При этом я не мог оторвать взгляда от своего лица, испытывая такое волокнистое, кровоточивое удовольствие, какое иногда возникает при взгляде на что-то неприятное. И пока я предавался этому отвратительно-пьянящему чувству, в воде показалась прекрасная слива – лицо отца, перекошенное широкой улыбкой. Мой взгляд уперся в чей-то умирающий взгляд, и я, все еще потрясенный, увидел перекрывшее мое отражение тело рыбы. Оно застряло у меня в памяти как кривой гвоздь, по которому бьют молотком: нервно, исступленно, а потом все реже, все слабее. Наконец изображение замерло. Тогда отец объяснил мне, почему ее взгляд потух, что такое смерть, и почему она неизбежна. Он рассказывал о том, что воздух жизненно важен для людей и губителен для рыб. А с водой – все наоборот. Но я едва слушал его, рассеянно глядя в маленькие круглые глаза отца, в зрачках которых изгибался острый край моего отражения.

angoscia, e la prugna si raddolcì di un lento, profondo sorriso, e mi sussurrò tepidamente: «Ma non temere! Tu, se lo vorrai, non morirai mai».

Per un po' continuai ad insistere nel tornare a pescare. Mi sedevo nel solito posto, accanto alla pozza; quando i pesci abboccavano, smettevo di fissare il mio volto per dedicare qualche istante alla morte. Scoprii di preferire, peraltro senza particolari motivi, i guizzi scomposti alla staticità, e l'ondeggiare placido ai guizzi, e la vita alla morte. Chiesi a mio padre se fosse possibile andare a pesca senza far male ai pesci, ma lui si limitò a tendere un sorriso, senza smettere di scrutare con attenzione nel panno scuro delle acque, mentre mi scuoteva i capelli con fare scherzoso. «Senti, di' un po', per caso hai fatto la spia? Qui si son tutti nascosti».

Col tempo iniziai a percepire sempre più chiaramente la natura ambigua di mio padre. Presto non provai più una confusa ammirazione, ma solo una cruda insofferenza nei confronti della naturalezza inquietante con cui lui, senza mai dismettere il suo sguardo gentile, agghindava di cibo innocente la punta acuminata dell'amo. Presto decisi che il mio sollazzo perverso non valeva più la vita di quei pesci, e non volli mai più andare a pesca. Quando a cena mi capitava di trovarmeli nel piatto, mi piaceva immaginare che mio padre li avesse modellati quel mattino, dalla forma inerte e colpevole di non-vita dell'impasto di acqua e farina. Da dove la farina provenisse, non me l'ero ancora chiesto.

L'acqua mi porse uno specchio, la terra invece mi regalò un'ombra. Nessun altro dono avrebbe potuto essermi più sgradito di questi. All'aberrazione del mio riflesso faceva eco lo squallore della mia ombra, infinitamente più spigolosa, nodosa e sgraziata di quella piena e armoniosa di mio padre, rispetto alla quale la mia pareva una semplice lisca. Camminavo nell'ora dei demoni meridiani, sui sentieri rossi, nei prati stepposi, tra i rovi, tra i cardì spinosi, trascinandomi quella larva ridicola che non mi apparteneva. Le foglie tremavano, i ramari crepitavano via, i ragni trottavano fuori dalla contaminazione di quella sagoma sgraziata e bugiarda. Solo a me avevano dato un'ombra spezzata, strizzata, malridotta, grande meno della metà? Solo io dovevo trascinarci uno smunto abominio? Quante volte percorrevo con precisione infinitesimale il margine rattappito delle foglie, della corteccia, dei rami, delle zampe, delle articolazioni, alla ricerca del più piccolo errore di cui la luce potesse essersi macchiata nell'incidere le singole ombre. Quante volte mi era parso

Меня ничуть не заботили взгляд, смерть, вода и воздух. Но отец неправильно понял мое изумление и тревогу, слива расплылась в медленной широкой улыбке и тепло прошептала мне: «Да ты не бойся! Если ты захочешь, то никогда не умрешь».

После этого некоторое время мы ходили на рыбалку по моей инициативе. Я садился на обычном месте, у воды; когда рыбы клевали, я отвлекался от своего отражения, чтобы посвятить несколько минут смерти. Я обнаружил, что по неизвестной причине беспорядочные судороги мне нравятся больше неподвижности, а спокойное движение – больше судорог, жизнь – больше смерти. Я спросил у отца, можно ли рыбачить, не причиняя вреда рыбе, но он лишь улыбнулся и шутливо взъерошил мне волосы, вглядываясь в темную водную гладь. «Послушай–ка, ты часом не их шпион? Что–то они все попрятались».

Со временем я все яснее понимал, что отец – двуличный человек. Вскоре смущенное восхищение сменилось очевидной неспособностью выносить пугающую непринужденность, с которой он с тем же добрым взглядом нанизывал невинную приманку на острый конец крючка. Я решил, что хватит лишать рыб жизни ради моего извращенного развлечения, и отказался ходить на рыбалку. Когда за ужином я обнаруживал этих рыб на тарелке, мне нравилось представлять, что отец слепил их утром из инертной и преступно–безжизненной смеси воды и муки. Откуда берется мука, я в то время себя не спрашивал.

Вода предоставила мне зеркало, а земля подарила мне тень. Хуже подарков и быть не могло. Убожество моей тени стало достойным ответом кривизне моего отражения: угловатая, сучковатая и уродливая, на фоне округлой и гармоничной отцовской тени она выглядела как рыбная косточка. Я бродил в часы полуденных бесов красными тропинками по сухим полям, среди кустов ежевики и тернистых чертополохов, таща за собой нелепый призрак, который мне не принадлежал. Листья дрожали, ящерицы убегали, шурша, пауки улепетывали, столкнувшись с уродливым лживым силуэтом. Мне одному дали такую тень: сломанную, съежившуюся, жалкую – тень–коротышку? Я один должен таскать эту тощую гадость? Сколько раз я тщательнейшим образом исследовал извилистый край листьев, древесной коры, ветвей, лап или сочленений, пытаюсь найти хотя бы малейшую ошибку в том, как свет чертит контур теней. Сколько раз мне казалось, что я обнаружил несовершенство,

di scorgere quell'imperfezione che mi avrebbe donato la redenzione di un compagno unto di peccato! E invece ovunque ombre perfette, e vita che fugge.

Ma a volte non sa fuggire abbastanza; a volte, all'odore ferino dei fichi si sovrapponeva il tanfo bagnaticcio della carcassa di una pecora divorata dai cani, che Ade impietoso scioglieva in fetidi liquami, oppure di quella, graziosa anche nella morte, dei cerbiatti più coraggiosi, che all'umido tepore del grembo materno avevano preferito le fauci schiumanti dei lupi. Erano spenti, erano vuoti; ma la loro ombra era ancora lì. Un giorno mio padre mi aveva detto che, secondo un famoso poeta del passato, l'uomo è il sogno di un'ombra. Ho voluto bene a mio padre, ma era un bugiardo. Gonfio come un rospo, si gloriava di insegnarmi il bene, ma si contraddiceva ogni giorno. Mio padre era il sogno di un'ombra ubriaca.

La pozione si increspa di nuovo, si frantuma l'odiata effigie. La luce del tardo pomeriggio illumina il pavimento di candido marmo pario. Non si ode una cicala, né un fruscio di chitoni. La sala è sospesa, l'occhio del giudice ardente, le sopracciglia gonfie di sguardi annacquati. Alle occhiate si dà la morte con l'aria, e agli uomini con l'acqua. A poco è valso scioglierci il miele; la cicuta è amara come l'avevo immaginata.

«Critone, siamo in debito di un gallo con Asclepio».

L'infermiera mi pare perplessa. Le restituisco il bicchiere vuoto, mi concedo una ridacchiata. Non ha colto di certo la citazione. Se morendo Socrate ha contratto un debito col dio della medicina, si vede che la vita stessa è morbo. Gli incredibili progressi della medicina: ora ci si può anche curare dall'immortalità! La scienza dà a Brunilde il bacio della morte. La cicuta è similissima alle piante di carota. Famiglia delle Apiaceae. Un gallo canta in lontananza. Si è già sciolta la morbida pelle? Sono mie queste ossa argentate? L'ombra era corretta! La luce corrompe i corpi, ma non le ombre. La mia figura non era stata processata correttamente. Corrottamente.

Sono passati cinque giorni dal processo del robot antropoide soprannominato "George", frutto dell'ambizioso quanto tragico esperimento condotto dall'ingegnere informatico Giovanni Buccellati. L'esecuzione, come da prassi, è stata condotta tramite l'ingestione di una soluzione a base di acqua ad alta concentrazione salina. Buccellati, che nel 2041 aveva

которое избавит меня от моего брата во грехе! Однако все тени оказывались идеальными, а вот жизнь ускользала.

Но иногда и ей не удавалось убежать: резкий запах инжира перекрывался порой влажной вонью от трупа сожранной собаками овцы, которую беспощадный Аид растворил в зловонных нечистотах. Или от храбрых, даже после смерти изящных оленят, которые предпочли брызжущие пеной пасти волков теплоте материнскому лону. Жизнь в них угасла, их тела опустели, но их тени остались. Однажды отец сказал мне, что, по словам знаменитого поэта далекого прошлого, человек – это мечта о тени. Я любил отца, но он был лжецом. Раздуваясь, как жаба, он гордился тем, что учил меня добру, но каждый день противоречил сам себе. Мой отец был мечтой о пьяной тени.

Зелье вновь покрывается рябью, ненавистное изображение мутнеет. Вечерний свет освещает пол из белого паросского мрамора. Не слышно ни цикад, ни шелеста хитонов. В комнате повисло ожидание: пылающий взор судьи, веки набухли над бесцветными глазами. Взгляды убивают воздух, а людей – вода. Не стоило добавлять мед: цикута столь же горька, как я себе и представлял.

«Критон, мы должны Асклепию петуха».

Медсестра выглядит растерянной. Я возвращаю ей пустой стакан и сам себе усмехаюсь. Уж конечно, она не поняла цитату. Если Сократ, умирая, оказался в долгу перед богом медицины, то очевидно, что сама жизнь – это болезнь. У медицины невероятный прогресс: сейчас исцеляют даже от бессмертия! Наука посылает Брюнхильде поцелуй смерти. Цикута очень похожа на морковь. Семейство зонтичных. Где-то далеко поет петух. Мягкая кожа уже истлела? Эти посеребренные кости – мои? Так тень была правильной! Свет разрушает тела, но не тени. Мое изображение обработано неправильно. Противоправно.

Прошло пять дней после окончания судебного процесса над антропоидным роботом «Джордж» – результатом амбициозного и трагического эксперимента, проведенного инженером–программистом Джованни Буччеллати. Казнь была осуществлена, как обычно, путем проглатывания раствора на водной основе с высокой концентрацией соли. Буччеллати,

brevettato il celebre software di simulazione per androidi *PerfectHuman*, aveva scommesso sulle potenzialità del suo nuovo progetto, il robot George, a cui aveva fatto gradualmente processare il testo di alcuni dei capolavori senza tempo della letteratura mondiale. Per garantire condizioni di sperimentazione ottimali, Buccellati e George avevano vissuto per 8 anni in una piccola fattoria isolata nei pressi della costa. Il 13 marzo “papà” Buccellati si era recato in città per depositare il nuovo brevetto, ignaro che appena due giorni dopo sarebbe stato assassinato dalla sua stessa creatura, che gli ha inferto sei colpi all’addome con un coltello da cucina, per motivazioni tuttora non chiare. Quanto avete letto è la riscrittura di alcuni degli ultimi istanti di vita di George, condotta a partire dai dati estratti dalla memoria fisica del robot. «Ma George non può in ogni caso essere considerato un robot come tutti gli altri», asserisce Elena Zanforlini, giornalista e scrittrice, portavoce del team che ha curato la riscrittura delle memorie di George. «Dai dati in memoria risulta in modo palese come l’androide abbia saputo appropriarsi più che efficacemente dell’esperienza di autopercezione umana indotta da *PerfectHuman*. La cosa davvero sorprendente, però, è come George sia stato in grado di assorbire il significato più profondo dei capolavori somministratigli da Buccellati, e ancora di più come abbia saputo rileggere la letteratura in rapporto al suo vissuto effettivo. Per quanto impartita da un robot, credo che il racconto di George costituisca persino una lezione esemplare sul significato stesso della letteratura, nell’eternità del suo valore che è allo stesso tempo universale e infinitamente individuale. La storia di George ci insegna come la vera letteratura esuli dal concetto tutto umano di guadagno. La vera letteratura non è limitata dallo spazio né dal tempo, né tantomeno dalla morte della carne o dei circuiti. Anche un robot, infatti, può scrivere letteratura. Proprio per questo, abbiamo deciso di curare l’edizione delle memorie di George, per rendere onore ad un artista molto particolare, ma anche per omaggiare il coraggio e la dedizione di Buccellati, sulla cui morte speriamo di fare maggiore chiarezza. L’edizione, integrale e incensurata, corredata da note tecniche tratte dal diario di Buccellati, partirà dai primissimi attimi di vita di George. Ci sarà anche il vero, emozionante finale, che non abbiamo voluto anticipare ai nostri futuri lettori, che siamo certi saranno numerosissimi». L’opera sarà pubblicata a prezzo speciale nell’inverno 2052.

который в 2041 году запатентовал знаменитую программу симуляции для андроидов *PerfectHuman*, сделал ставку на потенциал своего нового проекта, робота Джорджа, которому постепенно давал в обработку различные шедевры мировой литературы. Чтобы обеспечить оптимальные условия тестирования, Буччеллати и Джордж прожили восемь лет на небольшой уединенной ферме недалеко от морского побережья. Тринадцатого марта «папа» Буччеллати отправился в город, чтобы подать заявку на новый патент, не подозревая, что всего через два дня он будет убит своим собственным творением, которое нанесет ему шесть ударов кухонным ножом в живот по до сих пор не установленным причинам. То, что вы прочитали, – запись нескольких последних эпизодов жизни Джорджа, сделанная на основе данных, которые извлекли из памяти робота. «Однако Джорджа ни в коем случае нельзя считать обыкновенным роботом», – утверждает Елена Дзанфорлини, журналистка и писательница, официальный представитель группы, которая записала воспоминания Джорджа. «Хранившиеся в его памяти данные ясно показывают, что андроид благодаря установленной программе *PerfectHuman* смог более чем эффективно усвоить опыт человеческого восприятия. Но больше всего удивляет то, что Джордж сумел глубоко понять смысл шедевров, предоставленных ему Буччеллати, а главное – он соотнес литературу с собственным жизненным опытом. Я полагаю, что рассказ Джорджа, хотя он написан роботом, проливает свет на смысл литературы как таковой, на ее неизменную ценность – универсальную и в то же время бесконечно индивидуальную. История Джорджа учит нас тому, что истинная литература выходит за рамки общечеловеческого понятия выгоды. Истинная литература не ограничена ни пространством, ни временем, ни тем более смертью плоти или электронных схем. Как видим, даже робот способен создавать литературу. Именно поэтому мы решили издать воспоминания Джорджа, чтобы почтить столь необычного художника, а заодно отдать дань уважения мужеству и преданности Буччеллати, о смерти которого мы надеемся узнать больше. Полное издание без купюр, снабженное техническими комментариями из дневника Буччеллати, будет содержать описание жизни Джорджа с самых первых ее минут. Развязка истории несомненно поразит вас, однако мы решили не рассказывать о ней заранее нашим – наверняка многочисленным – читателям». Воспоминания поступят в продажу по доступной цене зимой 2052 года.

Nota critica

E se le macchine che creiamo, sempre più sofisticate, sempre più intelligenti, intellettualmente sempre più simili a noi o forse a noi superiori, diventassero consapevoli di sé? Se, specchiandosi, un robot si rendesse conto della propria perfezione, e ne andasse fiero, o percepisse la propria bruttezza, e ne avesse orrore? E in questo caso, potrebbe odiare chi l'ha creato, e sentire la propria immortalità come una condanna? George, il robot antropoide 'figlio' del programma di un ingegnere informatico, uccide suo 'padre', e la pena stabilita dal tribunale è la morte: la sentenza viene eseguita tramite somministrazione di una soluzione salina, ma George – la cui memoria ha processato i capolavori della letteratura e ne ha assorbito l'essenza più profonda – rifiuta il proprio essere macchina, si sente Socrate che beve la cicuta e ne ripete le ultime parole.

In questo racconto teso, ben strutturato e intenso, sentiamo prima la voce di George, attraverso un frammento della sua memoria che è stata recuperata, e poi gli interrogativi degli storici, che non si spiegano le ragioni del comportamento del robot. Quando, nell'inverno del 2052, uscirà l'edizione integrale delle memorie di George, avremo tutte le risposte...

Anna Zangarini

Отзыв о рассказе

Что если машины, которые мы создаем, – все более изощренные, все более умные, интеллектуально все более похожие на нас и даже превосходящие нас, – поймут, чего они стоят? Что если, взглянув на себя, робот осознает собственное совершенство и возгордится или же решит, что он безобразен, и ужаснется? И что если в этом случае он возненавидит своего создателя, сочтя собственное бессмертие наказанием? Джордж, антропоидный робот, «сын» компьютерной программы PerfectHuman, убивает своего «отца» – системного инженера, суд осуждает его на смерть. Ему предстоит выпить солевой раствор, но Джордж, чья память обработала шедевры литературы и глубоко впитала их сущность, отказывается признавать себя машиной. Он чувствует себя Сократом, выпивающим цикуту, и повторяет его последние слова.

В этом напряженном, насыщенном, четко выстроенном рассказе мы сначала слышим голос Джорджа (часть его памяти удастся восстановить), а затем комментарии историков, которые пытаются понять причины поведения робота. Когда зимой 2052 года будет опубликовано полное собрание воспоминаний Джорджа, мы получим все ответы...

Анна Дзангарини

Biografia

Maria Chiara De Pascali è nata a Lecce nel 1996. Vincitrice di due premi letterari nella categoria “racconti brevi”, conseguita la maturità classica si iscrive nel 2015 al corso di laurea in Lettere Antiche presso l’Università di Pavia, dopo aver vinto il posto di alunna presso il Collegio Ghislieri e l’Istituto Universitario di Studi Superiori (IUSS), Pavia. Si laurea nel 2018 con una tesi sugli usi della metafora del “rosso di sera” (*Abendröthe*) nella scrittura evocativa di Nietzsche. Dopo uno stage presso il Museo Egizio di Torino, nel 2019 acquisisce il diploma IUSS di primo livello con una tesi sul rituale dell’Apertura della bocca nell’antico Egitto. Attualmente iscritta al secondo anno del corso di laurea magistrale in Antichità classiche e orientali, prosegue gli studi nel settore orientalistico, specializzandosi in lingua e filologia cuneiforme ittita e babilonese. Appassionata di opera lirica e rock psichedelico, ha sposato l’antichissimo ma continua a civettare con la letteratura moderna e contemporanea, soprattutto russa, tedesca e italiana.

Биография

Мария Кьяра Де Паскали родилась в Лечче в 1996 году. Окончив классическую гимназию, в 2015 году она прошла вступительный конкурс в Колледжо Гизльери и в Университетский институт высших исследований в Павии и поступила в Университет г. Павия на отделение классической филологии. В 2018 г. защитила диплом об использовании метафоры «вечерний красный» (*Abendröthe*) в сочинениях Ницше, а в 2019 г., пройдя стажировку в Египетском музее Турина, получила диплом за работу о ритуале отверзения уст в древнем Египте. В настоящее время учится на втором курсе магистратуры «Античные и древневосточные культуры», продолжает заниматься востоковедением, специализируясь на хеттской и вавилонской клинописных литературах и языках. Обладательница двух литературных премий в категории «рассказ», увлекается оперой и психоделическим роком. Ее сердце отдано Древнему миру, но она порой заигрывает с современной литературой – в основном, русской, немецкой и итальянской.

Antonio Francesco Longo

Traduzione in russo di Elizaveta Kuznecova

Антонио Франческо Лонго

Перевод на русский язык Елизаветы Кузнецовой

IL CLACSON E LA MARGHERITA

Nino s'era svegliato presto quella mattina, che c'abbisognava di andare in campagna e di togliere la malerba, che altrimenti gli si rovinavano le viti. Strascicò un po' le ciabatte, per le gambe che non ne volevano più di muoversi come si deve. E faticava pure ad alzare le braccia per prendere il caffè. Ne faceva sempre troppo, ma un po' era per la tazza del mattino, il resto lo imbottigliava, che a lui piaceva di portarsi il caffè in campagna, freddo, in una bottiglietta di vetro. Quando c'era Pippa, il caffè lo faceva lei, e gliela preparava sempre, la bottiglietta. Sospirò. «Bedda mia». E nel frattempo smollicava il pane che la colombaccia ne voleva pure lei. Aveva una colomba, Nino, che l'aveva chiamata Pippa pure lei, perché gli piaceva e gli teneva compagnia e gli fregava i mozzichi di pane come faceva lei. Si vestì con una lentezza che gli venne rabbia, ma si sistemò comunque la camicia vecchia e i jeans, logori ma non strappati, che i jeans strappati non servono a niente. Mise in moto la panda 4x4 verde e si avviò, che aveva fatto tardi ed era quasi l'alba. Ma tardi per quant'era, anche se era dall'altra parte del paese, Nino passò davanti al cimitero, che lo faceva ogni volta che usciva la macchina, e non l'avrebbe mancato una volta al mondo. E quando c'era davanti, al cimitero, batteva il pugno sul clacson, per salutarla, che lo sapeva, lui, che a lei faceva bello un saluto, una cortesia, 'na coccola come quando la vedeva anni prima sotto gli archi. A volte doveva battere due volte, che la macchina era vecchia e "cutturiusa", ma lui si contentava di battere una volta di più, che la macchina l'avrebbe potuta cambiare, ma non la cambiava perché gli piaceva così, spartana e semplice. Forse gli ricordava Pippa pure la macchina, perché Pippa era semplice. E quindi Nino suonava il clacson, che c'aveva quel vizio, e anche se gli costava tempo e benzina lui lo faceva, e ne era contento.

La campagna, a Nino, gli piaceva assai. Lì c'erano lui e il suo lavoro. Apriva il cancello "arruggiato" con un piglio d'orgoglio, che la stradina che portava al casotto l'aveva fatta lui, battendola con la pala. Parcheggiava sempre dietro al casotto, che stava su, nella collinetta, e

КЛАКСОН И РОМАШКА

В то утро Нино проснулся рано, потому что нужно было ехать на виноградник полоть сорняки, а не то всю лозу попортят. Он пришаркивал тапочками, все из-за ног, отказываются они служить, как следует. Да и руки за кофе поднимать тяжело. Кофе он всегда варил с избытком, но утром пил только чуть-чуть, остальное переливал в бутылочку, нравилось ему брать с собой на виноградник кофе – холодный, в стеклянной бутылочке. Когда еще была жива Пиппа, кофе варила она и всегда бутылочку ему готовила. Нино вздохнул: «Милушка моя». А сам тем временем хлеб крошил, голубке-то тоже есть хочется. Была у Нино голубка, он ее тоже Пиппой звал, нравилась она ему, да и компанию составляла, и крошки у него таскала, прям как тезка ее. Он оделся – так медленно, что даже зло взяло, – но все равно поправил старую рубашку и джинсы, потертые, но не рваные, рваные-то джинсы вообще никуда не годятся. Завел зеленую «Панду 4x4» и поехал, было уже поздно, почти рассвело. Но как бы ни было поздно, и хотя ради этого приходилось тащиться на другой конец деревни, Нино поехал мимо кладбища: он всегда так делал, когда выезжал на машине, и никогда, ни за что на свете не поехал бы другой дорогой. И когда он уже был прямо у кладбища, напротив ворот, он ударял кулаком по клаксону, чтобы с ней поздороваться, знал, что ей это понравится – привет, знак внимания, ласка, как когда он с ней давным-давно встречался под арками. Иногда приходилось ударять по клаксону пару раз, машина-то уже была старушка, ворчунья, но он просто жал на клаксон еще разок. Он мог бы и поменять машину, но не менял: она ему и такая нравилась, простая, спартанская. Может, машина ему тоже Пиппу напоминала, Пиппа-то ведь простая была. Так что Нино сигналил, был у него такой грешок, и, хоть тратил время и бензин, все равно это делал и был тому рад.

За городом Нино страх как нравилось. Тут он оставался наедине с работой. Нино открывал заржавленную калитку не без гордости, ведь дорожку, что к домику ведет, он сам сделал,

da là si vedeva tutta la vigna a valle. E ci piaceva pure di vedere la luce che batteva sui terrazzi di pietra lavica, che li aveva fatti lui con suo padre, e ne andava orgoglioso, che si reggevano da soli, perché lui le cose le faceva bene e ne era fiero, di lavorare, non come gli altri che non c'avevano sale in zucca e quindi c'abbisognavano del calcestruzzo. E però l'orgoglio non toglie la malerba, e si doveva spicciare, che la malerba cresce sempre, anche quando lavori assai e bene. E la malerba ha questo di brutto, che ce n'è tanta, ma è fannullona, che richiede tanto nutrimento ma non fa di frutto, e a lui ricordava quelli che chiedono sempre e non danno mai. E lui era uno di quelli che dava invece, e lo sapeva, e gli pareva d'essere fesso, perché era gentile e credeva nelle cose buone, che la bontà ti porta rispetto e il rispetto è importante. E lui fesso non voleva esserlo, ma preferiva essere gentile.

La malerba cresce alta e dritta, e pungola un po' la mano, perché c'ha 'ste fogliette appuntite che sono un fastidio. Cresce dappertutto e si nasconde, ma Nino aveva l'occhio fino e sapeva dove guardare, che quella cresce dove stanno le migliori piante da frutto, e quindi si doveva fare del gran chinarsi per beccare quelle nascoste dietro le viti. Ma lui si chinava, con la "carina" che gli doleva, perché la schiena, si sa, con l'età scricchiola e non ti porta gentilezze. Ma lui s'abbassava lo stesso, e allungava le braccia, che gli veniva difficile e a pensarci avrebbe potuto chiamare suo figlio Peppe, o suo nipote, ma poi gli piangeva il cuore a prendergli tempo, che quello studiava e lui voleva che facesse le scuole, e quindi andava in campagna da solo e lavorava, che ne andava fiero. Ma la malerba, questo lo aveva spiegato pure a suo nipote, si strappa solo a tirarla verso l'alto, che se la tiri a destra e sinistra quella è più dura "du mammuru", ma se la tiri verso l'alto viene via facilmente. È perché la natura c'ha questo di bello, che s'ha da prendere solo per un verso: quello suo. E la malerba il verso ce l'ha verso l'alto, e allora la tiri verso l'alto. E a Nino piaceva che la natura aveva regole semplici, ma gli spiaceva che i giovani non se ne curavano, perché la vita è tutta lì, fra i rami di ulivo e la vendemmia. E lui si ricordava che s'arrampicava sempre per prendere "i cirasi", perché Pippa sotto le prendeva al volo e le mangiava. E non capiva quelli che l'amore se lo davano a messaggi sopra il telefono e non con le ciliegie, e le capatine a casa, e i giri in moto.

лопатой выдолбил. Он всегда парковался за домиком, который сверху на холмике стоял, оттуда видно весь виноградник у подножья. И любил смотреть, как солнце печет террасы из лавового камня, которые они с отцом сделали, и Нино гордился, что те сами держались, он-то все делал на славу и был доволен, не чета некоторым, что без царя в голове, кому все бетон подавай. Но сорняки гордостью не вырвешь, нужно было поторапливаться, сорняки-то все время растут, даже если работаешь хорошо и много. И что плохо в этих сорняках – столько их, да все лентяи: есть едят, а плодов не приносят. И ему вспоминались люди, которые все время что-то клянчат, а сами ничего не дают. А Нино был как раз из тех, кто дает, и он это знал и сам казался себе простофилей, потому что добрый и в хорошее верит, и в то, что доброта приносит уважение, и что уважение – это важно. И не хотелось ему быть простофилей, только вот он все равно предпочитал быть добрым.

Сорняки высокие, прямые, немножко колют руку, потому что у них такие маленькие острые листочки – сущее наказание. Сорняки растут везде и прячутся, но у Нино глаз острый, он знал, куда смотреть, потому что они всегда там же, где и лучшие плодовые растения, так что приходилось нагибаться, чтобы ухватить те, что прятались за лозой. И он нагибался, всем своим больным остовом, с годами спина-то, известное дело, начинает скрипеть, досаждают хозяину. Но Нино все равно нагибался и руки тянул, хоть ему это и непросто было. Он, если так подумать, мог бы позвать своего сына Пеппе или внука, только сердце ныло при мысли, что придется отнимать у них время: внучок-то учится, Нино хотел, чтобы он в школу ходил, поэтому ездил за город один и сам работал, и был этим горд. А сорняк – это он и внуку объяснил – нужно вырывать строго вверх, вправо-влево потянешь – тверже мрамора станет, а если вверх дернуть, с легкостью выскочит. Что в природе дивно, так это то, что у нее только одно направление есть: ее собственное. И раз сорняк растет вверх, так и тяни его вверх. И нравилось Нино, что у природы простые правила, да вот не нравилось, что молодежи на это наплевать, а ведь жизнь-то она вся тут, между оливковыми ветвями и сбором винограда. И вспоминал он, как лазал за черешней, чтобы Пиппа ее с лету внизу ловила и ела. И не понимал он тех, кто признается в любви сообщением в телефоне, а не

Verso le cinque di pomeriggio Peppe gli fece una chiamata, e Nino era contento, che gli voleva un bene che non si dice, e perché a non avere neanche lui si sarebbe sentito proprio solo, che lui era la sua roccia. Però Peppe c'aveva quella testona, che quando s'impuntava era un dolore di testa, e s'era impuntato che alle cinque Nino se ne doveva andare dalla campagna, e non c'era verso di farlo smettere. Chiuso il telefono, si diede un'occhiata intorno, e vide che il grosso era fatto. L'indomani, gli mancava di fare solo la parte alta della campagna. Si rimise in strada col cuore un po' più leggero, perché togliere la malerba era importante e a lui sembrava un compito importante, una missione. Decise di andare al cimitero, a vedere Pippa. Gli piaceva dove l'avevano messa. Era nella parte alta del cimitero, in un angolo del piano rialzato che dava sul resto, e con gli occhi gli riusciva di carezzare il mare, l'orizzonte e il tramonto, e Nino era contento che Pippa stesse lì, con gli occhi fra mare e montagna. La tomba era spoglia, nera di ossidiana, con una scritta semplice semplice, che Pippa era fatta così. Lavò la lastra e guardò a lungo la fotografia sbiadita. Poi s'inginocchiò, e non era cosa da poco, con quelle ginocchia, ma lui lo fece, e posò le labbra sulla tomba, per un bacio, che gli andava, e gli piaceva così, e lo faceva stare bene. Pregava, e poi si alzava reggendosi con la mano sulla pietra come un tempo Pippa si reggeva su di lui. E ci stava sempre un sacco a staccare la mano, che gli pareva male, che non voleva, che si chiedeva sempre perché era stata lei e non lui. Ma poi guardava la foto, e Pippa gli sorrideva, che lo sapeva che lei era contenta se lui gli portava una margherita. E lui la margherita la portava sempre, la coglieva da solo, la infilava nel taschino, e alla fine la dava a lei, che le piacevano da matti, le margherite. La panda 4x4 partì con uno strozzo di motore, ma il clacson suonò limpido al tramonto, e Nino andò a prendere del pane, che Pippa, l'altra, la colomba, aveva da mangiare pure lei.

Il giorno dopo Pippa batteva sul vetro della stanza da letto, e Nino si svegliò di soprassalto, che erano già le 11.00 e col sole alto è difficile lavorare in campagna. Mise rapido in moto e partì. Era proprio in ritardo. Passò dal cimitero e diede un colpo di clacson. Era davvero in ritardo. Mancava la parte alta, e la malerba s'aveva da togliere, che a lui sembrava che

черешней, не забегая на минуточку в гости, не катая на мотоцикле.

Часов в пять позвонил Пеппе, и Нино был рад, потому что души в нем не чаял, не будь его, он бы себя чувствовал совсем одиноким: сын его, как скала. Но Пеппе упрямец, каких свет не видывал, выдумает себе что, так хуже головной боли делается, вот и вздумалось ему, что Нино в пять пора уезжать с виноградника, и никак его не переубедить. Закончив разговор, Нино осмотрелся и увидел, что большая часть работы сделана. На завтра оставался только холмистый кусочек виноградника. Он пустился в обратный путь, на душе полегчало: сорняки полоть – это важно, он считал это важной задачей, целой миссией. Нино решил поехать на кладбище проведать Пиппу. Ему нравилось, куда ее положили – на возвышении, в уголке, откуда видно остальное кладбище, и можно взглядом обласкать море, горизонт и закат, и радовался Нино, что Пиппа тут лежит, глядя на море и гору. Надгробие было без украшений, из черного обсидиана, с простенькой надписью: мол, Пиппа была такой-то и такой-то. Он вымыл плиту и долго глядел на выцветшую фотографию. Потом опустился на колени, что было непросто, с его-то коленями, но он все равно это сделал и прижался губами к надгробию, потому что ему так хотелось, и нравилось ему это, и чувствовал он себя от этого лучше. Он молился, а потом вставал, опершись одной рукой о камень, как когда-то Пиппа опиралась на него самого. И он всегда долго-долго не отнимал руки, потому что это казалось нехорошо, и не хотелось, и каждый раз Нино спрашивал себя, почему она, почему не он. А потом смотрел на фотографию, и Пиппа ему улыбалась, и он знал, что она радуется, когда он приносит ей ромашку. А ромашку он ей всегда приносил, сам срывал, клал в кармашек, а потом дарил ей, она ромашки-то эти до безумия любила. «Панда 4x4» тронулась с места, мотор поперхнулся, но клаксон на закате прозвучал звонко, и Нино поехал за хлебом, ведь другой Пиппе, голубке, тоже нужно поесть.

На следующий день Пиппа постучала в окно спальни, и Нино подскочил спросонья, было-то уже 11.00, а когда солнце высоко, работать на винограднике трудно. Нино быстро завел машину и поехал. Проехал мимо кладбища и просигналил. Он уже здорово припозднился. Оставалась часть виноградника на возвышении, сорняки нужно было вырывать, ему ка-

a toglierla prima, si sarebbe tolto un velo dal cuore. E però Nino era sempre stato uno spartano, e non si curava mai della sua sicurezza, e faceva cose che non doveva fare. Ed era salito su un terrazzo alto, che aveva visto dei cespi di malerba, e s'avevano da togliere, ma la vecchiaia ti gira brutte mani, alle volte, e la gamba non gli resse e cascò all'indietro. Franò a terra con le pietre della murata del terrazzino, e la pietra lavica, che taglia come vetro, gli si piantò sul braccio. Ma lui era di roccia e ne aveva viste tante, che aveva fatto la guerra e sapeva la fame e il dolore vero, e quindi non gridò nemmeno, ma s'immusonì e si lamentò con quelle gambe che lo tradivano, dopo tutti quegli anni. Col braccio ancora buono si cercò il cellulare nelle tasche, che c'aveva i tasti grossi, ma lui doveva avvicinarlo comunque al naso che sennò non vedeva. E sbagliò pure tasto, che per poco non chiamava Zia Pina, e allora avrebbe imprecato come Dio comanda, ma si corresse e invece di Zia Pina rispose Peppe. E gli spiegò la situazione, che era caduto e non gli riusciva d'alzarsi, e quello, testone, prese a sgridarlo e alzare la voce, ma intanto Nino lo sentiva che correva e accendeva la macchina, che per fortuna era un figlio coscienzioso. Mentre aspettava steso sulla terra guardò in cielo, che ormai lo faceva poco, con quel collo bloccato a livello degli occhi, e gli piacque di vedere le nuvole, che si seguivano col vento e sembravano cambiarsi d'abito ogni secondo. E lui si ripensò ragazzo, quando con Pippa scendeva alla Piana per il raccolto, ma finiva sempre che si imboscavano, rubavano qualche arancia e poi si stendevano a guardare il cielo, e si tenevano per mano e si baciavano e...

Peppe arrivò con quel suo affanno che gli ingrossava il nasone, che Nino lo sapeva che il nasone era colpa sua, ma almeno gli occhi erano quelli di Pippa, belli e dolci. Lo aiutò a stare in piedi, e Nino iniziò subito a dire che stava bene e che avrebbe continuato, ma Peppe gli disse che non poteva lavorare col braccio così, che sanguinava, gli disse, e che non dava bene che alla sua età si trattasse così. E lo caricò in macchina, e prese la strada del pronto soccorso, e Nino lo lasciò fare, che lo faceva per il suo bene, e per una volta si concesse di chiudere gli occhi un po'. Li riaprì che erano quasi arrivati al pronto soccorso, che si era ricordato una cosa importante.

«Peppe...».

залось, что, покончи он с ними побыстрее, снимет с сердца тяжкий груз. Только Нино всегда был спартанцем, да и о безопасности не заботился и поступал, как не следует. И вот он забрался на верхнюю терраску, потому что увидел там пучки сорняков, и надо было их повыдергать, но старость тебе вставляет порой палки в колеса, нога подвернулась, и полетел Нино вниз. Рухнул на землю вместе с камнями из стены терраски, и лавовый камень, острый как стекло, впился ему в руку. Но Нино был тверд, что твой кремень, чего только на своем веку не видывал, и войну прошел, и голод, и настоящую боль, так что даже не вскрикнул, только поморщился и посетовал на ноги, которые после стольких лет его подвели. Здоровой рукой поискал по карманам телефон, тот у него был с большими кнопками, но все равно приходилось подносить к самому носу, иначе ничего не разглядеть. И все равно Нино ошибся кнопкой, чуть было не позвонил тете Пине – вот бы он тогда выругался, не стесняясь в выражениях. Но он сразу исправился, и вместо тети Пины ему ответил Пеппе. Нино объяснил ему ситуацию, что упал и не может встать, а тот, упрямец, начал ругать его и кричать, но Нино слышал, что сын бежит и заводит машину, к счастью, сын у него сознательный. Лежа на земле в ожидании, он посмотрел на небо, теперь он редко это делал, с его-то шеей, которую заклинило так, что не поднять голову, не опустить, и радостно ему было видеть облака, которые бежали друг за дружкой по ветру, и казалось, что они каждую секунду меняются. И вспомнил он себя молодым, когда Пиппа приезжала в Пьяну на сбор урожая, с которого они всегда в конце концов сбегали, воровали пару апельсинов, а потом ложились смотреть на небо, держались за руки, целовались и... Пеппе приехал запыхавшись, отчего его носище еще больше раздувался, Нино знал, что нос – его вина, зато хоть глаза были Пиппины, красивые, ласковые. Сын помог Нино встать, и Нино тут же начал уверять, что с ним все в порядке и что он останется, но Пеппе сказал, что нельзя работать с такой рукой, кровь же идет, нельзя так загонять себя в его-то годы. Усадил его в машину и поехал в сторону больницы, и Нино сдался, он ведь знал, что это все для его же блага, и на этот раз даже позволил себе прикрыть глаза. Он открыл их, когда они уже почти подъехали к больнице, потому что вдруг вспомнил нечто важное.

– Пеппе...

«Che c'è, papà?».

«Peppe...».

«'Cchi' è? Parla che non ti capisco».

«Pippa». E Nino lo disse con voce dolce e ferma, che voleva dire che si doveva fare una cosa. E Peppe lo sapeva, e rammollì i muscoli sullo sterzo, e sospirò, che Nino c'aveva ragione. E girò la macchina, che c'abbisognava di passare dal cimitero. Avrebbero allungato, e c'avrebbero perso di benzina, ma s'aveva da fare. E lo fecero. Suonarono il clacson.

- Что такое, пап?

- Пеппе..

- Да чего? Говори, не пойму тебя.

- Пиппа. Нино сказал это нежно и твердо: это означало, что нужно кое-что сделать. И Пеппе знал это, и расслабил руки на руле, и вздохнул, потому что Нино был прав. И повернул машину, потому что нужно было проехать мимо кладбища. Это был лишний крюк, да и лишняя трата бензина, но без этого никак. И они это сделали. Посигналили.

Nota critica

Le giornate di Nino sono scandite da gesti consuetudinari: la colazione – che spartisce con la fida colomba –, il tragitto in auto fino al suo pezzo di terra, le ore dedicate alla cura e alla pulizia del terreno, il rientro a casa presto, per non far inquietare il figlio, preoccupato per questo padre vecchio e testardo... Tra queste abitudini una, però, è un vero e proprio rito: la deviazione per passare davanti al cimitero e mandare, con un colpetto di clacson, un saluto alla moglie Pippa, e se non è troppo tardi fare una sosta per lasciare una margherita sulla tomba. E anche il giorno in cui sbadatamente si fa male, e deve telefonare al figlio e farsi andare a prendere, Nino vuole rispettare questo rito: e il figlio capisce e acconsente.

Connotato da una forte coloritura linguistica regionale, il racconto rinvia però nei suoi elementi costitutivi a sentimenti comprensibili anche al di fuori della società contadina e piuttosto arcaica che descrive.

Anna Zangarini

Отзыв о рассказе

Дни Нино расписаны чередой привычных занятий: завтрак, который он делит с ручной голубкой, поездка на машине на свой земельный участок, часы, посвященные уходу за растениями, раннее возвращение домой, чтобы не волновать сына, который переживает за старого, упрямого отца... Но одна из привычек Нино – настоящий ритуал, которому он неизменно следует: проехать мимо кладбища, послать сигналом клаксона привет жене Пиппе и, если есть время, остановиться и положить на могилу ромашку. Даже в день, когда он по неосторожности получает травму, и ему приходится звонить сыну и просить приехать за ним, Нино не хочет отказываться от этого ритуала, сын понимает это и соглашается. Составляющие элементы повествования, окрашенного региональным языковым колоритом, отсылают к эмоциям, понятным и вне описанного в рассказе деревенского, во многом архаичного общества.

Анна Дзангарини

Biografia

Antonio Francesco Longo è nato a Caltagirone nel 1999 e vive a Nicolosi (Catania). Ha frequentato il liceo classico e ora prosegue gli studi a Torino. Ha numerosi interessi extrascolastici che non includono una simpatia per l'uso della terza persona quando scrive biografie.

Биография

Антонио Франческо Лонго родился в 1999 году в Кальтаджироне, живет в Николози (Катания). Окончил классический лицей, продолжает обучение в Турине. Помимо учебы имеет множество интересов, к которым не относится использование третьего лица при написании биографий.

Francesco Marangi

Traduzione in russo di Vladislava Syčëva

Франческо Маранджи

Перевод на русский язык Владиславы Сычевой

IL BUNKER

Mio padre ci ripeteva quasi ogni giorno di non andare al vecchio bunker. «È lontano e ci vanno a dormire i vagabondi», diceva. Non capiva che dicendo così faceva venire a me e Bruno la voglia di andare. O forse lo sapeva e gli stava bene così. Mio padre, che era cresciuto in campagna anche lui, sapeva come sono i ragazzi.

«La differenza fra me e voi» spiegava, quando ne combinavamo qualcuna, «è che a me nessuno mi ha mai detto prima quello che potevo o non potevo fare».

«Meglio per te... potevi fare quello che volevi», disse Bruno una volta. Si scansò, pronto a ricevere una manata. Invece mio padre rimase immobile. Pensava. Rispose con voce grave, riflessiva.

«Forse... le esperienze ognuno le fa a modo suo... vorrei solo evitarvi un po' di dolore, se posso». Rimase fermo, assorto. Non saprei dire cosa c'era nel suo sguardo. Nel profondo degli occhi lo vidi contemplare qualcosa di oscuro, forse un ricordo da tempo sepolto.

La collina era nostra fino al bosco che saliva ripido il versante. Era un bosco di arbusti e alberi sottili, perché il terreno era argilloso e molle e gli alberi più grossi erano rari e crescevano solo vicino al picco, sul fondo, dove la collina girava su se stessa e si apriva sull'altra valle. Lì le radici potevano aggrapparsi alle rocce. Il resto era fango e erica selvatica, ortiche, cespugli di rovi, tronchi sottili e lisci. Il bunker era sulla cima, verso la punta di roccia che dominava le due vallate. Era una galleria scavata nella pietra. Io e Bruno l'avevamo scoperto per caso, camminando per il sentiero. Io ero il più grande dei due ma Bruno era il più coraggioso. Era lui che ogni volta si spingeva un po' oltre, anche quando il sole si accucciava nella terra e la luce veniva a mancare. Ci voleva qualcuno che lo frenasse. «Sei noioso», mi diceva, e sbuffava. Bruno aveva carattere. E quando litigavamo sapeva dove colpire.

«Non sei mio padre... faccio quello che mi pare, che ti credi?». Io raramente gli mettevo le mani addosso ma quando diceva così di solito facevamo a botte. Ero comunque più grande e più forte. Non ci colpivamo a pugni. Seguivamo una specie di regolamento. Era una lotta di

БУНКЕР

Почти каждый день отец повторял нам, чтобы мы не ходили в старый бункер.

– Он далеко, и там ночуют бомжи, – говорил он, как будто не понимал, что этим нас с Бруно только раззадоривает. А может, и понимал, но не был против. Отец тоже рос в деревне и знал, как устроены мальчишки.

– Разница между мной и вами, – объяснял он, когда мы что-нибудь вытворяли, – в том, что мне никто никогда не указывал, что можно, а что нельзя.

– Повезло. Ты мог делать всё, что захочешь, – пробурчал как-то раз Бруно и пригнулся, заранее уворачиваясь от подзатыльника. Но отец не отреагировал. Помедлив, он ответил серьезным, задумчивым тоном:

– Наверное... Каждый сам учится на своих ошибках. Я просто хочу уберечь вас от беды...

Он замер, погрузившись в собственные мысли. Не знаю, как описать тот взгляд. В его глубине я заметил что-то мрачное – возможно, давнее воспоминание.

Холм был нашим вплоть до рожи на обрывистом склоне. Она состояла из кустарников и тощих деревьев: из-за мягкой глинистой почвы крупные деревья встречались редко и росли только на самой вершине холма, откуда открывался вид на другую долину. Там их корни могли уцепиться за камни. Ниже была только грязь, дикий вереск, крапива, кусты ежевики и тонкие лысые стволы. Бункер находился в скале, возвышавшейся над двумя долинами. Это был выдолбленный в камне туннель. Мы с Бруно случайно обнаружили его, когда шли по тропинке. Из нас двоих я был старше, но Бруно – смелей. Он всегда порывался пройти еще, даже когда солнце заходило и опускались сумерки. Приходилось его удерживать.

– Отстань, – огрызнулся он. У Бруно был тот еще характер. Когда мы ссорились, он всегда знал, как меня задеть. – Ты мне не отец. Буду делать, что захочу, понятно тебе?

Я редко лупил его, но после таких слов дело обычно заканчивалось дракой. И я все-таки был старше и сильнее.

Мы не пускали в ход кулаки – у нас действовал своего рода устав. Драка продолжалась до

sottomissione. Il primo che metteva l'altro con le spalle a terra aveva vinto. Bruno perdeva sempre e sapeva di perdere e come se non gliene importasse mi provocava lo stesso e questo mi faceva più rabbia di tutto. Quando lo buttavo a terra lui gridava «Hai vinto, hai vinto» e allora lo lasciavo andare. Si scrollava i capelli sporchi e sputava sprezzante. Mi faceva un sorriso. Sapeva che in fondo era lui a vincere ogni volta. E anche io lo sapevo. Bruno si rialzava sempre e io non provavo soddisfazione, sentivo che non mi temeva, sentivo che si prendeva gioco di me e che la mia forza ai suoi occhi era solo goffaggine. Riprendeva il sentiero, il suo corpo agile saltava fra gli alberi, i suoi capelli castani si confondevano fra le cortecce. Aveva un fisico asciutto, ben formato, gli occhi azzurri che ogni tanto si voltavano a guardarmi. Era felice nella foresta. Io lo superavo di una spanna abbondante ma Bruno mi sembrava sempre più alto. Era come se la terra che avevo sotto i piedi sprofondasse, mi avvolgesse, e io proseguivo affondando nel fango, faticosamente. Invece Bruno scavalcava le pozze e i rovi con le gambe agili, saliva il sentiero senza peso, si muoveva elegante fra i tronchi. Mi piaceva guardarlo avanzare nel bosco a passo veloce. Mi piaceva vedere i suoi movimenti e la postura fiera. Provavo a imitarlo ma ero troppo sgraziato. Quando mi guardavo allo specchio ricordavo mio padre. Bruno invece era tutto mamma. Forse per questo mi faceva strano. Quando mi guardava. In quegli occhi ritrovavo mamma. Provai a dirlo a mio padre.

«Sì... sono gli stessi occhi», aveva risposto. Il suo sguardo era su di me ma non mi vedeva.

«Devi prenderti cura di tuo fratello», aveva detto. «Promettilo». Sentii il suo petto sussultare, dilatarsi.

«Lo prometto». Avevo capito che stava per scoppiare in singhiozzi. Non volli restare. Mi vergognai per lui. Vedevo il suo profilo già sfatto dal dolore. Mi allontanai.

Ero stato io per caso a trovare il bunker. Stavo seguendo Bruno quando vidi un'insenatura nella roccia. Lo chiamai.

«Vediamo che c'è dentro», aveva detto subito Bruno. Già l'eccitazione gli accendeva lo sguardo. Voleva gettarsi nel buio. La luce del sole si tendeva sottile fra le foglie. Era quasi sera. Glielo dissi.

тех пор, пока кто-нибудь не сдастся. Побеждал тот, кто первый уложит другого на лопатки. Бруно всегда проигрывал; он знал, что проиграет, и ему будто было на это плевать – он сам меня провоцировал. Это злило меня больше всего. Я валил его на землю, он кричал: «Да выиграл ты, выиграл!», и только тогда я его отпускал. Бруно отряхивал испачканные волосы, презрительно сплевывал. И улыбался мне. Он знал, что на самом деле победа всегда была за ним. Я тоже это знал. Каждый раз Бруно поднимался, и я не чувствовал удовлетворения, понимая, что он не боится меня, а только смеется над моей неповоротливостью.

Мы возвращались на тропинку. Его фигура проворно мелькала за деревьями, каштановые волосы сливались с корой деревьев. Бруно был хорошо сложен и сухощав. Иногда он поворачивался, и я ловил взгляд его голубых глаз. В лесу он был счастлив. Я перерос Бруно на целую голову, но он всегда казался мне выше. Земля под ногами будто проваливалась и затягивала меня, и я еле брел по грязи. Бруно же запросто перепрыгивал лужи и колючки, легко взбирался по тропинке и грациозно двигался между деревцами. Я любил смотреть, как он быстрым шагом пробирается через лес. Мне нравилось наблюдать за его движениями и горделивой осанкой.

Я пытался подражать ему, но выходило слишком неуклюже. Когда я смотрелся в зеркало, то вспоминал отца. Бруно весь пошел в маму. Может, поэтому мне было неловко: в его глазах я видел ее. Я решил рассказать об этом отцу.

– Да... Глаза такие же.

Взгляд отца был устремлен на меня, но будто проходил насквозь.

– Ты должен заботиться о брате, – добавил он. – Обещай.

Я почувствовал, как грудь его, приподнявшись, дрогнула.

– Обещаю, – стало понятно, что он вот-вот разрыдается. Хотелось сбежать. Мне было стыдно за него. Я взглянул на его постаревший от горя профиль и ушел.

Бункер случайно обнаружил я: брел за Бруно, как вдруг заметил в скале проход. Я позвал его.

– Посмотрим, что там внутри, – тут же воскликнул Бруно. Его глаза загорелись от возбуждения. Он собирался броситься в темноту. Сквозь листву едва просачивались солнечные лучи. Вечерело. Я сказал об этом Бруно.

«Ci andiamo domani magari... tra poco fa buio». Ma era già dentro la grotta. Il sole calava lento. C'era ancora qualche ora di luce. Lo seguii. Bisognava tenere la testa china. Le pareti di roccia erano irte di spigoli e c'era umido. Un fascio di sole illuminava i primi passi e si perdeva nel buio.

«Fermati Bruno!», esclamai. Non lo vedevo già più. «Bruno!», chiamai. La mia voce trasalì, tradendo la paura.

«Che fai, ti metti a piangere?», rispose Bruno dall'ombra. Il suo fare arrogante mi diede coraggio. «Vieni a vedere», disse. Lo raggiunsi in uno spazio circolare. Le pareti di roccia si alzavano verso l'alto e si chiudevano a cupola sulle nostre teste. Sulla sommità un varco lasciava passare sprazzi di luce. Finalmente si poteva tenere la testa dritta. Lo spazio non era molto ampio. Nella penombra vedevo Bruno guardarmi.

«L'abbiamo conquistato», disse serio. «Ora è nostro». E da quel momento il bunker fu nostro. Ci portammo un materasso vecchio. Delle candele. Dei libri. Passavamo i pomeriggi al bunker. A turno facevamo la guardia. All'entrata mettemmo due grossi rami secchi per sbarrare l'accesso. Dovemmo dirlo a nostro padre, che ci vedeva trafficare per casa in cerca di roba da portare. Fin da subito lui non parve convinto.

«Tanto non posso impedirvelo», si arrese.

Quello era il nostro posto. Su per la collina. Lasciavamo il ricordo di mamma a casa, fra quei muri. Nel bunker cercavamo un posto dove ricominciare, senza di lei, da adulti. Lì eravamo noi che l'avevamo abbandonata e non lei che se n'era andata.

Un giorno io e Bruno salivamo per il bosco. Arrivammo all'entrata del bunker. Parlavamo quando Bruno si fermò all'improvviso.

«Che succede?», gli chiesi.

«I rami sono spostati», disse lui abbassando la voce. Lo vidi prendere un bastone da terra. Avanzava a passi leggeri nel buio, per non fare rumore. Presi un sasso e lo seguii. Mi fece cenno di fermarmi. Potevo vedere lo slargo della roccia. C'era qualcosa acquattato nell'oscurità. Bruno si avvicinò. Alzò il bastone. Poi cambiò idea. Riabbassò il braccio e volse la punta del bastone contro l'ombra rannicchiata. Mi sembrò un'eternità. Fu un secondo. Il bastone affondò.

– Может, завтра придем? Скоро стемнеет, – но он уже забрался внутрь. Солнце постепенно садилось. До наступления темноты еще оставалось несколько часов. Я последовал за братом. Приходилось идти, пригнувшись. Каменные стены казались шершавыми, внутри было сыро. Лучи освещали вход и терялись во мраке.

– Бруно, погоди! – позвал я. Его уже не было видно. – Бруно! – мой голос предательски дрожал от страха.

– Что, сейчас разревешься? – ответил Бруно из темноты. Этот нахальный тон придал мне храбрости. – Иди посмотри.

Я догнал его в круглом помещении. Поднимаясь, стены куполом смыкались над нашими головами. Через щель вверху проникали тонкие полосы света.

Наконец–то можно было выпрямиться. Внутри оказалось не так уж и просторно. Из полутьмы на меня смотрел Бруно.

– Мы его захватили, – заявил он серьезно. – Теперь он наш.

И с той минуты бункер стал нашим. Мы притащили туда старый матрас, свечи, книги и сидели там целыми днями. По очереди дежурили на входе. Чтобы преградить путь, положили там две сухие толстые ветки. Пришлось рассказать о бункере отцу, который видел, как мы рыскали по дому, ища, что туда унести. Ему это все не понравилось.

– Ну не могу же я вам запретить, – в конце концов сдался он.

Бункер стал нашим логовом. Мы с братом поднимались на холм, оставляя дома, среди знакомых стен, воспоминания о маме. В бункере мы пытались начать все заново, без нее, как взрослые. Там мы покидали ее, а не она нас.

Однажды мы с Бруно, болтая, шли по роще, как вдруг у входа в бункер он замер.

– Что случилось? – спросил я.

– Ветки сдвинуты, – прошептал Бруно. Он поднял с земли палку и, ступая тихо, чтобы не шуметь, вошел в темноту. Я взял камень и направился за ним. Бруно знаком велел остановиться.

Мне было видно внутреннее помещение. В темноте кто–то притаился. Бруно приблизился. Занес палку. Затем, передумав, опустил руку и направил конец палки в скорчившуюся тень.

L'ombra si dispiegò in tutta la lunghezza e balzò in piedi, sgranando due pupille nere negli occhi bianchi. Spalancò la bocca in una specie di suono rauco, spaventoso, come un ruggito. Si stava avventando su Bruno. Le gambe mi tremavano. La vista era offuscata. Scagliai la pietra con tutta la forza che avevo. Bruno era rimasto immobile, lo vedevo di spalle. L'ombra crollò di colpo, fulminata. Bruno rimase fermo. Feci un balzo verso di lui. Lo afferrai per le spalle e lo voltai.

«Stai bene? Stai bene?», ripetevo fuori di me. Bruno non rispondeva, sembrava come imbambolato. Sussurrò qualcosa fra le labbra.

«Che dici? Bruno!»,

«L'hai ammazzato», disse. «L'hai ammazzato», gridò.

Mi voltai. Giaceva scomposto in una pozza di sangue. Distinsi un giaccone deforme. Dei sandali ai piedi. Le unghie lunghe, bianche, spiccavano nell'oscurità. Il viso era rivolto verso l'alto, e il sangue usciva copioso dalla fronte spaccata. Distolsi lo sguardo. Bruno lo fissava.

«Non guardare», gli dissi. Mi accucciai sul corpo. Gli occhi erano ancora aperti, in un'espressione di stupore. Mi piegai per vedere se respirava. Sentii un filo d'aria sfiorarmi il viso e un suono soffocato uscire dalla bocca. Bruno si era accasciato e si teneva la testa fra le mani.

«Ma non possiamo lasciarlo così», fece. Si era alzato. Lo guardai in faccia. Era ancora un bambino. I suoi occhi azzurri mi frugavano in cerca di aiuto. Farfugliava frasi sconnesse.

«Zitto!», esclamai. La mia voce risuonò nella roccia. Bruno ammutolì. Gli presi la mano e lo trascinai fuori. Respirai l'aria fresca. Si era alzato il vento. Il sole era ancora alto. Il cielo a scaglie, fra i rami. Le foglie facevano un rumore sommesso, come un bisbiglio. Bruno volse lo sguardo verso il bunker, nel buio.

«Andiamo», gli dissi, e mi incamminai. Lui non si mosse. Mi voltai.

«Ascolta», mormorò. Aveva il volto proteso verso l'entrata del bunker. «Ci sta dicendo qualcosa...».

Mi accorsi che le mie mani tremavano. Chiusi gli occhi e raccolsi l'aria fresca nei polmoni. C'era odore di terra.

«Guarda come tremi», fece Bruno. Mi avvicinai e lo colpì sulla faccia, a mano aperta, con

Несколько секунд показались мне вечностью. Он ткнул палкой. Тень вытянулась во всю длину и вскочила на ноги, в темноте сверкнули белки глаз. Рот незнакомца раскрылся в каком-то хриплом, пугающем крике, похожем на рык. Тень бросилась на Бруно. У меня дрожали колени, в глазах потемнело. Я что было силы кинул камень. Бруно стоял неподвижно, спиной ко мне. От удара тень рухнула, будто сраженная молнией. Бруно не шевелился. Я подскочил к нему, схватил за плечи и повернул.

– Ты в порядке? Ты в порядке? – повторял я, как безумный. Бруно не отвечал, точно остолбенев. Он прошептал что-то одними губами.

– Что? Бруно?

– Ты его убил, – сказал он и заорал. – Ты его убил!

Я повернулся. Тень лежала, распластавшись в луже крови. В темноте можно было различить грязную куртку, длинные белые ногти, сандалии на ногах. Человек лежал вверх лицом, из разбитого лба струилась кровь. Я отвернулся. Бруно не сводил с него глаз.

– Не смотри, – бросил я ему, наклоняясь к телу. В еще открытых глазах чужака застыло удивление. Я пытался понять, дышит ли он, и ощутил слабый выдох. Из рта его донесся сдавленный звук. Бруно сидел, ошеломленный, схватившись руками за голову.

– Не можем же мы оставить его так, – сказал он, поднимаясь. Я посмотрел на брата: он был еще ребёнком. Его голубые глаза устремились на меня, ища поддержки. Он бормотал что-то невнятное.

– Заткнись! – заорал я. Мой голос отозвался в скалах. Бруно замолчал. Я взял его за руку и вытащил наружу. Нужно было подышать свежим воздухом. Поднялся ветер. Солнце стояло еще высоко. Сквозь ветки проглядывали осколки неба.

Листья тихо шумели, будто шепчась. Бруно бросил взгляд в темноту бункера.

– Пошли, – позвал я его, собираясь уходить. Он не сдвинулся с места. Я обернулся.

– Слышишь? – прошептал Бруно, вытягивая шею в сторону бункера.

– Он что-то говорит...

У меня дрожали руки. Я закрыл глаза и набрал в легкие свежего воздуха. Пахло землей.

– Тебя всего трясет, – ухмыльнулся Бруно. Я подошел и со всей силы ударил его по лицу.

tutta la forza che avevo. Si piegò su se stesso. Poi strisciò fino a un tronco e si appoggiò, con lo sguardo nel bosco. Anche io mi abbandonai al suolo. Restammo a lungo così. Poi Bruno si alzò, senza dire nulla. Lo vidi entrare nel bunker. Uscì qualche minuto dopo. Si piantò davanti a me con le braccia lungo i fianchi. Aveva le mani e i pantaloni sporchi di sangue.
«Sentivo il suo respiro nelle orecchie», disse. Lo disse con una voce che non era la sua. Avevo paura a guardarlo negli occhi. Lo guardai e nei suoi occhi non c'era più nulla. Solo allora piansi.

Он согнулся пополам, доковылял до ближайшего дерева и, опершись о него, устремил взгляд в лес. Мы оба опустились на землю и просидели так долго. Потом Бруно, ничего не говоря, встал. Я видел, как он зашел в бункер и через пару минут вернулся. Он остановился передо мной, опустив руки вдоль тела. Его ладони и штаны были в крови.

– Мне все казалось, что он дышит, – сказал Бруно не своим голосом. Я боялся взглянуть ему в глаза. А когда взглянул, то не увидел во взгляде ничего. И только тогда зарыдал.

Nota critica

Un racconto che già dalle prime righe allarma il lettore, che scorge dietro l'avverarsi di un sogno infantile l'ombra della tragedia. Per due fratellini – il più giovane, Bruno, spavaldo e provocatore, più riflessivo e cauto il maggiore – il bunker nel bosco diventa la casa segreta, l'accogliente rifugio che riforniscono di materassi, libri e cibo e dove c'è posto per loro due e per nessun altro. E quando scoprono che un vagabondo ha violato il loro spazio la reazione, inizialmente forse dettata solo dalla paura, è violenta, animalesca; ma è Bruno che porta a termine, lucidamente e spietatamente, la punizione dell'intruso.

La narrazione è condotta con mano ferma, e le diverse personalità dei due bambini – come anche la figura del padre, assorto nella propria sofferenza – emergono in modo convincente sia attraverso l'azione che attraverso i brevi, densi dialoghi.

Anna Zangarini

Отзыв о рассказе

Рассказ, с первых строк вызывающий у читателя волнение, знакомит его с детской мечтой, исполнение которой оборачивается трагедией. Для двух братьев – младшего, Бруно, сорвиголовы и подстрекателя, и старшего, более задумчивого и осмотрительного, – бункер в лесу становится тайным логовом, уютным убежищем с матрасами, книгами и едой, где есть место для них двоих и ни для кого больше. И когда они узнают, что какой-то бродяга посягнул на их территорию, это вызывает неистовую животную реакцию, изначально обусловленную только страхом. Из них двоих именно Бруно сознательно и безжалостно доводит до конца расправу над непрошеным гостем.

Повествование ведется уверенной твердой рукой. Разные характеры как обоих мальчишек, так и их отца, поглощенного собственными переживаниями, убедительно прописаны через действие и насыщенные лаконичные диалоги.

Анна Дзангарини

Biografia

Mi chiamo **Francesco Marangi**. Sono nato a Genova il 21 maggio del 1998 e abito a Varazze (Savona). Studio a Torino e frequento il primo anno della Scuola Holden. Ho passato la mia infanzia fra la campagna e il mare. Ho frequentato il liceo Classico Linguistico a Savona. D'estate lavoro come bagnino a Varazze. Ho partecipato a qualche concorso di poesia (secondo al Premio Barile e una menzione al Premio Poesis) ma non ho pubblicato mai nulla. Mio padre è il mio unico lettore.

Биография

Франческо Маранджи родился в Генуе в 1998 году, в настоящее время проживает в Варацце (Савона). Учится в Турине на первом курсе Школы Холден. Детство провел в деревне и на море. Окончил классический лингвистический лицей в Савоне. Летом работает спасателем на пляже в Варацце. Участвовал в нескольких поэтических конкурсах (Премия «Бариле» – второе место, Премия «Поэзис» – грамота), но ни разу нигде не публиковался. Отец – его единственный читатель.

Sydney Vicidomini

Traduzione in russo di Anton Maraev

Сидней Вичидомини

Перевод на русский язык Антона Мараева

BAGHDAD

Il mio paese è un buco di mondo. Non c'è niente. E io non ci vorrei mai tornare. Che poi, non è nemmeno vero che non c'è niente nel mio paese. Tanto per cominciare c'è un bancomat che è stato fatto saltare in aria, l'unico bancomat del paese – e nessuno accetta pagamenti con carta. Il bancomat, sullo spiazzo davanti alle poste, mostra il pancione al crocifisso di fronte: una voragine di plastica sciolta e di fili bruciacchiati. Gesù lo fissa dispiaciuto, con il capo riverso e il costato trafitto. La gente gli passa davanti a piedi o sulla Vespa; nessuno lo aiuta mai a scendere.

Dopo la storia del bancomat, i ragazzi del posto, quei pochi che sono rimasti se contiamo anche quei due o tre che stanno già con la valigia pronta, che hanno tutti più o meno trent'anni, e che quindi non sono poi così tanto ragazzi, hanno ribattezzato il paese "Baghdad". E perciò adesso lo chiamo Baghdad pure io.

Come un paese di guerra, ma con i bombardamenti al contrario. Al posto del rombo e del trillo degli scoppi e delle mitragliate, qua bombardano silenzi di merli e di gazze zittiti dall'inappetenza umana, e pneumatici sparuti a disegnare strisce nere sull'asfalto consumato. Da Baghdad se ne vogliono scappare tutti e quasi tutti sembrano invischiati inesorabilmente nella sua tela di ragno. Anche io. Perché mi porto dentro la mia valigia tutto quello che credevo di averci lasciato.

La prima macchina, un vecchio catorcio con il paraurti tenuto insieme con il fil di ferro, che sfrecciava solitaria lungo una strada sterrata in mezzo alla campagna popolata di tarassachi e ferule secche ai margini dei campi di cipolle. E noi, attrici di provincia, diplomate all'accademia del centro sociale, che stavamo andando in cerca di un teatro. Ma il teatro non era un teatro, era una piazza con la pendenza, aveva la pendenza il palco, avevano la pendenza i riflettori: anche noi e tutta la compagnia ci esibivamo con la pendenza. La mia migliore amica, compagna di esperimenti con il trucco e le tinture i pomeriggi interi nel bagno, portava una ciocca di capelli rosso mogano sulla fronte. Abbassava il

БАГДАД

Мой городок – это настоящая дыра. Здесь ничего нет. И я никогда не хотела бы сюда вернуться.

Но все же нельзя сказать, что в моем городке совсем ничего нет. Начнем с того, что в нем есть банкомат, который взорвали, – единственный банкомат в округе, а оплату по карте у нас не принимают. На небольшой площади перед почтовым отделением банкомат демонстрирует свое нутро распятию, висящему на стене напротив – груды оплавленной пластмассы и обугленных проводов. Иисус с поникшей головой и пронзенным боком не сводит с него печального взгляда. Люди проходят мимо или проносятся на «веспах», и никто не поможет ему сойти с креста.

После истории с банкоматом местные ребята – те немногие, что остались, считая еще двух–трех, которые уже сидят на чемоданах (всем им около тридцати, стало быть, они не вполне «ребята»), – прозвали наш городок «Багдад». Поэтому и я теперь зову его Багдадом.

Он как место боевых действий, только здесь бомбардировку ведет тишина. Вместо грохота взрывов и стрекота автоматных очередей удары наносит молчание дроздов и сорок (кажется, люди здесь потеряли аппетит и птицам нечего есть), да редкие машины то здесь, то там оставляют черные полосы на старом асфальте. Из Багдада хотят сбежать все и, кажется, почти все безнадежно запутались в его паутине. Я в их числе. Потому что таскаю в своем багаже все, что, как мне казалось, оставила в прошлом.

Первая машина, старая колымага, у которой бампер держался на честном слове, одиноко летела по грунтовой дороге посреди равнины. На краю поля, где выращивали лук, виднелись одуванчики и сухая ферула. Мы, провинциальные актрисы, выпускницы академии при культурном центре, ехали на поиски театра. Но у этого театра не было здания, театр представлял собой покатуя площадь: сцена шла под уклоном, софиты стояли под уклоном, мы сами и вся труппа выступали под уклоном. У моей лучшей подруги, верного спутника в экспериментах с макияжем и краской для волос, за которыми мы проводили в ванной

finestrino e urlava alle distese, alle montagne, e alle case di pietra nuda stuccate a chiazze: «Il NULLA!!! Il NULLA!!!».

Le pentole di rame, la nostra rovina, le pentole di rame appese ai muri e i mobili in arte povera. Le pentole stavano solo appese, facevano solo scenografia, i mobili costavano un botto. Ma la nostra casa era bella, bella davvero, in via dei matti, numero zero. C'erano il camino, l'armadio a muro, i mattoncini rossi. Sembrava quelle case dei giornali, ma non si tocca. Non si sporca, non si corre, non si appendono poster, sono passati cinque minuti ed è già tutto sporco, che diamine, avevo appena finito di lavare. «Tu avrai una vita migliore della mia», ci hanno detto. Migliore del sogno delle pentole di rame appese al muro per bellezza.

Il catechismo, che rubava il tempo al solfeggio e alla danza classica. Il peccato, soprattutto, perché l'anima deve arrivare pulita davanti a Gesù – non dico nuova, ma almeno lavata con Perlana. E il peccato era il concetto più difficile, perché ti si infila sotto la pelle come un microchip e poi ci passi la vita a scegliere e a fare passi falsi che possono essere soltanto passi in avanti, senza nemmeno accorgerti che sei in preda alla paura e al fascino del peccato. Dei Cristti appesi in croce. Delle pendenze. Del nulla. Delle pentole di rame e dei mobili in arte povera.

Le bambole di porcellana, le più utili tra le bomboniere dei matrimoni dei parenti di cui non ricordavi il nome. Di notte si nascondevano sotto al letto, mi parlavano. Io mi pisciavo sotto dalla paura, mi svegliavo, mi lanciavo giù per il corridoio – la camera con il letto grande non era mai stata così lontana – scivolavo, ruzzolavo sulle mattonelle fredde. In sogno incontro ancora Satana, grido il “Padre Nostro” per liberarmene e calpesto serpenti. Il mio albero di melangolo. Tra i rami più in alto, dove era proibito arrampicarsi, in mezzo alle zagare avevo nascosto in un sacchetto di plastica un asciugamano, uno spazzolino da denti, un quaderno, una penna, e cinquemila lire. Volevo scappare di casa.

E poi le tavolate a Natale e a Capodanno, *consolati, Maria, del tuo pellegrinare*, il presepe dello zio, che doveva sempre spararsi le pose, e perciò ogni anno costruiva una fontana con nuovi effetti speciali e noi bambini rimanevamo a bocca aperta o in lacrime, perché al

всю вторую половину дня, на лоб спадала прядь цвета красного дерева. Подруга опустила стекло и закричала во весь голос, чтобы слышали горы и дома с осыпавшейся штукатуркой, под которой проглядывали камни: «НИЧЕГО!!! НИЧЕГО!!!»

Медные кастрюли, сулившие нам несчастье, медные кастрюли на стенах и мебель в стиле «арте повера». Кастрюли просто висели, они были лишь частью декорации, мебель обошлась во внушительную сумму. Но наш дом «был и правда прекрасен, на улице сумасшедших, дом номер ноль»¹. В нем были камин, стенной шкаф, стены из красного кирпича. Он походил на дома из журналов, из серии «Руками не трогать!», «Не пачкать!», «Не бегать!», «Не вешать постеры!», «Прошло всего пять минут, а уже все в грязи!», «Черт возьми, я же только что все здесь вымыла!». «Твоя жизнь будет лучше нашей», – говорили мне. Лучше, чем мечты о медных кастрюлях, развешанных на стене для красоты.

Изучение катехизиса отбирало время у сольфеджио и классического танца. Главное – помнить о грехе, потому что душа должна предстать перед Иисусом чистой: не скажу, что как новенькая, но, по крайней мере, постиранная с «Перланой». Понятие греха было самым сложным, потому что грех проникает тебе под кожу, как микрочип, и всю дальнейшую жизнь ты делаешь неправильный выбор, неверные шаги. Нужно идти вперед, а ты даже не замечаешь, что находишься во власти страха и под чарами греха. Под чарами распятых Иисусов. Уклонов. Ничего. Медных кастрюль и мебели в стиле «арте повера».

Фарфоровые куклы – самая «полезная» вещь среди бонбоньерок, что дарят на свадьбах родственников, чьих имен ты не помнишь. Ночью они прятались под кроватью и говорили со мной. Я писалась от страха, просыпалась, бежала по коридору – родительская спальня еще никогда не была так далеко, – поскальзывалась, падала на холодный кафель. Во сне я встречала Сатану, во весь голос читала «Отче наш», чтобы избавиться от него, давила ногами змей.

Мое померанцевое дерево. Между ветвей, наверху, куда было запрещено забираться, среди

---

¹ Строка из песни Серджи Эндриво «Дом» (здесь и далее – примеч. перев.).

massimo riuscivamo a fare le case con i pacchetti di sigarette e i rotoli di carta igienica. Le cinquemila lire degli zii e le diecimila lire della nonna, e la nonna, che ci portava sempre da sua cugina, che aveva in casa una nonna ancora più vecchia di lei, che si chiamava Nanninella. E quando chiedevano a Nanninella: «Nanninè, che te n'arricorde 'e chistu munno?», lei rispondeva: «N'affacciata a' fenesta».

Non ho l'età per amarti, non ho l'età. Avevamo vent'anni e l'età non arrivava mai. Baghdad era Baghdad, immutabile, anche quando non si chiamava ancora Baghdad e sulla bicicletta ci fingevamo cowboy a cavallo nel Far West o motocicliste lungo la East Coast. E non cambia nulla che, al posto dei telefoni con il filo a spirale color liquirizia che arrivava fino a dentro al bagno e che dovevi infilare il dito e girare, siano comparsi questi strumenti diabolici con cui ci si può addirittura videochiamare.

Così un giorno, quando non avevo più bisogno di tenere un sacchetto di plastica nascosto in cima a un albero, mi sono fatta la valigia e me ne sono andata. Andava di moda dire che la nostra rovina è lo Stato, che è il nostro paese che ci ha rifiutati. Ma sulle pentole di rame, sulle bambole di porcellana, nemmeno una parola.

Di finestre ne ho viste tante, solo adesso me ne rendo conto, quante nuove albe, quante serate a fissare estasiata le città nel crepuscolo elettrico riscaldando le mani intorno a una tazza di tè e a ricordare la mia Baghdad, quel mondo perfetto e ovattato nel quale mi arrivavano attutiti i colpi di tamburo delle marce trionfali dei successi in cui mi sarei crogiolata un giorno. Non ci avevano detto la verità. Non la sapevano nemmeno loro. A Baghdad, in fondo, i teatri erano piazze con la pendenza. Chissà che non avesse la pendenza anche la finestra di Nanninella.

Il mondo dentro le case delle mie finestre era minimalista. Soltanto io con i miei trenta chilogrammi di bagaglio da stiva, i dieci di bagaglio a mano, e aspirapolveri e frullatori che passano da un migrante all'altro, solo senza valigia di cartone. Fuori era un tripudio di battiti di ciglia, di avvenimenti. Se a Baghdad in un giorno succedeva una cosa, *fuori* ne succedevano dieci, cento, mille. Se a Baghdad di fronte c'erano dieci finestre con cinque luci accese, *fuori* di finestre accese ce n'erano centinaia, a perdita d'occhio, un'infinità di

цветов померанца я спрятала полотенце в пластиковом пакете, зубную щетку, тетрадь, ручку и пять тысяч лир. Хотела убежать из дома.

А еще застолья на Рождество и Новый год, «Радуйся, Мария, окончены странствия твои!»², вертеп моего дяди, которому всегда хотелось выделиться, и потому каждый год он устраивал фонтан с новыми спецэффектами, а мы, дети, впадали в изумление или начинали реветь, ведь лучшее, что мы могли смастерить – домики из сигаретных пачек и втулок от туалетной бумаги. Пять тысяч лир от тетушек и дядюшек и десять тысяч от бабушки. Бабушка водила нас к своей кухне, а у той жила бабушка старше нее, звали ее Наннинелла. Когда Наннинеллу спрашивали: «Наннинé, что ты помнишь о мире?» – она отвечала на диалекте: «Вид из окна».

«Я еще слишком мала, чтобы любить тебя»³. Нам было уже по двадцать, но мы все еще были слишком малы. Багдад оставался Багдадом, не меняясь с тех пор, когда он еще не назывался Багдадом и мы на велосипедах представляли себя ковбоями Дикого Запада на лошадях или байкерами Восточного побережья. Ничего не изменилось, даже когда вместо телефонов с витым проводом лакричного цвета, длины которого хватало, чтобы закрыться в ванной, а во время разговора ты накручивал его на палец, появились эти дьявольские устройства, по которым можно созвониться даже по видеосвязи.

Так, однажды, когда мне было уже ни к чему прятать пластиковый пакет на верхушке дерева, я собрала чемодан и уехала. В то время было модно говорить, что во всем виновато правительство, что государство от нас отказалось. О медных кастрюлях, о фарфоровых куклах никто и не вспоминал.

Только сейчас я понимаю, столько окон мне довелось повидать, сколько рассветов, сколько вечеров подряд я замороженно смотрела на города в электрических сумерках, согревая руки чашкой чая, и вспоминала мой Багдад – идеальный, защищенный мирок, в котором

---

2 Первая строка стихотворения Гвидо Гоццано «La notte santa», обычно дети его учат на Рождество.

3 Начало популярной песни Джильёлы Чинкветти «Non ho l'età».

piccoli sipari. Quante vite si recitavano dietro a ogni finestra, e che senso aveva poi che ce ne fossero così tante, se erano poi tutte così simili tra loro? Perfino il tempo per dormire non bastava, perché c'era troppo da fare, c'erano troppe finestre da aprire, e per ogni finestra che non riuscivi ad aprire ti faceva male il cuore, un dito ti si affondava in petto costringendoti ogni volta ad uscire dalla pelle, come un serpente. Dovevi uscire dal tuo buco di mondo, dal tuo paradiso degli orrori, e scappare, a gambe levate, prendere il volo, passare da una finestra all'altra come una tenda bianca di taffetà scivolata via dalle braccia del vento. Volevi aggrapparti ad ogni sipario e da ogni finestra cantare la tua canzone. Ma anche se il mio paese è un buco di mondo e non ci vorrei mai tornare, alla fine, prima o poi, in un modo o nell'altro, ci torno sempre.

E ritrovo il bancomat saltato in aria, il Cristo rassegnato a vedersi scorrere il mondo intorno senza speranza di salvarsi prima della vita eterna, la piazza con la pendenza, dove hanno aperto una birreria, e i pochi ragazzi che sono rimasti, che ormai hanno più o meno trent'anni e non sono più ragazzi, che tracannano via il tempo che è fuggito ancor prima che potessero riuscire ad afferrarlo. Solo l'albero di melangolo non lo trovo più. Un giorno l'hanno estirpato per aggiungere posti a un parcheggio.

Anche questa volta non volevo, ma sono tornata. Come una specie di zia d'America, ma un po' trafelata, *con la neve in tasca*, come si dice qui, non sia mai a qualcuno venisse voglia di chiedermi quando lo faccio un figlio, se mi piace di più stare *a casa* o stare *fuori*, o cosa ne penso di problemi geopolitici che non risolveremo certo al bancone di un bar, specialmente se sono dieci anni che cambiamo la posizione del divano in soggiorno. Mia nonna non c'è più – non c'è più lo zio che si sparava le pose e non ci sono nemmeno più le lire – ma vado sempre con piacere a trovare sua cugina, anche lei nonna, che in casa ha una nonna ancora più vecchia di lei... Nanninella.

Ero seduta sulla vecchia sedia impagliata, al suo capezzale circondato da santi con lo sguardo da cucciolo e Cristi in croce, davanti al balcone spalancato sul cortile. La casa, un basso di due piani, era avvolta come sempre in una nuvola di bicarbonato di sodio. Sorvegliavo l'orzata e aspettavo che finissero le domande di rito, le più imbarazzanti, che di solito non

до меня доносились приглушенные удары барабана триумфальных маршей в честь побед, которыми я когда-нибудь смогу насладиться. Нам не говорили правду. Они и сами ее не знали. В Багдаде театрами преимущественно служили площади под уклоном. Кто знает, может, под уклоном было и окно Наннинеллы?

Мир внутри домов, который я видела из своих окон, был минималистичным. Зато у меня были тридцать килограммов регистрируемого багажа, десять килограммов ручной клади, пылесосы и миксеры, переходящие от одного переселенца к другому, разве что чемоданы были не из картона. Снаружи все менялось в мгновение ока, карусель событий. Если в Багдаде в день происходило одно событие, *снаружи* их происходил десяток, сотня, тысяча. Если в Багдаде на фасаде дома было десять окон, из которых свет горел в пяти, *снаружи* свет горел в сотне окон, даже глаза разбегались – бесконечность маленьких театральных занавесов. Сколько жизней разыгрывали за каждым окном, зачем их было так много, если, в конечном счете, все они походили друг на друга? На сон не хватало времени: нужно столько всего успеть, нужно открыть столько окон, и из-за каждого окна, которое не получалось открыть, сердце переполняла досада, тебе словно давили на грудь, всякий раз вынуждая вылезать из кожи, как змею. Ты должен был вылезти из своей дыры, из своего кошмарного рая и сбежать, нестись со всех ног, взлететь, перемещаться от одного окна к другому, как белая занавеска из тафты, что выскользнула из рук, вырванная ветром. Хотелось уцепиться за каждый занавес и из каждого окна спеть свою песню.

Но даже если мой городок и был настоящей дырой, в которую мне никогда не хотелось возвращаться, в конце концов, рано или поздно, так или иначе я всегда возвращаюсь.

Я снова вижу взорванный банкомат, Христа, смирившегося с тем, что перед ним пробегают люди, надеющиеся на спасение только в вечной жизни, идущую под уклоном площадь, где открыли пивную, и несколько оставшихся ребят (всем им около тридцати, стало быть, они не вполне «ребята»), которые прожигают время, убежавшее от них до того, как они попытались его схватить. Пропало только померанцевое дерево. Его выкорчевали, чтобы расширить парковку.

Мне не хотелось и в этот раз, но я все же приехала. Как американская тетушка, разве что

finiscono mai, quando all'improvviso Nanninella deve avere avuto una visione, e ha detto: «Il mare. Io la prima volta il mare l'ho visto in viaggio di nozze».

Un soffio di vento ha percorso l'orlo della tenda, un'ape si è infilata dentro. L'abbiamo ascoltata ronzare.

«Ma tu, che te ne sei andata *fuori*, poi, alla fine dei conti, che te n'arricorde 'e chistu munno?».

Le risposte io non ce le ho mai, e non so nemmeno più che domande cerco. Però questa volta, per una volta, la risposta la sapevo.

«N'affacciata a' fenesta».

немного запыхавшаяся: как здесь говорят, «с таким видом, будто несешь в кармане снег». Главное, чтобы никто не спросил, когда я заведу детей, нравится ли мне больше *дома* или *снаружи*, в большом мире, и что я думаю о геополитических проблемах, которые само собой не решить за барной стойкой, раз на протяжении десяти лет мы не можем решить, где лучше поставить диван в гостиной. Бабушки уже нет в живых – как нет и моего дяди, который всегда хотел выделиться, и даже лир больше нет, – но я всегда с удовольствием хожу проведать ее кузину, теперь она тоже бабушка, а дома у нее живет бабушка еще старше... Наннинелла.

Я сидела в старом плетеном кресле у изголовья ее кровати, окруженной святыми со щенячьими глазами и Иисусами на крестах, напротив широко открытого балкона, который выходил во двор. Двухэтажный дом, типичный для этой местности, как всегда, был окутан легким туманом. Я пила небольшими глотками миндальное молоко и ждала, пока закончится ритуал из самых неудобных и бесконечных вопросов, как вдруг Наннинелле, должно быть, что-то привиделось, и она произнесла:

– Море. В первый раз я видела море, когда мы ездили в свадебное путешествие.

Порыв ветра приподнял нижний край занавески, и в комнату влетела пчела. Мы слушали ее жужжание.

– А вот ты, ты была *снаружи*... Что ты запомнила о мире?

Обычно у меня нет ответов, я даже не знаю, на какие вопросы мне хочется отвечать. Однако в тот раз, в единственный раз, я знала ответ.

– Вид из окна.

Nota critica

C'è chi va 'fuori', e c'è chi resta. E quando chi è andato fuori torna - e non ne avrebbe granché voglia, ma ogni tanto una visita bisogna pur farla - il suo sguardo smagato registra la polverosa immutabilità delle cose e delle persone: lo sportello del bancomat sventrato e mai riparato, il Cristo che lo contempla dolente e gli indolenti ragazzi al bar, «che hanno tutti più o meno trent'anni, e che quindi non sono poi così tanto ragazzi», che hanno soprannominato Baghdad il loro sghembo, disastrato paese. Ma non è il ritorno a far affiorare i ricordi: quelli, ci dice Sydney Vicidomini, te li porti comunque dentro, affollati di persone, presepi, canzoni, giochi, ma anche di pentole di rame appese per bellezza e di bambole di porcellana, indistruttibili fili di una ragnatela che rischia di intrappolarti per sempre.

La narratrice ci racconta quel suo «buco di mondo» con lucido disincanto, senza sentimentalismi e senza rancore, perché sa che, là o altrove, la vita è ugualmente breve, un effimero affacciarsi alla finestra.

Anna Zangarini

Отзыв о рассказе

Одни уезжают, другие остаются. И когда возвращается тот, кто уехал (ему не очень хочется, но разок съездить все-таки нужно), разочарованный взгляд замечает покрывающую всех и все вокруг неизменную пыль, распахнутую дверцу выпотрошенного банкомата, который так и не починили, скорбно взирающего с распятия Иисуса и ленивых ребят в баре («всем им около тридцати, стало быть, они уже не вполне “ребята”»), которые прозвали свой расположенный под уклоном, словно пострадавший от катастрофы городок Багдадом. Сюда возвращаются не для того, чтобы освежить воспоминания – их, пишет Сидней Вичидомини, ты носишь в себе, они наполнены людьми, вертепами, песнями, играми, а еще развешанными на стене для красоты медными кастрюлями и фарфоровыми куклами. Воспоминания – крепкие нити паутины, в которой ты рискуешь навечно запутаться.

Автор повествует нам о «настоящей дыре» с явным разочарованием, без сентиментальности и обиды, потому что знает: там и в любом другом месте жизнь одинаково коротка, жизнь – мимолетное событие, за которым ты следишь из окна.

Анна Дзангарини

Biografia

Sydney Vicidomini è nata nel 1985 e vive nella frazione di Galdo di Carifi (Mercato San Severino, Salerno).

Ha studiato Lingue e Letterature Straniere presso l'Università degli Studi di Salerno e l'University of Kent a Canterbury.

Attualmente coordina l'attività didattica e insegna inglese e italiano in una scuola di lingue. Parallelamente lavora come attrice in materiali audiovisivi per bambini e in piccole compagnie teatrali. Ha esordito come traduttrice letteraria nel gennaio 2020 con *Il mondo secondo Savelij* di Grigorij Služitel', edito da Brioschi.

Биография

Сидней Вичидомини родилась в 1985 году, живет в округе Гальдо-ди-Карифи (г. Меркато-Сан-Северино, Салерно).

Училась на факультете иностранных языков и литературы Салернского университета и в Кентском университете в Кентербери.

В настоящее время координирует учебный процесс и преподает английский и итальянский языки в языковой школе. Параллельно работает в качестве актрисы на записи аудиовизуальных материалов для детей и в небольших театральных труппах. Как литературный переводчик дебютировала в январе 2020 года с переводом романа Григория Служителя «Дни Савелия» (издательство «Brioschi»).

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ
GIOVANI TRADUTTORI RUSSI

Елизавета Кузнецова	Elizaveta Kuznecova
Станислав Лихоузов	Stanislav Lichouzov
Евгения Литвин	Evgenija Litvin
Антон Мараев	Anton Maraev
Владислава Сычева	Vladislava Syčëva

Елизавета Кузнецова родилась в Москве. В 2015 году окончила романо-германское отделение филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Работала переводчиком в московском бюро Агентства «Франс-Пресс», в настоящее время живет в Париже, учится на первом курсе магистратуры Новой Сорбонны на кафедре общего и сравнительного литературоведения. В 2017 году заняла третье место в конкурсе начинающих переводчиков имени Э. Линецкой, а также вошла в число победителей конкурса молодых переводчиков художественной литературы «1917 – 2017», организованного Литературным институтом им. А. М. Горького

(перевод с французского языка).

Elizaveta Kuznetsova è nata a Mosca. Nel 2015 si è laureata presso il dipartimento di studi Romano-germanici della facoltà di Filologia dell'Università statale M.V. Lomonosov di Mosca. Ha lavorato come traduttrice nell'ufficio di Mosca della France-Press Agency; attualmente vive a Parigi, dove frequenta il primo anno di Letteratura generale e comparata presso l'Università Nuova Sorbona. Nel 2017 ha conseguito il terzo posto al concorso per traduttori principianti intitolato a E. Lineckaja, ed è stata una delle vincitrici del concorso per giovani traduttori di narrativa “1917-2017”, organizzato dall'Istituto Letterario A.M. Gor'kij, nella sezione di traduzione dal francese.

Станислав Лихоузов родился и проживает в г. Тимашевск. Владеет английским и итальянским языками. Стажировался в Университете для иностранцев в Перудже. Переводчик-фрилансер, финалист премии «Радуга» (2019).

Stanislav Lichouзов è nato e vive a Timaševsk. Parla inglese e italiano. La sua formazione è avvenuta all'Università per Stranieri di Perugia. Traduttore freelance, è stato finalista del Premio Raduga nel 2019.

Евгения Литвин живет в Москве. Окончила специалитет РГГУ (2011, классическая филология), магистратуру СПбГУ (2013, новогреческая филология) и аспирантуру РГГУ (2017, фольклористика). В рамках работы над дипломом и диссертацией о фольклоре и диалектной литературе «Салентийской Греции» стажировалась в Неаполе, Лечче и Болонье. В настоящее время изучает итало-советские связи в литературе и кино второй половины XX в. Преподавала латинский и итальянский языки в ряде ВУЗов. В качестве переводчика сотрудничает с журналами «Rolling Stone», «Монеты и банкноты» (издательский дом «De Agostini»). Перевела роман Туллио Авоledo «Корни небес» («АСТ», 2012, в соавторстве) и книгу-игру «Привидение лорда Байрона» («Mondadori», по-русски выйдет в издательстве «Пешком в историю»). Участвует в работе над специальным выпуском журнала «Сеанс», посвященном столетию Федерико Феллини.

Evgenija Litvin vive a Mosca. Si è laureata con specializzazione all'Università statale russa di Studi umanistici nel 2011 in Filologia classica, alla magistrale presso l'Università statale di San Pietroburgo nel 2013 in Filologia greca moderna e ha fatto il dottorato alla scuola di specializzazione dell'Università statale russa di Studi umanistici nel 2017 in Folklore. Nel corso degli studi e in preparazione della tesi di laurea in Folklore e letteratura vernacolare della Grecia salentina ha frequentato le università di Napoli, Lecce e Bologna. Attualmente studia le relazioni italo-sovietiche nella letteratura e nel cinema della seconda metà del XX secolo. Ha insegnato latino e italiano in diverse università. Collabora come traduttrice con la rivista «Rolling Stone» e con «Monete e Banconote» (della casa editrice De Agostini). È co-autrice della traduzione del romanzo di Tullio Avoledo *Le radici del cielo* (*Korni nebes*, AST, 2012) e traduttrice del libro-gioco *Il fantasma di Lord Byron*, pubblicato in Italia da Mondadori e che uscirà in russo per la casa editrice Peškom v istoriju. Partecipa all'edizione speciale della rivista «Seans» dedicata al centenario della nascita di Federico Fellini.

Антон Мараев родился в 1987 году в г. Удомля Тверской области. В 2005 году поступил в Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО). В 2009 году получил степень бакалавра, в 2011 году степень магистра по направлению «Оптотехника», в 2014 году степень кандидата технических наук по специальности «Оптические и оптико-электронные приборы и комплексы».

В 2010–2012 годах обучался по специальности дополнительного высшего образования «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации (английский язык)» в Санкт-Петербургском политехническом университете. С 2014 года по настоящее время работает в должности ассистента в ИТМО, факультет прикладной оптики.

С сентября 2018 г. обучается в Державинском институте по программе «Итальянский язык».

Anton Maraev è nato nel 1987 nella città di Udomlja, nella regione di Tver'. Nel 2005 è entrato all'Università statale di Tecnologie dell'informazione, meccanica e ottica (ITMO) di San Pietroburgo, laureandosi nel 2009; nel 2011 ha conseguito un master in Optotechnology e nel 2014 si è specializzato nell'ambito delle scienze tecniche in Dispositivi e complessi ottici e optoelettronici.

Nel 2010-2012 ha ottenuto la specializzazione dell'istruzione superiore supplementare come Traduttore nel campo della comunicazione professionale (inglese) presso il Politecnico di San Pietroburgo. Dal 2014 ad oggi ha lavorato come assistente presso l'ITMO nel Dipartimento di Ottica applicata.

Da settembre 2018 studia all'Istituto Deržavinskij nell'ambito del programma di lingua italiana.

Владислава Сычева родилась в Москве. Студентка Литературного института имени А. М. Горького (семинар художественного перевода с итальянского). Переводит художественную литературу, драматургию, публицистику. Приняла участие в переводе детских книг по математике математике для издательства «Бином. Лаборатория знаний» (Анна Черазоли «Мистер Квадрат»). Выступала с докладами на конференции «XXII Озеровские чтения» (Литинститут) и «Итальянистика в современном мире» (МГПУ). Лауреат конкурса переводчиков им. Э. Линецкой при Пушкинском доме.

Vladislava Syčëva è nata a Mosca. Studia traduzione letteraria dall'italiano all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Traduce *fiction*, teatro, giornalismo. Ha preso parte alla traduzione di libri di matematica per bambini per la casa editrice Binom. Laboratorio di conoscenza (Anna Cerasoli, *Mister Quadrato*). Ha tenuto relazioni ai convegni *XXII Letture di Ozerov* presso l'Istituto Letterario e *Studi italiani nel mondo moderno* all'Università pedagogica statale di Mosca. Vincitrice del concorso per traduttori E. Lineckaja alla Casa di Puškin.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Алексей Артемьев	Alexej Artem'ev
Булат Ханов	Bulat Chanov
Маргарита Каткова	Margarita Katkova
Антонина Малышева	Antonina Malyševa
Александра Шалашова	Aleksandra Šalašova

Алексей Артемьев

Перевод на итальянский язык Андреа Цоллера

Aleksej Artem'ev

Traduzione in italiano di Andrea Zoller

НОВЫЙ ДЕНЬ

Осенью, в самую середку, когда в пиджачке уже зябко, а в тужурке еще душно, дед Колька Малин помирать собрался. Не так, чтобы хотел, – почуял. Будто внутри надломилось что-то. Без хруста, без треска – раз и все. И не легко, не тяжело – спокойно. Как мать свою дитятку поутру будит – ласково, с утешением: пора, мой хороший.

Супруге своей, Вере, говорить не стал. Успеет наплакаться. А то ведь зальется слезами, а следом и у самого нос захлюпает. Столько лет бок о бок, и все всегда вместе. В город ли съездить или на огород выйти. Он две борозды мотыжит, и она рядышком две. А где сорняк пропустит, она за ним срубит. И так во всем.

А теперь, получается, уходить ему пора. Вроде как на рыбалку, только насовсем. Дед Колька любил рыбалку. Любил обернуться и поглядеть, как далеко его деревушка, какая она маленькая. Еще больше любил возвращаться, когда снова вытягивались тополя над крышами, когда вишня облеплялась красными бусинками-ягодками, когда собаки лаяли уже без гулкового эха. Вроде как на рыбалку. Да вот избушка за спиной уж не вырастет обратно.

Последний год хороший выдался. Картошки полный подпол, помидоры свои поспели, красные, мясистые; яблоками тоже предбанник весь засыпали. В детстве о таком и мечтать было грешно. Который раз гнилую дулю найдешь и воображаешь себе, будто она печеная. И съешь за радость вместе с веточкой.

На памяти деда Кольки разные годы были. И голодные, и холодные. А все одно – с теплом вспоминаются. Тогда и ноги шустрее дрыгались, и руки крепче сжимались. А впереди была целая жизнь.

И как ведь пролетела. Думается, вчера еще бахвалился, что ему семь с половиной. Что он может и без шапки зимой, и ничего-то ему не будет. А после – что совсем даже не морщится, когда ноги в тазу парит.

UN NUOVO GIORNO

Nel bel mezzo dell'autunno, quando con il giubbino fa fresco, ma col giaccone ancora si crepa di caldo, il vecchio Kol'ka Malin decise che era ora di schiattare. Non che l'avesse voluto lui; se lo sentì. Come se qualcosa gli si fosse rotto dentro. Senza un rumore, senza uno scricchiolio, ma così, in un attimo. E non si sentiva leggero, né affaticato, ma tranquillo. Come quando una mamma sveglia il suo bimbo al mattino, con dolcezza, incoraggiandolo: è ora, piccolo mio.

A sua moglie, Vera, non volle dire nulla. Di tempo per piangere ne avrebbe avuto a volontà. Sicuro che si sarebbe messa a singhiozzare, e lui pure, subito dopo, a tirare su col naso. Quanti anni fianco a fianco, e tutto sempre insieme. Fosse andare in città o uscire nell'orto. Lui scavava due solchi nel terreno e lei, lì a fianco, ne scavava altri due. E dove a lui sfuggiva un'erbaccia arrivava lei a tagliarla. E così per ogni cosa.

Ma ecco che ora era arrivato per lui il momento di andare. Un po' come quando andava a pesca, solo che per sempre. Il vecchio Kol'ka amava andare a pesca. Amava voltarsi e vedere il suo villaggio così lontano, così piccolo. E ancora di più amava ritornare, quando i pioppi di nuovo si allungavano sui tetti, quando il ciliegio si ricopriva di piccole perle rosse, quando i latrati dei cani non erano più un'eco lontana. Un po' come andare a pesca. Solo che la sua piccola isba, la sua casetta, là, dietro alle spalle, non sarebbe più ricomparsa.

Quello appena passato era stato un buon anno. La cantina era piena di patate, i pomodori erano venuti su rossi, polposi; pure le mele invadevano completamente l'anticamera della *banja*. Da piccoli, una cosa del genere era peccato anche solo immaginarla. Quante volte avevi trovato una pera marcia e avevi fatto finta che fosse cotta. E te l'eri divorata per la gioia, picciolo compreso. Nella memoria del vecchio Kol'ka si sommavano anni diversi tra loro. Anni di fame, anni di freddo. Ma che ti ricordi comunque con affetto. Quando le gambe scattavano con più agilità, le mani afferravano con più forza. E davanti a te c'era tutta una vita.

E com'era volata. Pare ieri che ancora te ne stavi a fare il bulletto, che tanto c'hai sette anni e mezzo. Che puoi andartene in giro anche senza il berretto, e non ti piglierai niente. E che non

Помнил и как мать хоронил, и бабу с дедом, и брата родного. Много кого. За жизнь деревня раза три переменялась. И больше уж не будет, пожалуй. Рожать некому, молодежь вся разъехалась. Избы кривятся, бурьян подымается.

Своя тоже вся вихляется. Да уж в последнее время не до нее. Раньше-то сын из города приезжал. Где доску приколотит, где лист железный постелет. Три года не был. Все обещался, да никак. Оно и понятно, работа.

Дед Колька все ждал. Лампочка перегорит в сенях – не меняет: Ваня приедет, сделает. Половица в бане провалится – обходи стороной до Ваниного приезда.

Ну, теперь-то приедет, куда ему деваться. Кисельку поест, водочки выпить за тяткин упокой. А то и за ночи бессонные, и за то, что с больной спиной укачивал, да еще и песенки умудрялся напевать. И в ладушки хлопать научил. И на моциклете кататься. И гайку от шурупа отличать.

С этими думами дед Колька накинул куртку, обулся, вышел на пороги. Снежок. Хлопья крупные, редкие. Падают на крышу бани и исчезают. Падают и исчезают.

Что положено делать в последний день? Дед оглядел двор, заметил резиновый мячик. Красный, советский. Такой, что пнешь, а он и дребежжит на всю округу.

– Ноги уж не те, – отбросил мысль старик.

Посидел еще. Глянул на мячик.

– Калоша поедет, расшибусь весь, – уже не так уверенно пробурчал он.

Еще посидел. А потом вдруг подскочил и шмякнул с разбега. Мяч со звоном перелетел через баню.

– Найдется по весне, – махнул он довольно, держась за поясницу.

Побрел искать, чего бы еще созоровать. Нашлась лужа, слегка прихваченная морозом. Старик сперва похрустел ледком по краям – до чего хорошо! А потом – прыг! Вся одежда в крапинку. И лицо – точно в веснушках. Как в детстве.

– Дурак старый, – засмеялся дед Колька, вытираясь.

Вышел на улицу. Отломил свежую ветку, ошкурил, укусил тремя зубами – сладкая. Сорвал пожелтевший стебелек подорожника, сгреб зернышки.

ti partirà manco mezza smorfia quando te ne starai coi piedi a mollo nell'acqua calda. Pensò al funerale della madre, della nonna e del nonno, del fratello. Un sacco di persone. Per tutto il tempo in cui aveva vissuto, il villaggio si era trasformato almeno tre volte. Ma forse non l'avrebbe più fatto. Figli non poteva più farne nessuno, i giovani se n'erano andati tutti quanti. Le isbe crollavano, le erbacce invadevano i campi.

Anche la sua isba cadeva a pezzi. Negli ultimi tempi, ormai, non riusciva più a starci dietro. Una volta veniva il figlio dalla città. Gli fissava un'asse qui, gli montava una lamiera là. Erano tre anni che non veniva. Lo prometteva e riprometteva, ma niente. Bisognava capirlo, il lavoro. Il vecchio Kol'ka non faceva altro che aspettarlo. La luce nello stanzino d'ingresso si era fulminata? Mica la cambiava: sarebbe venuto Vanja, l'avrebbe fatto lui. Nella *banja* c'era un'asse rotta? Ci camminava intorno fino a quando non sarebbe venuto il figlio.

E sarebbe venuto eccome, adesso, non aveva più scuse. A mangiarsi un po' di gelatina alla frutta, a brindare con della vodka all'anima del suo vecchio. E alle sue notti insonni, a quelle volte in cui lo aveva cullato con il mal di schiena, ed era pure riuscito a cantargli le canzoncine. A quando gli aveva insegnato a battere le manine. E a guidare la moto. E a distinguere un dado da una vite.

Con questi pensieri, il vecchio Kol'ka si buttò addosso la giacca, si mise le scarpe e uscì sulla porta di casa. Nevicava. I fiocchi erano grossi e radi. Cadevano sul tetto della *banja* e scomparivano. Cadevano e scomparivano.

Che cosa doveva fare nel suo ultimo giorno di vita? Il vecchio studiò per bene il cortile, adocchiò un pallone di gomma. Era rosso, fatto ai tempi dell'Urss. Di quelli che gli tiri un calcio e li senti per tutto il vicinato.

«Non c'ho più le gambe di una volta», lasciò perdere il vecchio.

Se ne stette seduto ancora per un po'. Guardò il pallone.

«Se mi partono gli stivali, mi amazzo», borbottò, ormai scoraggiato.

Per un po', ancora, se ne stette seduto. Poi, però, scattò in piedi di botto, prese la rincorsa e tirò una bella pallonata. Il pallone, risuonando, volò oltre la *banja*.

«Questa primavera salterà fuori», si arrese soddisfatto con un gesto della mano, reggendosi la schiena.

– Кочеток, курица аль цыпленок?

Стебелек весь распушился, вздыбился.

– Кочеток!

Лизнул газовую трубу, примерз. Кое-как высвободился. Обнаружил в палисаднике пружину от старой кровати. Напрыгался вдосталь, все позвонки по местам расставил. Сел передохнуть. Хорошо на душе, спокойно. Хоть сейчас помирай.

– Колька, ты где? – донеслось со двора. Вера. Обедать пора.

На столе – чашка с печными щами, печной хлеб, луковица с кулак, сало в прикуску. А щи-то – мать честная! Никто не варит таких щей, как Вера. Разве что на поминках, и то редкий раз. Густые, наваристые, с дымком.

Старик отломил хлеба, отрезал сала покраснее – нынче можно.

Наелся досыта, взялся воду в баню таскать.

– Чай не суббота же, – удивилась бабка.

– Попариться хочу, – объяснил старик, а сам с ведрами – туда-сюда, как точно лет на пятьдесят помолодел.

Вечером напарились, намылись, одеваться стали.

– Наперегонки давай! – воскликнул старик, шустро натягивая брюки.

– Ты аль сбрендил? – не поняла старушка.

– Давай что ль! – он слегка поддал ей ногой по ляжке.

Бабка изучающе поглядела на него, промолчала. И уже после бани, когда сидели на диване и глядели «Джентльменов удачи», спросила:

– Нашел все-таки?

– Чаво?

– Чаво-чаво. Сам знаешь, чаво. Самогонку, говорю, нашел?

– Я и не искал.

– А чего ж такой?

– Какой такой?

– Пьяный.

Si mise pian pianino a cercare qualche altra ragazzata da combinare. Trovò una pozzanghera appena appena ghiacciata. Per prima cosa, il vecchio sbriciolò il ghiaccio più sottile tutt'intorno: ah, che goduria! E poi via con un salto! I vestiti ce li aveva tutti a pois. E il viso quasi fosse pieno di lentiggini. Come da piccoli.

«Scemo di un vecchio», scoppiò a ridere, asciugandosi, il vecchio Kol'ka.

Uscì in strada. Spezzò un rametto fresco, lo spellò, lo mordicchiò con tre denti: era dolce. Staccò lo stelo ingiallito di una graminacea e, facendoci scivolare sopra le dita, gli strappò le foglioline.

«Gallo, gallina o pulcino?».

Lo stelo si rigonfiò e si rizzò tutto quanto, come un galletto.

«Gallo!».

Leccò un tubo del gas e ci restò attaccato con la lingua congelata. Riuscì in qualche modo a staccarsi. Trovò la rete a molle di un vecchio letto nel giardino davanti a casa. Ci saltò sopra fino allo sfinimento, rimettendosi a posto le vertebre una ad una. Si sedette a tirare il fiato. Si sentiva una meraviglia, in pace. Sarebbe potuto schiattare anche in quel momento.

«Kol'ka, dove sei?» si sentì chiamare dal cortile. Era Vera. Ora di pranzo.

A tavola trovò una scodella di zuppa di cavoli con del pane, una cipolla grande quanto il pugno di una mano e del lardo da mangiarci assieme. E quella zuppa... mamma mia! La zuppa di cavoli come la faceva Vera non la faceva nessuno. Poteva capitartene una così ogni tanto, ai funerali, ma succedeva raramente. Bella spessa, densa, un filino affumicata.

Il vecchio spezzò del pane e tagliò un po' di lardo, la parte più rossa. Ora se lo poteva permettere.

Mangiò a sazietà, poi cominciò a portare l'acqua nella *banja*.

«Ohi, mica è sabato», si stupì la sua vecchia.

«C'ho voglia di sauna», spiegò il vecchio, andando avanti e indietro coi secchi come se fosse ringiovanito giusto di cinquant'anni.

Alla sera fecero la sauna, si lavarono, si rivestirono.

«Facciamo gara a chi si veste prima!», esclamò il vecchio, infilandosi alla svelta i pantaloni.

«Hai dato di matto?» rispose interrogativa la donna.

– Потому что это..., – он так и не смог сказать. Договорил, когда легли спать, и она тихо засопела.

– Ухожу потому что, – он чмокнул ее в седую макушку.

Перед сном много о чем думал. Думал, как Вера теперь без него будет. Скотину резать придется или продать. Одна не сдюжит. Доски на гроб давно на чердаке валяются, хоть на этом денежку сбережет. А там как-нибудь. Здоровье-то у нее тоже не бог весть какое. Он, когда по ту сторону-то окажется, сядет у рая на порожках и ее дожидаться будет, как по молодости на крылечке с ромашками ждал.

Так старик уснул.

Проснулся поздно. Поглядел в окно. Все белое-белое. Зима пришла. И с ней новый день.

«Eh dai, su!» con la gamba le diede un colpetto sul fianco.

La vecchia lo squadro in silenzio. E dopo la sauna, mentre se ne stavano sul divano a guardare un vecchio film sovietico, *I gentiluomini della fortuna*, gli chiese:

«L’hai trovata, eh?».

«Uh?».

«Uh-uh. Lo sai benissimo cosa. La vodka, ti dico, l’hai trovata?».

«Manco l’ho cercata».

«E allora che hai da essere così?».

«Da essere come?».

«Bevuto».

«È perché...» ma non gli riuscì di dire niente. Finì la frase una volta a letto, quando la moglie già ansava silenziosa nel sonno.

«È perché me ne sto per andare», le schioccò un bacio sulla testolina grigia.

A cosa non pensò prima di addormentarsi. Pensò a come avrebbe fatto ora Vera senza di lui. Le sarebbe toccato macellare le bestie, o venderle. Da sola non poteva starci dietro. In soffitta stazionavano da un secolo delle assi per la bara, almeno per quella avrebbe risparmiato i soldi. Ma nemmeno lei con la salute se la passava un granché bene. Lui, una volta finito all’altro mondo, si sarebbe piazzato sulle porte del paradiso e l’avrebbe aspettata, come quando da giovane l’aspettava con le margherite sulla porta di casa.

E così il vecchio si addormentò.

Si svegliò tardi. Guardò dalla finestra. Era tutto così bianco. L’inverno era arrivato. E con l’inverno un nuovo giorno.

Отзыв о рассказе

Алексею Артемьеву двадцать восемь лет, он родился в небольшом селе в Мордовии, сейчас живет в Саранске, столице республики. Это уже вполне сложившийся писатель. Выпустил две книги прозы, повесть «Деревья и птицы» отмечена двумя литературными премиями, рассказы тоже не прошли незамеченными. Дважды рассказы Артемьева входили в финальную пятерку премии «Радуга» и публиковались в наших сборниках.

Рассказ «Новый день» поражает знанием деревенской жизни, точными, выверенными деталями. Это ясная, прозрачная, прекрасно читающаяся проза. Собранный помирать дед Колька, озорующий и радующийся жизни напоследок, напоминает шукшинских персонажей, но вместе с тем это герой сегодняшнего дня, обитатель приходящей в упадок, но кое-как выживающей российской деревни. Смерть повредила, дед Колька не умер, как задумал, для него наступил новый день, принесший не только снег на исходе осени, но и новое ощущение жизни. Хочется верить, что и для деревни деда Кольки все-таки настанет новый день.

Нина Литвинец

Nota critica

Aleksej Artem'ev ha 28 anni ed è nato in un piccolo villaggio della Repubblica di Mordovia. Oggi vive a Saransk, capitale della Repubblica. Può essere oramai considerato un autore a tutti gli effetti, con alle spalle la pubblicazione di due libri di prosa. Il romanzo breve *Gli alberi e gli uccelli* (*Derev'ja i pticy*) è stato vincitore di due premi letterari; anche i suoi racconti hanno goduto di un certo successo. Per due volte i testi di Artem'ev sono stati inclusi tra i cinque racconti finalisti del premio Raduga e sono stati pubblicati nelle nostre antologie.

Il racconto *Un nuovo giorno* colpisce per la conoscenza della vita della campagna, per i suoi dettagli precisi e accurati. Quella di Artem'ev è una scrittura chiara, trasparente, piacevolissima alla lettura. Il vecchio Kol'ka, avviatosi ormai verso la morte e intento a combinare marachelle e a godersi per un ultimo giorno la vita, ricorda i personaggi agresti del celebre scrittore-regista Vasilij Šukšin; allo stesso tempo egli è, nientedimeno, un eroe dei nostri giorni, un abitante della campagna russa sull'orlo della rovina, ma in qualche modo ancora capace di sopravvivere. La morte alla fine non giunge sul vecchio Kol'ka, come lo stesso aveva pensato; per lui comincia un nuovo giorno, un giorno che porta con sé non solo la neve alla fine dell'autunno, ma che dà alla vita un sapore nuovo. Viene voglia di credere che anche per il villaggio del vecchio Kol'ka arriverà, dopotutto, un nuovo giorno.

Nina Litvinec

Биография

Алексей Артемьев родился в 1991 г. в с. Ефаево (республика Мордовия), живет в Саранске. Окончил филологический факультет Национального исследовательского мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (2014). Участник премии «Дебют» (2014), победитель премии «Добрая книга» (2016), лауреат Премии им. А. И. Полежаева (2017), финалист премии «Радуга» (2016, 2018). Опубликовал две книги.

Biografia

Aleksej Artem'ev è nato nel 1991 a Efaevo, un villaggio nella Repubblica di Mordovia (Federazione Russa). Vive a Saransk. Nel 2014 ha concluso gli studi presso la Facoltà di Filologia dell'Università Statale della Mordovia. Ha partecipato al premio Debut (2014), è stato vincitore del premio Dobraja Kniga (2016) e del premio A.I. Poležev (2017). Nel 2016 e 2018 è stato finalista del premio Raduga. Ha pubblicato due libri.

Булат Ханов

Перевод на итальянский язык Чинции Челоне

Bulat Chanov

Traduzione in italiano di Cinzia Celone

СТАРИК И ФЕРМА

С третьего раза внучка Аня наконец объяснила Валентину Матвейчу, как оплачивать коммуналку по Интернету.

Вскоре старик узнал, что по компьютеру можно купить что угодно. И продать тоже. Валентин Матвейч немедленно избавился от нерабочей стиральной машины, и от скрипучей софы. По звонку целая бригада приехала и спустила непотребный хлам с четвертого этажа. А главный старику еще и тысячу рублей отстегнул. Красота!

Жена, правда, ругаться вздумала. Мол, сущие копейки, обман беззащитных пенсионеров, в пункте приема бы больше выручили. На это Валентин Матвейч поинтересовался, уж не на своем ли горбу Филипповна намерилась тащить солидного веса рухлядь до пункта приема. На том и помирились.

Надо заметить, ссорились они часто и отнюдь не по вине старика. Причины хмурить брови Роза Филипповна находила на раз-два. То супруг молоко просроченное купил, то на ботинках грязь в дом приволок, то картошку нарезал не соломкой, а брусочками. То, стыдно признаться, ершик плохо ополоснул. Не то чтоб жена всерьез пилила, скорее придиралась. Но придиралась почище любого начальника. Ее придиричность Валентин Матвейч сполна ощутил, когда хмурым ноябрьским днем внучка отдала ему свой ноутбук. «Пусть у него процессор слабенький, мощностей для современных игрушек не хватает, зато пашет он по-прежнему надежно», – заверила Аня. Метафора пенсионеру понравилась. «Пашет» – звучит чуть насмешливо и в то же время уважительно. Так говорят про старого коня, который, как известно, борозды не портит.

Дабы проверить «коня» в деле, Валентин Матвейч зарегистрировался в соцсетях. Филипповна сопровождала его действия неодобрением, которое и не пыталась скрыть.

– И на кой ляд это тебе?

IL VECCHIO E LA FATTORIA

Fu solo al terzo tentativo che Anja riuscì finalmente a far capire a suo nonno Valentin Matveič come pagare le spese condominiali su internet.

Presto il vecchietto scoprì che in rete si poteva acquistare e vendere qualsiasi cosa; fu così che senza pensarci due volte Valentin Matveič decise di sbarazzarsi della lavatrice rotta e del sofà cigolante. Bastò una telefonata affinché un'intera brigata si presentasse per portar giù dal quarto piano tutta quella roba inutile. Il caposquadra, inoltre, una volta terminato il lavoro, allungò al vecchietto addirittura mille rubli. Incredibile!

Sua moglie, in verità, tentò di rifilargli la solita scenata; sosteneva infatti che la somma corrisposta fosse una miseria, che si trattasse di una truffa bella e buona a scapito di poveri pensionati e che, al centro di ritiro dell'usato, gli avrebbero riconosciuto sicuramente di più. Valentin Matveič, però, riuscì a troncare quella discussione sul nascere chiedendole se, nel caso, ci avrebbe pensato lei a caricarsi sul gobbone tutto quel pesante ciarpame per trascinarlo fino al punto di ritiro. Tale domanda fu sufficiente a farli riappacificare.

C'è da dire che i due litigavano spesso e sicuramente non per colpa del vecchietto. I motivi per accigliarsi Roza Filippovna li trovava ogni poco; una volta si lamentava perché il marito aveva comprato il latte scaduto, un'altra perché aveva imbrattato il pavimento con le scarpe sporche, un'altra ancora perché invece di tagliare le patate a fiammifero le aveva tagliate a tocchetti e, per finire, perché, seppur s'imbarazzasse ad ammetterlo, non aveva risciacquato bene lo scopino del gabinetto. Non che la donna lo sgridasse sul serio, piuttosto lo riprendeva. Lo riprendeva però più severamente di un qualsiasi superiore.

La petulanza di lei investì appieno Valentin Matveič quando, un grigio pomeriggio di novembre, la nipote consegnò al nonno il suo vecchio portatile. «Anche se il processore non è dei migliori e la potenza non supporta i videogiochi di ultima generazione, continua a sgobbare come un mulo» lo rassicurò la nipote. La metafora piacque al pensionato, il paragone suonava al contempo ironico e dignitoso.

- Друзей прежних найду. По работе, по армии, из техникума.
- Из техникума! – передразнила супруга. – Еще одноклассников поищи из деревни своей. Ты соцсетями даже пользоваться не умеешь!
- Ты же научилась. И вообще, у меня дефицит общения.

Старик попал в точку. Жена каждый вечер переписывалась с подружками по планшету, который ей год назад подарила на день рождения дочь, чтобы мама не испытывала дефицит общения. Валентина Матвеича тогда крепко задело, что на полушутливый вопрос, с кем же общаться ему, дочь на голубом глазу ответила: «Папа, у тебя ведь есть любимый телевизор!»

И что ему теперь – с телевизором разговаривать? Очень смешно.

С ходу Валентин Матвеич в настройках не сориентировался. Слишком много лишнего. Группы какие-то мудреные, видеозаписи, закладки. Ради любопытства пенсионер ткнул в рубрику «Игры», и на экране выскочил внушительный список. Привлеченный интригующим названием, старик нажал на «Долину фермеров». Приложение, все в зеленых тонах, запустилось, и некий Иван тут же пообещал новому соседу холмогорскую корову, если тот выполнит ряд пустяковых задач.

Валентин Матвеич и не подозревал, как глубоко он увязнет.

Участок, представлявший собой изумрудную поляну, был величиной сотки в четыре, не больше. В углу высился сарайчик. На другом конце рос пышный клевер, а посерединке всего этого дачного великолепия жужжал улей. Услужливый Иван подсказал, что сперва надобно послать пчел опылять клевер. Гудящие насекомые собрали с цветов нектар и тут же осчастливили старика бочонком меда. Неподалеку от улья, между тем, из ниоткуда возникла рослая корова. Сосед посоветовал накормить ее опыленным клевером. Не прошло и минуты, как холмогорская буренка порадовала Валентина Матвеича надоем молока. Дела у начинающего фермера шли просто отлично.

Воодушевленный пенсионер вырыл десять грядок и засадил их клевером, картошкой и капустой. Следом выкопал еще четыре – для корнишонов и лука, так как они, согласно заверению Ивана, поспевают быстрее всего. Чтобы не мучиться с ведрами,

Al fine di mettere alla prova il “mulo”, Valentin Matveič si registrò su alcuni social suscitando l'evidente disappunto della Filippovna.

«Si può sapere a che diavolo ti serve?».

«Voglio ritrovare i vecchi amici... colleghi, commilitoni, compagni dell'istituto tecnico.

«Dell'istituto tecnico!» gli fece eco la moglie a mo' di sfottò. «Già che ci sei, cerca pure i compagni di scuola di quella campagna sperduta da dove vieni. Cosa pensi di fare se i social neppure li sai usare!?».

«Beh, tu hai imparato. Comunque, a dirla tutta, sento “una carenza di interazione sociale”».

Il vecchio fece centro: sua moglie, infatti, passava le serate scrivendosi con le amiche sul tablet regalatole dalla figlia per il compleanno, affinché, parole sue, la madre non sentisse una “carenza d'interazione sociale”. In quell'occasione Valentin Matveič si era risentito fortemente quando, alla domanda, solo per metà ironica, con chi avrebbe dovuto interagire invece lui, la figlia, con finto candore aveva risposto: «Papà, a te rimane sempre il tuo amato televisore». Ah sì? E cos'avrebbe dovuto fare adesso, chiacchierare con la TV? Molto divertente!

All'inizio Valentin Matveič fece fatica a orientarsi nelle impostazioni. C'era troppa roba inutile: gruppi dai nomi altisonanti, video, segnalibri. Spinto dalla curiosità, il pensionato selezionò la rubrica “videogiochi” e sullo schermo comparve un lungo elenco. Incuriosito dal nome intrigante, il vecchio cliccò su *La valle dei contadini*. L'applicazione, tutta nei toni del verde, si aprì e subito un certo Ivan promise al nuovo vicino una mucca di Cholmogory in cambio di una serie di favori da niente.

Valentin Matveič non immaginava minimamente fino a che punto quel gioco lo avrebbe risucchiato.

Le dimensioni del terreno assegnatogli, un pratone color smeraldo, non superavano i quattro ettari. In un angolo si trovava un capanno degli attrezzi, all'altro capo dell'appezzamento cresceva invece un trifoglio rigoglioso e al centro di tutto questo idillio bucolico ronzava un'arnia. Il servizievole Ivan gli suggerì che, per prima cosa, sarebbe stato opportuno indirizzare le api a impollinare il trifoglio. Gli insetti ronzanti raccolsero il nettare dai fiori e seduta stante deliziarono il vecchietto con un grosso boccione di miele; nel frattempo, non lontano dall'arnia,

старик установил систему автополива. Удобная штука, на дачу б такую. А то, как вспомнишь металлическую лейку с родного огорода, у которой рассеиватель вечно отваливается, на язык сразу матерные слова просятся.

Участок неумолимо рос и заполнялся. На месте некогда нетронутых изумрудных квадратиков цвели базилик и кабачки, морковь и тюльпаны. Над сараем нависла раскидистая яблоня, рядом с ульем наклюнулись белые грибочки. Щедрый Иван в знак дружбы пожаловал и вторую корову – на сей раз аирширскую. Валентин Иванович чуть не вскочил от восторга, когда узнал, что в игре можно варить на продажу сыр. Не дожидаясь, пока поспеет следующий урожай клевера и буренки дадут молоко, пенсионер купил сыроварку на вырученные от сельхозпродукции монеты и поставил белоснежную красавицу подле грядок.

– Чего ты там пятый час мышкой щелкаешь? – вскричала за спиной незаметно подкрававшаяся Филипповна. – Мультик смотришь, что ли?

– Никакой не мультик, – проворчал Валентин Матвеич. – В настройках разбираюсь. Он машинально захлопнул ноутбук, чтобы жена не увидела.

Захлопнул и испугался. Вдруг все достижения стерлись?

К громадному облегчению, не стерлись. Зато взялась другая напасть – у старика кончились монетки. Как раз в тот момент, когда он приглядел себе уютный прудик с утками.

Любезный Иван с советом не задержался. Он сказал, что Валентин Матвеич при желании может расплатиться за водоем, а также за любые другие товары не монетами, а агробаксами. Двадцать агробаксов стоили сотню российских рублей, тогда как пруд оценивался всего в три агробакса. Таясь от супруги и гадая, не разводят ли беззащитного пенсионера жулики, Валентин Матвеич ввел номер банковской карточки и трехзначный код. Сто рублей мгновенно конвертировались в агробаксы. Иван встретил решение соседа широкой мужицкой улыбкой.

К пруду прилагалась лишь одна утка, поэтому старик докупил за агробаксы еще трех. Питались утки исключительно семечками, так что вскоре на участке образовалось

come per magia, si materializzò una mucca pasciuta. Il vicino suggerì di darle da mangiare quello stesso trifoglio impollinato. Non trascorse neppure un minuto che la vacca iniziò a produrre latte, suscitando in Valentin Matveič una sincera gioia. Le cose non potevano andare meglio di così per il contadino in erba. Sull'onda dell'entusiasmo il pensionato preparò dieci aiuole e vi piantò altro trifoglio, patate e cavolo cappuccio. Subito dopo ne fece altre quattro destinate ai cetriolini e alle cipolle che, gli aveva assicurato Ivan, erano i primi ortaggi a maturare. Per non impazzire con i secchi, il vecchietto installò un impianto di irrigazione automatico. Una trovata proprio comoda... ad avercelo un aggeggino così in *dača*! Al solo ricordo dell'innaffiatoio metallico che lo aspettava nel suo vero orto, dal quale la doccetta cadeva puntualmente, il vecchietto, dentro di sé, sbottò in una serie di imprecazioni.

L'apezzamento cresceva inarrestabile, diventando sempre più ricco. Al posto di alcune caselline color smeraldo fino a quel momento rimaste vergini, comparvero basilico, zucchine, carote e tulipani. Un grosso melo sovrastava il capanno degli attrezzi e vicino alle arnie fecero capolino dei porcini. Il generoso Ivan, in segno d'amicizia, gli regalò una seconda mucca, questa volta una Ayrshire. Il pensionato fece i salti di gioia quando scoprì che nel gioco era possibile fare il formaggio e poi venderlo; quindi, senza neppure aspettare che prima rifiorisse il trifoglio e che le mucche iniziassero a produrre il latte, con le monete ricavate dalla vendita dei propri prodotti, Valentin Matveič acquistò una scintillante macchina del formaggio che piazzò vicino alle aiuole.

«Cos'è che stai combinando da più di quattro ore con quel mouse in mano?» gli urlò alle spalle la Filippovna sopraggiunta alla chetichella. «Ma che fai? Guardi i cartoni animati?».

«Ma quali cartoni!» rispose scocciato Valentin Matveič. «Sto studiando le impostazioni».

D'istinto richiuse il portatile affinché la moglie non vedesse lo schermo ma subito dopo rabbrivì al pensiero che tutto il suo lavoro fosse andato perduto. Con enorme sollievo constatò che non era così. Si era però presentato un nuovo grattacapo: le monete erano terminate proprio quando il vecchietto aveva adocchiato un incantevole stagno con tanto di anatre. Il solerte Ivan, nel momento del bisogno, non lesinò un consiglio al vicino. Puntuale, informò Valentin Matveič che, qualora lo volesse, avrebbe potuto acquistare il laghetto e qualsiasi altra cosa, pagando non

четыре свежих грядки для подсолнухов.

К ночи Филипповна поняла, что муж не мультики смотрит, а подсел на компьютерную игру.

– Опять ты ворчишь, – сказал Валентин Матвейч. – Я, между прочим, не дурью маюсь, а получаю сельскохозяйственное образование. Вот увидишь, эта игрушка нам летом на огороде ой как поможет.

Жену такое объяснение не устроило. Они разругались и разошлись спать по разным комнатам. Валентин Матвеевич выдохнул и вернулся к дачным заботам.

Раньше он не замечал в себе азарта. В лотереях не участвовал, в карты на интерес не играл. Сейчас же старика будто ужалили, и он кинулся наводить красоту на ферме. Насажал фруктовых деревьев, потратился на технику для производства соков и солений, разбил загоны для лам. Установил прялку. Развел свиней и кур. Воздвиг баню, конюшню, мельницу и склад для продуктов. Все словно в порыве одержимости. Кроме того, пенсионер осуществил давнюю мечту, а именно начал выращивать хмель и варить пиво. Ради таких свершений понадобилось расширить участок раз в пять – не за бесплатно, разумеется. Работа кипела, сосед-аграрий ободряюще кивал. Ночами снились рекордные урожаи.

Случались, к сожалению, и непредвиденные расходы. Так, на третий день захворали коровки. Пришлось вызвать ветеринара, чтобы подлечил буренок. Иначе кто молоко для сыра давать будет?

Чтобы не возникли вопросы, куда исчезли деньги, Валентин Матвеевич изворачивался по-всякому. Сперва он пустил на агробаксы заначку, отложенную на Новый год. Когда заначка кончилась, старик притворился, будто пропил тысячу рублей. Чтобы подтвердить это, он приволок домой оставленную кем-то на бордюре бутылку из-под дорогой финской водки. Для вящей убедительности же предварительно выпил фунфырик огуречного лосьона, разбавив его литром воды. Чуть коней не двинул от мерзкого поила. Супруга, к счастью, ничего не заподозрила. Поорала, конечно, но больше для порядка, чем по лютой злобе.

in monete ma con i Farm Cash. Con cento rubli si potevano acquistare Venti Farm Cash laddove il laghetto ne costava appena tre. Di nascosto dalla moglie e chiedendosi se non si trattasse di una truffa ai danni di uno sprovveduto pensionato, Valentin Matveič digitò il numero della carta di credito e il codice di verifica. Istantaneamente i cento rubli furono convertiti in Farm Cash. Il vicino Ivan accolse quella decisione con un ampio sorriso d'intesa. Con l'acquisto del laghetto veniva data un'anatrella soltanto, così il vecchietto decise di spendere parte dei Farm Cash per comprarne altre tre. Dal momento che le anatre si nutrivano solo di semi, presto, nell'apezzamento, comparvero quattro nuove aiuole per i girasoli.

A notte inoltrata fu ormai chiaro alla Filippovna che il marito non guardava i cartoni animati, bensì si era assuefatto a un gioco virtuale.

«Sei di nuovo lì che brontoli» disse Valentin Matveič. «E comunque, per tua informazione, non sto affatto perdendo tempo, al contrario, mi sto facendo una cultura agraria. Vedrai quest'estate in *dača* come ci tornerà utile questo giochino!».

Tale giustificazione non convinse la consorte e i due, dopo aver litigato, si ritirarono per la notte in due stanze diverse. Valentin Matveič fece un bel respiro e si rigettò a capofitto nelle sue attività campestri.

In vita sua non era mai stato attratto dai giochi d'azzardo; non comprava biglietti della lotteria né tantomeno aveva mai giocato a carte per soldi; adesso, invece, era come se qualcosa l'avesse punto e lui non riuscisse a pensare ad altro che a far diventare quella fattoria sempre più florida. Piantò moltissimi alberi da frutta, investì un patrimonio in macchinari per la produzione di succhi e sottaceti e costruì un recinto per i lama. Mise in funzione un arcolaio, acquistò maiali e galline, costruì una sauna, una scuderia, un mulino e un deposito per le provviste. Il tutto come spinto da un raptus irrefrenabile. Il pensionato, inoltre, poté finalmente realizzare il sogno di una vita: coltivare il luppolo per produrre birra artigianale. Per apportare tutte queste migliorie fu necessario aumentare di circa cinque volte l'apezzamento, non a gratis, s'intende. Il lavoro era in fermento, il vicino agronomo osservava e annuiva in segno d'incoraggiamento. Di notte il vecchio sognava raccolti da record. Vi erano purtroppo anche spese impreviste. Il terzo giorno, infatti, si ammalarono le mucche e fu necessario chiamare il veterinario per curarle, altrimenti

Надо заметить, что, когда старик пристрастился к «Долине фермеров», Филипповна и сама стала закрываться в спальне с планшетом чаще обычного. Ну и пускай себе щебечет с подружками, лишь бы над душой не стояла.

О поиске армейских и прочих друзей пенсионер и думать забыл. Телевизор он забросил. Ел частенько прямо за ноутбуком.

Вскоре Валентин Матвееч повторил эксперимент с фунфыриком. Только бутылку на сей раз добыл попроще, из-под отечественного продукта. И лосьона выпил от силы граммов десять. Снова прокатило.

Хозяйство приросло мукомольным заводиком и тропической оранжереей. Успехи фермера оценил агрокомбинат и заключил с ним договор.

Агробаксы опять некстати иссякли. Большой бизнес требовал соответствующих вложений. И тогда старика осенило.

Чего это он на мелочь разменивается, когда есть верное решение.

Хранилась у Валентина Матвееча памятная вещичка. Не то чтоб реликвия, вернее раритет. Старинные карманные часы. Потускневшие, на истрепанном кожаном ремешке. Трофейные, их отец из Германии привез, когда Берлин брал. Утверждал, что часы принадлежали барону и передавались по наследству, однако мама уверяла, что легенду папа сам сочинил. Как бы то ни было, часами в семье никто не пользовался, и покоились они в комодке вместе с другим хламом. Пенсионер замыслил отнести их в антикварный салон и на вырученные средства освоить водоем рядом с фермой и развести форель. С раритетом, само собой, жаль расставаться, но не смертельно. Все равно мертвым грузом лежит.

Вот только в комодке часов не оказалось. И в серванте. И даже в ящике стола, что запирался на ключ.

Валентин Матвееч страшно занервничал – не столько из-за пропажи отцовского трофея, сколько из-за простоя фермы.

Взволнованный Валентин Матвееч решил прощупать почву и навести жену на разговор о трофейных часах. Старик не придумал, как сделать это поаккуратнее,

sarebbe mancato il latte destinato alla produzione di formaggio.

Per non far notare l'ammacco di denaro, Valentin Matveič aguzzò l'ingegno. Inizialmente, per comprare i Farm Cash, il vecchietto aveva attinto dai risparmi messi da parte per i festeggiamenti di capodanno. Terminati quelli, aveva dato a intendere alla moglie di aver speso mille rubli in vodka e per dissipare ogni dubbio aveva raccattato per strada una bottiglia di una costosa marca finlandese. Non si era limitato però solo a questo, infatti, per rendere il tutto il più credibile possibile, preventivamente si era sciolto una lozione alcolica al cetriolo diluita in un litro d'acqua. Per poco quell'intruglio non lo aveva mandato al creatore. La moglie, per fortuna, non aveva sospettato nulla. Certo, si era esibita nella solita scenata, ma più per la forza dell'abitudine che per la reale rabbia. Va fatto presente che, da quando il vecchio si era assuefatto al gioco, anche la moglie si chiudeva in camera da letto con il tablet più spesso di prima. Ben venga che stesse ore a spettegolare con le amiche, tutto, purché non gli stesse col fiato sul collo. In quanto al proposito iniziale di ritrovare gli amici del militare, e non solo quelli, il pensionato lo aveva completamente dimenticato, aveva addirittura abbandonato l'amato televisore e sempre più spesso mangiava davanti al pc.

Presto Valentin Matveič dovette ripetere la scenetta della lozione al cetriolo. Questa volta però recuperò dal marciapiede una bottiglia più modesta, di una marca nazionale e di lozione ne bevve al massimo dieci grammi. La sfangò di nuovo. La fattoria si arricchì così di una fabbrica per la produzione di farina e di una serra tropicale. Visti i successi del contadino, il consorzio agrario stipulò con lui un contratto. I Farm Cash, però, terminarono nuovamente, guastando le feste al contadino. Certo, un business di quella portata richiedeva altrettanto cospicue iniezioni di capitale. Fu a quel punto che al vecchietto venne un'idea. Perché continuare a convertire pochi spiccioli alla volta quando poteva risolvere la questione una volta per tutte?

Valentin Matveič era infatti in possesso di un piccolo cimelio. Sarebbe stato esagerato definirlo una reliquia ma era sicuramente una vera rarità. Si trattava di un trofeo di guerra che suo padre si era procurato in Germania ai tempi della presa di Berlino: un antico orologio da taschino attaccato a una catenina consunta. Mentre suo padre sosteneva che quell'orologio fosse appartenuto a un barone e fosse stato tramandato di generazione in generazione, sua

поэтому спросил прямо:

– Ты не видела мои часы? Те, старинные, что отец с войны привез.

Вместо ответа Филипповна загадочно сжала губы и молча прошествовала в кухню. Заинтригованный, Валентин Матвееч последовал за ней. Супруга, все так же без слов, налила до краев стопку водки и поставила перед мужем.

– Как раз собиралась тебе сказать. В общем, я тоже установила игру. Про фермеров... Чего так смотришь? Как будто сам не понимаешь.

madre gli aveva assicurato che quella leggenda era stata inventata di sana pianta appunto dal marito. Qualsiasi fosse stata la verità, nessuno mai aveva utilizzato quell'orologio, dimenticato nel comò assieme ad altre cianfrusaglie. Il pensionato iniziò a fantasticare di vendere l'orologio a un antiquario e col ricavato acquistare un laghetto vicino alla fattoria dove allevare trote. Ovvio, gli dispiaceva separarsi da quel cimelio ma non era mica una tragedia. Dopotutto era lì a prender polvere e basta.

Ecco che, però, non c'era verso di trovare l'orologio da nessuna parte. Il vecchietto, dopo averlo cercato invano nel comò, controllò nella dispensa e addirittura nel cassetto del tavolo che tenevano chiuso a chiave, ma nulla. Valentin Matveič venne sopraffatto dall'agitazione, non tanto perché si apprestava a vendere il trofeo del padre, quanto per l'inattività della fattoria.

Ormai agitatissimo, decise di sondare il terreno con la moglie. Voleva accennare alla questione dell'orologio con noncuranza ma non riuscendo a trovare le parole giuste chiese infine diretto: «Hai visto il mio orologio? Quello antico che aveva portato mio padre dalla Germania».

Invece di rispondere la Filippovna strinse le labbra in modo enigmatico e, in silenzio, si diresse in cucina. Incuriosito, Valentin Matveič la seguì. La moglie, rimanendo zitta, riempì di vodka un bicchierino fino all'orlo e lo allungò al marito.

«Stavo appunto per dirtelo. Insomma, ho scaricato anch'io quel gioco... quello dei contadini. Cosa c'hai da guardarmi a quel modo? Proprio tu, come se non capissi!».

Отзыв о рассказе

Булата Ханова можно считать ветераном премии «Радуга»: дважды участвуя в конкурсе на лучший рассказ, молодой писатель дважды – в 2018 и 2019 году – входил в число финалистов премии.

Сюжет рассказа «Старик и ферма», представленного Хановым на премию в этот раз, кажется мне не чуждым возможному переводчику, принадлежащему к поколению, которому словосочетание «компьютерные игры» знакомо не понаслышке. Герою повествования Валентину Матвейчу внучка отдает старенький ноутбук, и его новый обладатель, пытаясь освоить диковинный гаджет, натывается вскоре на рубрику «Игры», чтобы стать жертвой одной из них – «Долины фермеров».

Новоиспеченный фермер, следуя советам предприимчивого продавца, представившегося Иваном, раз за разом расширяет свое виртуальное хозяйство, для чего не скупится на расходы, и наступает час, когда деньги на его кредитной карте заканчиваются. Валентину Матвейчу ничего другого не остается, как пустить в ход некую сумму, отложенную на Новый год, ловко делая вид, что он тратит «заначку» на выпивку. Но кончаются и эти деньги и, оказавшись на мели, Валентин Матвейч вспоминает про старинные карманные часы – трофей, привезенный отцом с войны. Часы, которыми никто не пользовался, много лет хранились в комод, и в трудную минуту Валентину Матвейчу приходит в голову мысль отнести их в антикварный салон. Но в комод часов не оказывается, и на вопрос, куда они могли деваться, жена незадачливого фермера признается, что она тоже играет в «Долину фермеров» и, оставшись без денег, часы продала.

Заглавие рассказа не случайно ассоциируется с заглавием повести Хемингуэя «Старик и море», и Булат Ханов вполне мог бы предпослать своему сочинению эпиграф из притчи американского классика: «Хотел бы я купить себе немножко счастья, если его где-нибудь продают...»

Евгений Солонович

Nota critica

Due volte finalista del premio Raduga per la sezione Giovani narratori russi, (2018 e 2019), Bulat Chanov può essere considerato, a ragion veduta, un veterano di questo concorso.

Il racconto dal titolo *Il vecchio e la fattoria*, con il quale l'autore, anche quest'anno, si aggiudica un posto tra i finalisti, penso tratti un tema familiare a qualsiasi traduttore appartenente a una generazione cresciuta "a videogiochi".

Al protagonista della narrazione, Valentin Matveič, la nipote regala il proprio pc dismesso; nel tentativo di familiarizzare con il bizzarro dispositivo il suo nuovo proprietario s'imbatte ben presto nella rubrica "videogiochi", diventando vittima di uno di loro: *La valle dei contadini*.

Il neo-contadino, seguendo i consigli di un intraprendente venditore, tale Ivan, accresce sempre più il proprio possedimento virtuale senza badare a spese. A un certo punto, però, i soldi presenti sulla carta di credito terminano e Valentin Matveič, non avendo altra scelta, decide di attingere ai risparmi messi da parte per i festeggiamenti di Capodanno. Con estrema maestria il vecchietto inganna la moglie facendole credere di aver speso tale somma in alcolici. Anche questo gruzzolo, però, ben presto finisce ed è allora che Valentin Matveič, ormai rimasto al verde, si ricorda dell'antico orologio da taschino riportato a casa dal padre come trofeo di guerra. L'orologio, che nessuno usava, era conservato da molti anni in un comò e, in quel difficile momento, Valentin Matveič ha l'idea di venderlo a un negozio di antiquariato. L'orologio, però, non risulta più essere nel comò e una volta interrogata su dove possa essere finito, la moglie dello sventurato contadino ammette che anche lei si è appassionata al videogioco *La valle dei contadini* e, rimasta a sua volta a corto di denaro, ha ben pensato di vendere l'orologio.

Il titolo del racconto in gara richiama, intenzionalmente, quello del romanzo di Hemingway *Il vecchio e il mare*, tanto che Bulat Chanov avrebbe potuto tranquillamente aprire la narrazione con un passo del classico americano: «Vorrei potermi comprare un po' di felicità, se la vendessero da qualche parte ...»

Evgenij Solonovič

Биография

Булат Ханов родился в г. Казань в 1991 году. Окончил Казанский федеральный университет по специальности «Филология. Русский язык и литература в межнациональном общении». В 2016 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Советский дискурс в современной русской прозе». Пишет прозу, эссеистику, литературоведческие статьи. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Октябрь», в сетевых изданиях «Литература» и «Textura». Участник Форумов молодых писателей (2011, 2014, 2015, 2018). Лауреат премий «Лицей» (2018) и «Звездный билет» (2018), финалист премии «Радуга» (2018, 2019). В 2019 г. выпустил свой первый большой роман.

Biografia

Bulat Chanov nasce a Kazan' nel 1991. Si laurea all'Università Federale di Kazan', indirizzo Filologia. Lingua e letteratura russa nella comunicazione internazionale. Nel 2016 discute la tesi di dottorato dal titolo *Il linguaggio sovietico nella prosa russa contemporanea*. Scrive prosa, saggistica e articoli di critica letteraria. I suoi lavori figurano nelle riviste accademiche «Družba narodov» e «Oktjabr'» e sono pubblicati sui siti internet di divulgazione letteraria «LiTERRatura» e «Textura». Partecipa a diversi forum per giovani scrittori (2011, 2014, 2015, 2018). È vincitore del premio Licej (2018) e Zvezdnyj bilet (2018), finalista del premio letterario Raduga (2018, 2019). Nel 2019 pubblica il suo primo romanzo.

Маргарита Каткова

Перевод на итальянский язык Мартины Морабито

Margarita Katkova

Traduzione in italiano di Martina Morabito

ОБЫЧНОЕ ДЕЛО

На вечер был назначен выезд – последнее дело за рабочий день. На первый взгляд, совершенно обычное. Сколько таких она провела! Но в то же время Анна Львовна всеми правдами и неправдами откладывала его еще с прошлой недели. На ее участке было десять «неблагополучников». Но только к этой семье, а точнее будет сказать, к этому мальчику она питала искреннюю жалость и симпатию. Отнять – проще простого. Для этого есть все основания. Но будет ли ребенку хорошо там? Вопрос мучил и не давал покоя Анне Львовне. Была бы ее воля, она бы и дальше ждала, делала предупредительные выезды и ждала, вдруг исправятся?.. Но дальше тянуть было нельзя. К Новому году надо сдать отчет. А что тут осталось? Чуть больше недели.

Они тряслись по разрушенной дороге в стареньком уазике. Оттого головная боль, которую она почувствовала еще утром, усиливалась, с каждым толчком ударяла изнутри, как ладошкой по мячу. Рядом сидела майор полиции, полная, но добродушная женщина с глазами навывкате.

– Как я не люблю все это, – вздыхала она. – Придешь, и не знаешь, что делать.

– Да что тут делать, забирать надо и все, – откликнулась Анна Львовна, желая только одного, чтобы этот день поскорее закончился. – Сама помнишь, в прошлый раз мать никакая была. Язык заплетался.

Они подъехали к облупленной пятиэтажке. Входная дверь была распахнута и отзывалась гулкими хлопками на любой сквозняк. В подъезде пахло чем-то влажным и гнилым, как обычно пахнет в погребах. Поднялись на третий этаж.

Майор тяжело поднималась, борясь с одышкой, на лбу и волосах у нее выступили капельки пота. Она старательно обтерла лицо платочком. Анна Львовна нажала на звонок, подождала, еще раз нажала. Звонок не работал.

– А, забыла, – опомнилась она и постучала в дверь.

– Так и не наладили, запишем, – откликнулась майор, вынимая из сумки тетрадь. – А мы

UN CASO ORDINARIO

Per quella sera era stata fissata una visita domiciliare, l'ultima incombenza della giornata di lavoro. A prima vista, un caso del tutto ordinario. Quanti ne aveva già affrontati di simili! Eppure, giusto o sbagliato che fosse, era una settimana che Anna L'vovna rimandava. Nella sua circoscrizione c'erano dieci "disagiati". Ma solo nei confronti di quella famiglia o, per meglio dire, nei confronti di quel bambino, provava sincera compassione e simpatia. Togliarlo era la cosa più semplice. Ce n'erano tutte le ragioni. Ma poi il bambino sarebbe stato bene? Quella domanda tormentava Anna L'vovna, non le dava pace. Fosse dipeso da lei, avrebbe atteso ancora, avrebbe fatto delle visite di avvertimento e avrebbe aspettato che, d'improvviso, si fosse aggiustato tutto... Ma tirarla ancora per le lunghe non si poteva proprio. Per capodanno bisognava consegnare la relazione. Quanto restava? Poco più di una settimana.

Lungo la strada dissestata procedevano a sobbalzi nel vecchio fuoristrada sovietico. E così il mal di testa, che aveva avvertito sin dal mattino, era aumentato, a ogni sussulto pulsava dentro, come mani su un pallone. Di fianco a lei era seduta il maggiore di polizia, una donna in carne ma bonaria, dagli occhi sporgenti.

«Quanto non sopporto tutto questo» sospirò. «Arrivi lì e non sai che fare».

«Già, che vuoi farci, bisogna portar via, e basta» rispose Anna L'vovna, che sperava solo una cosa: che finisse al più presto quella giornata. «Te lo ricordi anche tu, l'ultima volta la madre era ubriaca persa. Aveva la bocca tutta impastata».

Arrivarono a una casa di cinque piani tutta scrostata. Il portone di ingresso era spalancato e rimbombava di colpi a ogni spiffero. C'era odore di umido e marcio, il solito fetore degli scantinati. Salirono al terzo piano.

Il maggiore saliva faticosamente lottando contro l'affanno, sulla fronte e sui capelli apparvero goccioline di sudore. Diligentemente si asciugò il viso con un fazzolettino. Anna L'vovna pigiò il campanello, aspettò un po', ci provò ancora. Il campanello non funzionava.

«Oh, l'avevo dimenticato» le venne in mente, e bussò alla porta.

свой, кстати, тоже убрали, так спокойнее.

За дверью завозились.

– Миша, открой нам! Органы опеки, – представилась Анна Львовна.

Замок щелкнул. На пороге стоял мальчик, щупленький, курносый, в синих спортивках, он шмыгнул носом и испуганно уставился на вошедших женщин.

– Здравствуй, Миша, мать дома?

– Нет, – отступил он на шаг. – На работе.

Женщины сняли верхнюю одежду, разулись.

– Устроилась, значит? – обрадовалась майор. – А куда?

– Продавщицей.

– Давно?

– Две недели уже. С половиной.

– Хорошо, – кивнула Анна Львовна. – Мы пройдем, посмотрим тут, ладно?

Мальчик послушно кивнул и повел гостей на кухню.

– Так, Алён, ты пиши, все записывай, – скомандовала Анна Львовна, стараясь говорить сдержанно и холодно, как положено социальному работнику. – Лампочку вставили, – нажала она на выключатель: – Хорошо. – Открыла кран, посмотрела на брызнувшую струю. – Воду починили. Мусора, вроде, нет. Чисто. Плита вымыта. Паутину с углов смели, да?

– Мамка убирала, – подтвердил мальчик.

– А что у нас с едой? – спросила майор и приоткрыла крышку единственной стоящей на плите кастрюли. – Гречка?

– Мамка гречку сварила! – живо откликнулся мальчик. – Майонез купила, вот, видите? – схватил он со стола упаковку. – Вечером еще хлеб принесет.

– Хлеб с майонезом, наверное, вкусно, – мрачно сказала майор и полезла в холодильник.

– А что у нас там?

Холодильник был почти пустой, на нижней полке лежало несколько картофелин. На боковой – коробочка яиц.

«Quindi non l'hanno aggiustato, scriviamolo» rispose il maggiore tirando fuori dalla borsa un quaderno. «A proposito, anche noi abbiamo staccato il nostro, così si sta più tranquilli».

Dietro la porta si sentirono dei movimenti.

«Miša, aprici! I servizi sociali» si presentò Anna L'vovna.

La serratura scattò. Sulla soglia stava in piedi un bambino, gracilino, col nasino all'insù, in tuta blu. Tirò su col naso e fissò spaventato le due donne che stavano entrando.

«Salve, Miša, tua madre è in casa?».

«No» fece un passo indietro per farle entrare. «È al lavoro».

Le donne si tolsero le giacche e le scarpe. «Quindi ha trovato un impiego?» si rallegrò il maggiore. «E dove?».

«Commissa».

«Da tanto?».

«Già da due settimane. E mezzo».

«Bene» annuì Anna L'vovna. «Noi ora entriamo e guardiamo un po', va bene?».

Il bambino, obbediente, fece sì con la testa e accompagnò gli ospiti in cucina.

«Allora, Alën, tu scrivi, annota tutto» comandò Anna L'vovna, cercando di parlare con voce controllata e fredda, come deve fare un'assistente sociale. «Avete messo la lampadina» premette l'interruttore. «Bene». Aprì il rubinetto, guardò il getto che sgorgava. «Avete riparato l'acqua. Spazzatura non ce n'è. È pulito. La cucina è stata lavata. Avete tolto le ragnatele dagli angoli, vero?».

«Mamma ha messo in ordine» confermò il bambino.

«E cosa abbiamo da mangiare?» chiese il maggiore sollevando appena il coperchio dell'unica pentola che stava sul fornello. «La grečka?».

«Mamma ha cucinato la grečka!» rispose rapido il bambino. «Ha comprato la maionese, ecco, vedete» prese dal tavolo la confezione. «E stasera porta anche il pane».

«Pane e maionese, chissà che buono» disse sarcastica il maggiore e si intrufolò nel frigorifero.

«E qui cosa abbiamo?».

Il frigorifero era quasi vuoto, sul ripiano inferiore c'erano un po' di patate. Su quello laterale una confezione di uova.

- Ага, смотри, яйца появились! – обрадовалась Анна Львовна. – Ну, хоть что-то. Записала? Молоко мать покупает?

- Покупает. С магазина приносит. Она говорит, зачем запасаться, лучше все свеженькое.

- А что готовит?

- Картошку, макароны, – задумался мальчик.

- Суп бывает?

- Бывает.

- А почему сейчас нет?

- Закончился. Сегодня доели.

- Ну ладно, – согласилась Анна Львовна: – пойдем в комнату. Мать-то не пьет?

- Не, бросила.

- Давно бросила?

- Две недели. С половиной.

- А во сколько домой приходит? – Анна Львовна сверлила его взглядом, ощущая какую-то неуверенность в ответах, но поймать на вранье никак не могла. Он ловко выворачивался и каждый раз ускользал.

- В семь приходит.

- Скажи, а дружки ваши бывают?

- Нет, не приходят больше.

- А честно?

- Не приходят, говорю же!

- А куда делись?

- Не впустили, они и перестали.

- Ладно, покажи, где ты уроки делаешь?

Мальчик подвел их к прикроватной тумбочке, на которой стопочкой лежали учебники.

- Вот здесь? – майор удивленно вскинула брови и округлила глаза. – Даже стола нет?

- А мне удобно! Честное слово, удобно. А стол на кухне есть, но мне здесь больше нравится.

«Ah, guarda, sono comparse le uova!» si rallegrò Anna L'vovna. «Beh, è già qualcosa. Hai scritto? Il latte tua madre lo compra?».

«Lo compra. Lo porta dal negozio. Dice perché fare scorte, è meglio prenderlo sempre fresco».

«E cosa cucina?».

«Patate, pasta» si mise a riflettere il bambino.

«Una zuppa ogni tanto?».

«Ogni tanto».

«E perché adesso non c'è?».

«È finita. L'abbiamo mangiata tutta oggi».

«Va bene» acconsentì Anna L'vovna «andiamo in camera. La mamma non beve?».

«No, ha smesso».

«Da tanto?».

«Da due settimane. E mezzo».

«E a che ora torna a casa?» Anna L'vovna lo trafisse con lo sguardo. Avvertiva una qualche insicurezza nelle sue risposte, ma non poteva smascherarlo in alcun modo. Era bravo a cavarsela, le sfuggiva ogni volta.

«Torna alle sette».

«Dimmi, quelli della combriccola di mamma vengono?».

«No, non vengono più».

«Sul serio?».

«Non vengono, l'ho già detto!».

«E dove sono finiti?».

«Non li abbiamo fatti entrare e hanno smesso di venire».

«Va bene, fammi vedere dove fai i compiti».

Il bambino le portò fino a un comodino, con sopra una piccola pila di libri.

«Qui?» il maggiore sollevò con stupore le sopracciglia e strabuzzò gli occhi «non hai una scrivania, almeno un tavolo dove appoggiarti?».

«Ma io sto comodo. Lo giuro, è comodo. E poi il tavolo c'è in cucina, ma mi piace di più qui».

- Хорошо, пиши, постель, вроде бы чистая, - Анна Львовна отвернула угол покрывала.
- Пол вымыт. Пыли нет. А вот на полках бардак. Как было, так и лежит. Почему не разобрали, а?
- Не успели. Мамка работает.
- Я была месяц назад. И за этот месяц она не нашла времени, чтобы разобрать полку?
- Ну, пожалуйста, не пишите!
- Как не писать, если это есть? - рассердилась Анна Львовна. - Мы же не враги, мы заинтересованы, чтобы тебе было хорошо.
- Ну не пишите, мне хорошо, я сам разберу, если хотите! - его глаза наполнились слезами, Анна Львовна застыла, не отводя взгляда от этих несчастных детских глаз, и вспыхнувший огонь внутри нее тут же угас.
- Ну ладно, ладно. Не переживай, я не собираюсь забирать тебя из-за одной полки. А это что? - ткнула она в пепельницу на столе, доверху заполненную окурками. - Мать столько курит?
- Нет, это старые, не успели выбросить. Она больше не курит.
- Тоже бросила?
- Да. Две недели.
- С половиной, - кисло усмехнулась майор. - А это что - грибы? - она взяла банку со стола и посмотрела на просвет. - Не магазинные. Мать что ли закрутила?
- Это дядя Леша принес... - пробормотал мальчик.
- Какой такой дядя Леша?
- А он уже к нам не ходит, - замялся мальчик. - Грибы только принес. И больше не ходит.
- А это что? - Майор сняла со шкафа бутылку с сорванной этикеткой. Понюхала и презрительно сморщилась. - Фу, не пойму, что это. Ань, посмотри.
- Анна Львовна раскупорила.
- Спиртом пахнет, что-то липкое... Блин, испачкалась, - она брезгливо сморщилась и потерла пальцами, надеясь, что пятно смоется, но быстро поняла, что без воды не обойтись.

«Va bene, scrivi, letto, sembra pulito». Anna L'vovna scostò un angolo del copriletto. «Pavimento lavato. Non c'è polvere. Ecco lì, le mensole sono in disordine. Quello che c'era è rimasto lì. Perché non avete sistemato, eh?».

«Non abbiamo fatto in tempo. Mamma lavora».

«Sono stata qui un mese fa. E in un mese non ha trovato il tempo di sistemare lo scaffale?».

«Oh, vi prego, non scrivete!».

«Come possiamo non scriverlo se è vero?» si arrabbiò Anna L'vovna. «Non siamo mica tuoi nemici, ci interessa solo che tu stia bene».

«Oh, non scrivete, sto bene, ve lo metto a posto io se volete!» i suoi occhi si riempirono di lacrime. Anna L'vovna si irrigidì, senza riuscire a distogliere lo sguardo da quegli occhietti infelici, e il fuoco che le era divampato dentro si spense immediatamente.

«Va bene, va bene. Non preoccuparti, non ho intenzione di portarti via solo per colpa di uno scaffale».

«E questo cos'è?» indicò il posacenere sul tavolo, pieno di cicche fino all'orlo. «Tua madre fuma così tanto?».

«No, sono vecchie, non abbiamo fatto in tempo a buttarle. Non fuma più».

«Ha smesso anche di fumare?».

«Sì. Da due settimane».

«E mezzo» ridacchiò acida il maggiore. «E questi cosa sono, funghi?» prese un barattolo dal tavolo e lo guardò alla luce. «Non sono comprati. È una conserva che ha fatto tua madre?».

«Li ha portati zio Lěša...» borbottò il bambino.

«Da dove salta fuori questo zio Lěša?».

«Non viene già più da noi» si impappinò il bambino. «Ha solo portato i funghi. E non viene più».

«E questo cos'è?». Il maggiore prese dall'armadio una bottiglia con l'etichetta strappata. La annusò e corrugò il viso dal disgusto. «Bleah, non capisco cosa sia. An', vieni a vedere».

Anna L'vovna sturò la bottiglia.

«Puzza di alcool, è tutta appiccaticcia... accidenti, mi sono sporcata» fece una smorfia di ribrezzo e si strofinò le dita, nella speranza che si togliesse la macchia, ma capì subito che senz'acqua non ci sarebbe riuscita.

- Это старое! Просто забыли выбросить. Честное слово, это никто не пьет!
- Ладно, выброшу, – согласилась Анна Львовна и завернула бутылку в целлофановый пакет. – А в школе у тебя что? В каком классе уже?
- Во втором.
- Без троек?
- Только две. Но есть и пятерки. По физре и рисованию.
- Рисовать любишь? – улыбнулась майор.
- Люблю. А хотите, я вам альбом покажу?.. – он кинулся к рюкзаку, который стоял, прислоненный к ножке кровати.
- У меня сын тоже рисует. Думаю, может, его в художку отдать, что за компьютером штаны протирает? – сказала майор, гуляя глазами по комнате – чем бы еще заполнить лист?

Тем временем мальчик принес альбом, стал листать.

- Вот это осень. Еще в сентябре рисовал. Это матрешка, это врач, я буду врачом, когда вырасту, это мамка. Портрет...
- Красивая, – оценила майор. – Жалко, что не застали ее.
- Ты посмотри, – окликнула ее Анна Львовна: – а я руки помою. Липкие в этой гадости.
- Пойдите, а хотите я вам загадку загадаю? – крикнул ей вслед Миша, словно пытаюсь удержать.
- А ты мне загадай, – улыбнулась майор: – А тетя Аня скоро придет. – Вся строгость и напыщенность, которые прослеживались в ней в начале встречи, куда-то исчезли. Она стала такой домашней и уютной, что форма казалась на ней совершенно лишней, надетой случайно.

Анна Львовна поспешила в ванную. Помыла руки, ополоснула лицо. Вода приятно охладила кожу. «Вернуться бы поскорее домой, принять прохладный душ», – мечтательно подумала она. Боль отдавалась в височной области и немного стихала, если сильно наморщить лоб. Анна Львовна вздернула брови и посмотрела на гармошку морщин. Нет, так не походишь. К тому же в ушах периодически появлялся не то какой-

«È vecchia! È che ci siamo dimenticati di buttarla. Lo giuro, non la beve nessuno!». «Va bene» acconsentì Anna L'vovna «la butto via» e la chiuse in un sacchetto di cellophane. «E la scuola come va? Che classe fai?».

«La seconda».

«Con dei bei voti?».

«Due sufficienze e basta, gli altri tutti più alti, ho anche degli ottimo. Di ginnastica e disegno».

«Ti piace disegnare?» sorrise il maggiore.

«Sì, mi piace. Volete vedere il mio album...?» si lanciò verso lo zaino appoggiato alla gamba del letto.

«Anche mio figlio disegna. Pensavo, forse, al pomeriggio di mandarlo a un corso di arte, così non si girerà i pollici dietro al computer» disse il maggiore, vagando con gli occhi nella camera «che altro c'è ancora da inserire sul foglio?».

Nel frattempo il bambino aveva portato l'album e lo stava sfogliando.

«Ecco, questo è l'autunno. L'ho disegnato che era ancora settembre. Questa è una matreška, questo è un medico, quando divento grande farò il medico, questa è mamma. Un ritratto...».

«È bella» apprezzò il maggiore. «È un peccato che non siamo riusciti a vederla».

«Tu guarda pure» la richiamò Anna L'vovna «e io mi lavo le mani. Sono tutte appiccicaticce per colpa di quella schifezza».

«Aspetti, non lo vuole un indovinello?» le strillò dietro Miša, come tentando di trattenerla.

«E tu fallo a me l'indovinello» sorrise il maggiore. «E zia Anja torna presto».

Tutta la severità e l'alterigia che l'avevano seguita dall'inizio dell'incontro erano scomparse da qualche parte. Era tutto così accogliente e familiare che l'uniforme che aveva addosso le sembrava del tutto superflua, quasi l'avesse indossata per caso.

Anna L'vovna si affrettò verso il bagno. Si lavò le mani, si diede una sciacquata al viso. L'acqua le rinfrescava piacevolmente la pelle. *Vorrei tornare al più presto a casa e farmi una bella doccia fresca*, fantasticò. Il dolore risuonava nelle tempie e si attenuava un poco se corrugava con forza la fronte. Anna L'vovna sollevò le sopracciglia e guardò la sua fisarmonica di rughe. No, così non va. E per giunta nelle orecchie, a intervalli fissi, risuonava una specie di fischio, di sibilo.

то свист, не то шипение. В левом ухе свистело сильнее. «Наверное, я схожу с ума от этой работы», – подумалось ей. Она замерла на месте, прислушалась. Свист повторился. Но не внутри нее, нет, он был где-то рядом, с ней никак не связан. Анна Львовна повернула голову налево. Шторка закрывала ванную. Оттуда явственно доносилось шипение, шторка подрагивала. Перехватило дыхание от страха. Анна Львовна, пересиливая себя, сдернула штору в сторону и замерла... На дне ванной лежало байковое одеяло. А поверх него спала женщина, мать Миши, та самая, которая на прошлой встрече еще хоть как-то передвигалась и отвечала на вопросы. Голова ее лежала на огромной подушке, а сама она была накрыта длинным пуховиком, и, казалось, чувствовала себя вполне комфортно. Опешившая Анна Львовна простояла какое-то время, не зная, как себя вести. Потом к ней пришло самообладание, она сдернула пуховик. Женщина недовольно замычала. Не открывая глаз, искала рукой, чем бы накрыться, но, не найдя, успокоилась и провалилась в сон.

В ванной появился Миша. Он ловко поправил пуховик, подоткнул мать, занавесил шторку и, виновато потупив взгляд, уставился в пол. Так они и молчали. Большая Анна Львовна, которой по долгу службы предстояло решить судьбу ребенка, и маленький мальчик Миша, который – она чувствовала – уже сам давно все решил, и она, несмотря на закон и правила, была бессильна спорить с этим решением.

Тишину нарушил крик майора, донесшийся из коридора.

– Ань, ну где ты там? Пойдем уже.

Первым вышел Миша, угрюмо посмотрел на майора полиции. Она торопливо застегивала пуговицы на куртке.

– Так что все у вас нормально, исправляетесь потихоньку. Миш, а ты что нос повесил? – удивилась она. – Радоваться надо. Жизнь-то налаживается! Через час мать придет. Все, давай, пока!

Анна Львовна накинула пальто на плечи. Собиралась выйти молча, но в дверях задержалась.

– Передай матери, это не последняя проверка. Скоро придем снова. Пусть готовится.

Nell'orecchio sinistro era più forte. *Impazzirò di certo per colpa di questo lavoro*, pensò. Si fermò lì, tese l'orecchio. Il fischio si ripeté. Ma non dentro di lei, no, era da qualche parte lì vicino, non dipendeva affatto da lei. Anna L'vovna girò la testa a sinistra. Una tendina schermava la vasca. Da lì giungeva distintamente un sibilo, la tenda si muoveva. Trattenne il respiro dalla paura. Poi, dominandosi, Anna L'vovna tirò la tendina da un lato e restò immobile... sul fondo della vasca c'era una coperta di flanella. E sopra ci dormiva una donna, la mamma di Miša, proprio quella che nell'incontro passato in qualche modo riusciva ancora a muoversi e a rispondere alle domande. La sua testa era appoggiata su un enorme cuscino, il corpo era coperto da un lungo piumone e sembrava stare assolutamente comoda. Anna L'vovna, pietrificata, rimase in piedi per un po', senza sapere come comportarsi. Poi riprese il controllo di sé e tirò giù con uno strappo il piumone. Scontenta, la donna mugolò lamentosa. Senza aprire gli occhi, cercò con la mano qualcosa con cui coprirsi ma, non trovandolo, si tranquillizzò e sprofondò nel sonno. Nel bagno comparve Miša. Con gesti consumati aggiustò il piumone di sua madre e lo rimboccò bene, tirò di nuovo la tendina e, abbassato il suo sguardo colpevole, si sistemò sul pavimento. Stavano così e tacevano. La grande Anna L'vovna che, per dovere d'ufficio, doveva ormai decidere il destino del ragazzo da lì a poco, e il piccolo bambino Miša che – lei lo sentiva – aveva già da tempo deciso tutto. Lei, malgrado la legge e le regole, non poteva opporsi a quella decisione.

Il silenzio fu violato dal grido del maggiore che veniva dal corridoio.

«An', ma dove sei? Andiamo, è ora».

Per primo uscì Miša, che guardò con aria cupa il maggiore di polizia. Lei si abbottonava in fretta il giaccone.

«Quindi, qui da voi è tutto a posto, migliorate pian piano. Miš, che è quel muso lungo?» si stupì. «Bisogna essere allegri! Le cose si aggiusteranno! Tra un'ora torna tua madre. Dai, è tutto, ciao!».

Anna L'vovna si gettò il cappotto sulle spalle. Aveva deciso di uscire in silenzio, ma sulla soglia indugiò.

«Riferisci a tua madre che questo non è stato l'ultimo controllo. Torneremo presto. Che si

Понял?

– Понял, – сдавленным голосом откликнулся мальчик.

И снова они ехали в машине. Анна Львовна сидела, погрузившись в свои мысли. Майор, как всегда, говорила.

– А я думала, обычное дело, мать никогда не исправится. А тут – не ожидала, честно. И на работу устроилась, и дома чисто. Мальчишка – прелесть, толковый, говорит, врачом стану. Не то, что мой...

– Угу, – кивнула Анна Львовна, тусклым взглядом глядя на дорогу, по которой в растекающихся лужах бегали светящиеся от фар зайчики.

prepari. Capito?».

«Capito» rispose con voce soffocata il bambino.

E di nuovo viaggiavano in auto. Anna L'vovna stava seduta, sprofondata nei suoi pensieri. Il maggiore, come al solito, parlava.

«E io che pensavo fosse un caso ordinario, che la madre fosse irrecuperabile. E invece! Non me l'aspettavo proprio. Il lavoro, la casa pulita. Il bimbo è un incanto, intelligente, dice che diventerà un medico. Mica come il mio...».

«Eh già» annuì Anna L'vovna, con gli occhi vuoti a guardare la strada bagnata di pozzanghere, mentre dai fari dell'auto correvano via riverberi di luce.

Отзыв о рассказе

Писать на острые социальные темы очень трудно. Особенно если это не публицистика, не документальный очерк, а художественная проза. Рассказ Маргариты Катковой затрагивает тему, которая широко обсуждается не только в России, но и во всем мире. По крайней мере, в Европе точно. Речь идет о ювенальной юстиции, о защите детей от нерадивых родителей и от сурового государственного ока одновременно. Интуитивно понятно, что это очень тонкая материя, и зачастую здесь крайне сложно действовать просто по инструкции, по закону. Хотя, казалось бы, если это юстиция, то и должен быть во главе всего закон. Но Каткова своим рассказом опрокидывает прямолинейную логику. В ее рассказе по закону пьяная, гулящая мать должна быть лишена родительских прав, а ее сын передан органам социальной опеки. По закону – так, а по сердцу – нет. И это чисто русское, то, на чем с Европой нам очень трудно сойтись. Поэтому так часто приходится читать о том, как у русских женщин отнимают их детей то в Финляндии, то в Швеции, то во Франции. Ибо для русского человека есть вещи важнее законов, правил, установлений. Мы действительно другие. В этом наша сила и наша слабость. Хороший рассказ не только потому, что отлично написан и читателю легко представить себе ребенка, который изо всех сил бьется, чтобы его не отняли у матери, но и потому что заставляет задуматься: ну хорошо, а дальше что будет? Нет у этой задачи решения, но главное, что из рано повзрослевшего, очень ответственного и мужественного героя рассказа наверняка вырастет хороший и добрый человек. Если только взрослые из благих побуждений не сломают ему жизнь...

Алексей Варламов

Nota critica

Scrivere di spinosi temi sociali è molto difficile. Soprattutto se il genere scelto non è la pubblicistica, né il saggio documentaristico, ma la prosa letteraria. Il racconto di Margarita Katkova tocca un tema ampiamente discusso non solo in Russia, ma in tutto il mondo. O per lo meno, sicuramente in Europa. Stiamo parlando del diritto minorile, della difesa dei bambini dai genitori negligenti e, allo stesso tempo, dal severo occhio statale. Si intuisce facilmente che si tratta di una materia molto delicata e che sovente è estremamente difficile agire unicamente secondo le norme, secondo la legge. Per quanto la giustizia, se tale vuole dirsi, dovrebbe essere governata dalla legge. Ma Katkova con il suo racconto capovolge tale logica semplicistica. Nel suo racconto, se si seguisse la legge, la madre alcolizzata e dalla vita sregolata dovrebbe essere privata del diritto genitoriale e suo figlio dovrebbe essere trasferito agli organi di tutela sociale. Così per la legge, ma non per il cuore. E questo è un qualcosa di prettamente russo, che rende molto difficile una convergenza con l'Europa su questo tema. Perciò capita spesso di leggere che alle donne russe vengono portati via i figli in Finlandia, in Svezia o in Francia. Perché per una persona russa ci sono cose più importanti delle leggi, delle regole, dei regolamenti. Noi siamo davvero diversi. È in questo la nostra forza e la nostra debolezza. È un bel racconto non solo perché è scritto magistralmente e per il lettore è facile immedesimarsi nel bambino che, con tutte le sue forze, lotta perché non lo portino via dalla madre, ma anche perché fa pensare: va bene, ma poi cosa succederà? Non c'è soluzione a questo problema ma è importante che dall'eroe responsabile e coraggioso del racconto, cresciuto in fretta, si svilupperà di sicuro una persona buona. A meno che gli adulti, pur con le migliori intenzioni, non gli spezzino la vita...

Aleksej Varlamov

Биография

Мargarita Katkova родилась в Белорецке, республика Башкортостан. Занималась танцами и живописью. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького (семинар А. Е. Рекемчука). Публиковалась в различных литературных альманахах, журналах и сборниках прозы. Победитель российско-белорусского конкурса молодых литераторов «Мост дружбы» (2013), лауреат конкурса молодых литераторов России и Болгарии «Славянское братство» (2014), финалист премии «Радуга» (2014). Проиллюстрировала несколько книг.

Biografia

Margarita Katkova è nata a Beloreck, nella Repubblica dei Baschiri. Ha studiato danza e pittura. Si è laureata presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij, dove ha frequentato il corso di A.E. Rekeščuk. Le sue opere sono state pubblicate in numerosi almanacchi letterari, giornali e raccolte di prosa. Nel 2013 ha vinto il concorso russo-bielorusso per giovani letterati Most družby, l'anno successivo è stata la vincitrice del concorso per giovani scrittori russi e bulgari Slavjanskoe bratstvo e, sempre nel 2014, è stata finalista al premio Raduga. Ha illustrato diversi libri.

Антонина Малышева

Перевод на итальянский язык Татьяны Лутеро

Antonina Malyševa

Traduzione in italiano di Tatiana Lutero

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕД МОРОЗ

- Я написал! Вот! – Даня ворвался на кухню в пижаме, тряхнул нечесаными рыжими кудрями. Сияя, сунул бумажку маме прямо в тарелку. «Дед Мороз, принеси мне пожалуйста штап для роботов!!! Очень-очень сильно тебя прошу умоляю! И пусть еще пойдет снег. С Новым годом от Дани».
- Ничего себе, целый штаб, – протянула мама. – Не знаю, хватит ли у дедушки денег...
- Мама, он же волшебник! – возмутился Даня.
- Старшая сестра, Ксюша, прыснула в чашку. У нее были веснушки, как у Дани, но длинные волосы выкрашены в темно-синий.
- А ты, – дернул ее Даня: – написала письмо?
- Да мне не надо, – Ксюша уткнулась в телефон и обмакнула печенье в чай.
- А как Дед Мороз узнает, что тебе дарить? Напиши!
- Правильно, – сказала мама, подмигивая: – Ксюша, тебе тоже надо написать.
- М-м-м... – вздохнула Ксюша. – Вот, я ему сообщение отправлю. Так, слушайте, набираю: «Я хочу масляную пастель и термокружку. И кота!» – Ксюша испытующе посмотрела на маму.
- Дедушка принял к сведенью, – вздохнула та. – В первую очередь два первых пункта.
- Кота нам нельзя, да, мама? – спросил Даниил.
- Волшебникам все можно, они все-е могут, – пропела Ксюша. – Да, мам?
- Хоть бы снег пошел, – ныла Ксюша, глядя в воскресенье на серую декабрьскую улицу. Она яростно постучала по рождественскому оленю, который никак не хотел приклеиваться на стекло. – Что это за Новый год без снега! Какая-то тоска.
- Подожди, Дед Мороз сделает снег, – убежденно сказал Даня. Он забрался на стол и вычеркнул еще один день в календаре. И радостно закричал: – Ого, как мало осталось! Раз, два, три... Вон сколько мало дней. И Дед Мороз принесет мне штаб! Ура!

CIAO, BABBO NATALE!

«Ecco fatto! Scritta!». Dani, ancora in pigiama, irruppe in cucina scuotendo la testa arruffata di ricci rossi. Raggiante, ficcò un foglio di carta proprio nel piatto della madre. “Babbo Natale, per favore portami la centrale dei robò!!! Ti prego ti prego ti scongiuro! E fai anche che nevicata. Buon Natale da Dani”.

«Addirittura una centrale, accipicchia» disse la mamma, allungando le parole, «non lo so mica se a Babbo bastano i soldi...»

«Ma mamma, lui è magico!» esclamò Dani, scandalizzato.

Ksjuša, la sorella maggiore, da dietro la tazza non trattenne il riso. Aveva le lentiggini come il fratellino, ma i capelli, lunghi, erano tinti di blu scuro.

«E tu» la punzecchiò Dani, «l’hai scritta la letterina?».

«Io non la devo scrivere» rispose Ksjuša immergendosi nel telefono, mentre inzuppava un biscotto nel tè.

«E come fa Babbo Natale a sapere cosa portarti? Scrivila!».

«Giusto», disse la mamma ammiccando, «la devi scrivere anche tu, Ksjuša».

«Mmm...» sospirò la ragazza. «Ecco, gli mando un messaggino. Sentite un po’, glielo scrivo proprio ora: “Voglio i pastelli ad olio e un thermos. E un gatto!”» e guardò la mamma con aria di sfida.

«Babbo Natale ne ha preso nota», sospirò quella in risposta «in particolar modo dei primi due punti».

«Il gatto non possiamo averlo, eh, mamma?» chiese Dani.

«Ma lui è maaagico e può fare tuuuto», disse cantilenando Ksjuša. «Vero, mamma?».

«Se nevicasse, almeno» sbuffò Ksjuša guardando la strada grigia in una domenica di dicembre. E batté con rabbia sulla renna natalizia che non voleva saperne di restare attaccata al vetro. «Che Natale è senza neve! Una tristezza...»

«Aspetta, Babbo Natale ci manda la neve», disse convinto Dani, e salì sul tavolo per depennare sul calendario un’altra giornata. Gridò con gioia: «Oh, manca pochissimo! Uno, due, tre... Così pochi giorni. E Babbo Natale mi porta la centrale! Evviva!».

– Да ты надоел со своим Дедом Морозом, – пробормотала Ксюша. – Можно подумать, штаб для тебя – главное в жизни.

Но брат уже протягивал ей самодельные снежинки:

– Давай тоже повесим на окно? Так будет еще праздничнее!

Даня всхлипывал, а Ксюша тащила брата за руку прямо по лужам и шипела:

– Нет, ни на минуту нельзя оставить одного! Что тебе еще не хватало? Я хотела просто посидеть с девчонками! Мы ради тебя пошли в эту уродскую пиццерию, потому что там есть лабиринт с шариками. Что вдруг такое?

– А сколько еще дней до Нового года? – тихо спросил Даня.

– Много! – крикнула Ксюша. – Я с тобой сейчас не об этом. Зачем ты побил детей в детском уголке? Что ты за человек вообще?

– Я не бил детей! – возмутился Даня. – Только одного мальчика. Он сам первый смеялся!

– Ну и почему он над тобой смеялся?

Брат и сестра встали около остановки, глядя, как автобусы месят серую кашу.

– Он говорит, что Деда Мороза не бывает!

– Опять! – Ксюша страдальчески привалилась к стене остановки и прошептала: – Когда же это кончится–то, а? Ой, смотри, какие лапочки! – вдруг просияла она.

В снегу у остановки стояла коробка, на дне ее копошились рыжие котята. Рядом попрыгивала скучающая старушка с картонкой на груди: «Отдам котят в добрые руки».

– Маленькие... – умилилась Ксюша.

– Берите, ребята, – сказала старушка. – Какой на вас смотрит?

– Нам не надо, – убежденно ответил Даня: – нам и так...

– Дед Мороз такого принесет, ну да–да–да, – перебила Ксюша и поволокла его к автобусу.

– Mam, mam... Давай елку нарядим, когда ты вернешься из магазина?

Мама поправила шапку перед зеркалом:

«Ma come rompi con questo tuo Babbo Natale», borbottò Ksjuša. «Sembra che nella vita pensi solo alla centrale dei robot».

Ma il fratello le stava già porgendo dei fiocchi di neve fatti a mano:

«Appendiamo anche questi alla finestra? Così è ancora più natalizio!».

Dani singhiozzava, e Ksjuša, che lo trascinava per le pozzanghere tirandolo per la mano, sibilò:

«Ma no, a te non ti si può lasciare solo neanche minuto! Cosa vuoi ancora, eh? Io volevo starmene con le mie amiche! E invece, apposta per te siamo venuti in questa schifosa pizzeria, perché c'è il labirinto con le palline. Cosa ti è preso?».

«Quanti giorni mancano al Natale?» chiese piano Dani.

«Tanti!» gridò Ksjuša. «Ti sto chiedendo un'altra cosa. Perché hai picchiato quei bambini all'angolo giochi? Ti sembra il modo di comportarsi?».

«Io non ho picchiato i bambini!» si difese Dani. «Solo un bambino. Ha cominciato lui a prendermi in giro!».

«E perché ti prendeva in giro?».

I due fratelli si fermarono vicino alla fermata, vedendo gli autobus impastare sotto le ruote una fanghiglia grigia.

«Dice che Babbo Natale non esiste!».

«Ancora». Ksjuša si fece cadere con ostentata sofferenza sulla parete della fermata mormorando

«Quando finirà questa storia, eh? Oh, guarda che teneri!» s'illuminò tutto d'un tratto.

Sulla neve vicino alla fermata c'era una scatola, e sfondo si agitavano dei gattini dal pelo rosso. Accanto a loro salterellava una vecchietta annoiata, con un cartello sul petto che diceva: “Li regalo a chi se ne prenderà cura”.

«Piccini...» disse Ksjuša, intenerita.

«Prendeteli, bambini», disse la vecchietta. «Quale vi piace di più?».

«Non possiamo», rispose sicuro Dani, «a noi tanto ci...».

«Sì, sì, Babbo Natale ci porta tutto, certo, come no», lo interruppe Ksjuša, stratonandolo verso l'autobus.

«Mamma, ma'... Quando torni dal negozio facciamo l'albero?».

La mamma si sistemò il cappello davanti allo specchio.

– Сегодня? Еще рано, сынок...

Вдруг из комнаты Ксюши донесся нечеловеческий вой, и она ворвалась, потрясая своим телефоном.

– Мама! Он опять!.. Я... Ну сколько можно же... – сестра упала на диван и заревела.

Мама взяла у нее телефон и строго посмотрела на Даню:

– Даниил? Тебе разве не запрещено брать Ксюшин телефон? Строго-настроого?

Даня внимательно рассматривал линолеум. Мама пролистнула что-то на экране смартфона:

– Что это за глупые сообщения в чужом чате? Кому ты это все писал? Смайлики какие-то...

– Моим одноклассникам он это писал! – взревела Ксюша. – И теперь весь класс знает, что я ду-у-ура... Что у меня брат безмозглый!

– Перестань, – мама вернула ей телефон. – Не такая уж трагедия. Посмеются и забудут,

– потом она присела на корточки перед Даней и спросила: – Ну, почему ты это сделал?

– Я писал Деду Морозу, – тихо ответил он.

– Опять? – вскочила с дивана Ксюша.

– Ну ты же сама отправляла ему с твоего телефона, – пробормотал Даня, не поднимая глаз: – Я хотел убедиться... Этот мальчик, с которым я дрался, он говорил, что Деда Мороза...

– Да, кстати, – мама встала и натянула перчатки: – Драку мы еще с тобой обсудим. Когда вернусь. А сейчас я опаздываю. Все, всем успокоиться и включить новогоднее настроение! Джингл Беллз! Ну, все, побежала!

Даня неловко стоял, слушая, как всхлипывает сестра, и потом сказал:

– Но в новогоднюю ночь...

Ксюша откинула синие волосы и зашипела:

– Хватит! Не хочу ничего слышать про Деда Мороза! Нет никакого Деда Мороза!

Даня хлопнул глазами и вдруг заревел гораздо громче Ксюши:

– Нет, е-е-е-е-е-есть!!!

– Нету! Тебе лишь бы штаб... Всему моему классу про этот твой «штаб» понаписал! Да

«Oggi? È ancora presto, tesoro...».

All'improvviso si sentì un urlo disumato provenire dalla camera di Ksjuša, e apparve lei, agitando il telefonino.

«Mamma! L'ha fatto di nuovo!.. Io... Ma come si fa...» la ragazza si abbandonò sul divano e iniziò a piangere. La madre le prese dalle mani il telefono e rivolse a Dani uno sguardo severo:

«Danil? Non ti è forse vietato prendere il telefono di Ksjuša? Severamente vietato?».

Dani con gli occhi studiava attentamente il parquet. La mamma scorse un po' il dito sullo schermo del telefono e vide qualcosa:

«Cosa sono questi stupidi messaggi, in una chat che non è tua? A chi volevi scrivere? Ci sono delle faccine...».

«Ai miei compagni ha scritto!» esplose Ksjuša. «E ora tutta la mia classe sa che sono una scema... E che mio fratello è un ebete!».

«Smettila», la madre le restituì il telefono. «Non è poi tutta 'sta tragedia. Ridono un po' e poi se ne dimenticano», si accucciò di fronte a Dani e chiese: «E allora, perché l'hai fatto?».

«Volevo scrivere a Babbo Natale», rispose sommessamente lui.

«Ancora?» saltò su dal divano Ksjuša.

«Beh, tu gli hai scritto con il telefono», borbottò Dani, senza alzare lo sguardo, «e io volevo essere sicuro... Quel bambino che abbiamo litigato diceva che Babbo Natale non...».

«Ecco, per l'appunto», la mamma si alzò e si infilò i guanti, «della rissa dobbiamo ancora parlarne. Quando torno. Ora sono in ritardo. Basta, tutti e due calmatevi e accendete l'atmosfera natalizia! Jingle bells, jingle bells! Io vado, ciao!».

Dani se ne stava lì imbarazzato mentre la sorella singhiozzava, e poi disse:

«Ma la notte di Natale...».

Ksjuša buttò indietro i capelli blu e sibilò:

«Adesso basta! Non voglio sentire niente di Babbo Natale! Babbo Natale non esiste!».

Dani sbatté le palpebre e d'un tratto scoppiò a piangere ancora più forte della sorella:

«Non è vero, esiiiiiste!».

«No! Tanto a te serve solo la tua centrale... L'hai scritto a tutta la mia classe della tua "centrale"!»

успокойся, не кричи, будет, будет тебе подарок. И без всякого дедушки! Это мама ночью подкладывает. Мама!

– Не-е-е-ет!

– Сейчас! Смотри! – Ксюша вскочила на стул и стала кидать с верхней полки красную шапку, шубу, бороду. – Вот! Костюм есть! А деда нет!

Даня в ужасе попятился, глядя на красно-белую кучку, которая лежала посреди комнаты, как охотничий трофей. Ксюше и самой стало не по себе. Она сгребла дедморозные одежды и засунула обратно на полку, приговаривая:

– Только маме не говори, что мы туда лазили. Ты уже большой... Тебе пора знать... Сейчас про роботов мультим включу.

– Но у мамы не хватит денег... Не хватит денег на штаб, – прошептал Даня, продолжая смотреть на ковер, как будто там все еще лежала шуба и борода.

– Мама, а я знаю! Может быть, настоящий Дед Мороз все-таки приходит? Только его никто не видит.

– Я не уверена, – вздохнула мама и погасила свет. – Во всяком случае, подарки не от него. Включить гирлянду?

– Давай! – обрадовался Даня. И тут же снова задумался: – А в Великом Устюге живет – это настоящий?

– Скорее всего, нет, – осторожно сказала мама: – Но кто их знает. Спи, ладно? А утром мы зачеркнем еще один день. Ты же все равно ждешь праздника?

– Да. Спокойной ночи, – Даня залез под одеяло и вдруг снова высунулся: – Мама, я знаю! А в торговом центре был один Дед Мороз. Раздавал бумажки. У него такая шапка, он похож на того, который в Великом Устюге! Может быть, это он?

Мама опять подошла к кровати и обняла сына:

– Послушай, я не знаю точно, где живет настоящий Дед Мороз, и есть ли он вообще. Но у него точно есть много помощников. Тех, которые кладут подарки под елку, надевают костюмы, мечты чьи-нибудь исполняют. Они могут делать чудеса по-настоящему. И самое классное, что таким помощником может стать кто угодно! Ты

Su, calma, non urlare, che tanto lo ricevi il tuo regalo. E senza alcun Babbo Natale! È la mamma che te lo porta, di notte. La mamma!».

«Nooo!».

«Aspetta! Guarda un po'!».

Ksjuša balzò sulla sedia e cominciò a tirare giù dallo scaffale in alto un cappello e un cappotto rossi, una barba finta.

«Ecco qui! Il costume c'è, ma Babbo Natale no!».

Dani arretrò terrorizzato alla vista della montagna rossa e bianca in mezzo alla stanza, simile a un trofeo di caccia. Ksjuša stessa cominciò a sentirsi non molto bene. Afferrò il vestito di Babbo Natale e li rificcò sullo scaffale, dicendo:

«Ma non dire alla mamma che abbiamo frugato lì dentro. Sei già grande... È ora che tu sappia... Ora ti metto i cartoni sui robot».

«Ma alla mamma non bastano i soldi... non le bastano i soldi per la centrale», sussurrò Dani, continuando a guardare il tappeto, come se ci fossero ancora il cappotto e la barba.

«Mamma, senti! Forse il vero Babbo Natale viene lo stesso? Solo che nessuno lo vede».

«Non ne sono sicura», la mamma sospirò e spense la luce. «Ad ogni modo i regali non li porta lui. Ti accendo le lucine?».

«Sì, dai!» si rallegrò Dani. Ma subito gli venne in mente: «E quello che abita al Polo Nord è quello vero?».

«Probabilmente no», disse cautamente la mamma, «ma chi lo sa. Dormi, va bene? E domani mattina cancelliamo ancora un giorno. Il Natale lo aspetti comunque, giusto?».

«Sì. Buonanotte». Dani si infilò sotto le coperte, ma sbucò di nuovo subito dopo:

«Mamma, senti! Al centro commerciale c'era un Babbo Natale. Dava dei foglietti. Aveva un cappello così, sembrava quello del Polo Nord! Forse è lui?».

La mamma si riavvicinò al letto e abbracciò il bambino:

«Ascoltami, io non lo so esattamente dove abita il vero Babbo Natale, e non so neppure se esiste. Ma quel che è certo è che ha molti aiutanti. Che mettono i regali sotto l'albero, indossano il suo costume, realizzano i sogni di qualcuno. E possono fare miracoli, per davvero. E la cosa più bella è che chiunque può diventare un suo aiutante! Mi hai capito? E ora dormi! Per i regali puoi non

меня понимаешь? А теперь спи! И за подарки можешь не беспокоиться.

Но Даня беспокоился из-за подарков, это было понятно. Он осторожно расспрашивал сестру, где мама может их прятать, и заглядывал во взрослые шкафы. Он каждый день задавал неожиданные вопросы. Мама даже, после долгих раздумий, как будто нечаянно положила ему на стол чек из магазина игрушек. В чеке было черным по белому написано: «Пастель масляная» и «штаб роботов». На следующий день мама увидела, что чек аккуратно уложен среди рисунков. Но Даня ничего не сказал. А 31 декабря он потерялся в торговом центре.

Это случилось в тот момент, когда мама и Ксюша искали лимонад в бутылке из перерабатываемого пластика. Они так увлеклись, что не заметили, как Даня пропал. Потом кинулись искать его в отделе сладостей, затем – игрушек. На кассе у шоколадных яиц с роботами. Но Дани не было нигде.

– Бежим к охране, – пролепетала мама.

– А может... Подожди! – воскликнула Ксюша. – Он, наверное, пошел к Деду Морозу, который тут листовки раздает! Он мне говорил про него.

– Точно! – мама хлопнула себя ладонью по лбу: – И мне говорил. Так, ты к деду, я к охране!

...Что за черная полоса бывает в жизни? Кота заводить нельзя, и тянется серый бесснежный декабрь, и глупые разборки в школьном чате, и никакого праздничного настроения, а блестящая суета в магазинах – как мираж. Но все это ерунда, когда твой брат в опасности. Лишь бы нашелся, лишь бы ничего не случилось! Ксюша бегала по этажам, не вытирая слез. Спрашивала у людей с подарочными коробками:

– Вы не видели Деда Мороза?

– А ты Снегурочка? – смеялись ей в ответ, но потом озабоченно спрашивали: – Что случилось?

Наконец она нашла Деда: он присел за столик на фудкорте. Встревоженно выслушал ее:

– Нет, такого мальчика я не видел. Точно.

Тут загремело сообщение по громкой связи: «Внимание, потерялся мальчик Даня...»

preoccuparti».

Ma era chiaro che Dani si preoccupava per i regali. Interrogava cautamente la sorella su dove la mamma potesse nasconderli e sbirciava negli armadi dei grandi. Ogni giorno faceva domande inaspettate. Dopo aver riflettuto a lungo, la mamma addirittura gli mise sul tavolo lo scontrino del negozio di giocattoli, dove era scritto nero su bianco: “pastelli ad olio” e “centrale dei robot”. Il giorno dopo vide che lo scontrino era stato ordinatamente sistemato tra i disegni. Ma Dani non disse nulla. E il giorno della vigilia si perse al centro commerciale.

Accadde mentre la mamma e Ksjuša stavano cercando delle bibite in bottiglie di plastica riciclabile. Erano così prese che non si accorsero neanche che Dani era sparito. Poi corsero a cercarlo: prima nel reparto dei dolci, poi in quello dei giocattoli. Vicino alle casse, dove c'erano gli ovetti di cioccolato con i robot. Ma Dani non c'era da nessuna parte.

«Andiamo alla sicurezza, presto!», farfugliò la mamma.

«O forse... Aspetta!», esclamò Ksjuša. «Potrebbe essere andato da quel Babbo Natale che distribuisce i volantini qui! Me ne aveva parlato».

«Giusto!», la mamma si colpì sulla fronte con il palmo della mano, «ne ha parlato anche a me. Allora, tu vai dal Babbo e io dalla sicurezza!».

...Che momento buio. E il gatto non si può avere, e questo dicembre lungo, grigio e senza neve, e le stupide discussioni nella chat di classe, e l'atmosfera natalizia che non c'è, mentre tutto questo via vai tra le lucine dei negozi sembra un miraggio. Ma sono tutte cavolate, quando tuo fratello è in pericolo. Fai solo che lo si trovi, che non gli succeda niente! Ksjuša correva per i piani del centro commerciale, non asciugandosi neanche le lacrime. Chiedeva alle persone con i pacchetti regalo:

«Avete mica visto Babbo Natale?».

«E tu saresti un folletto?», le rispondevano ridendo, ma poi le chiedevano preoccupati: «Cos'è successo?».

Finalmente trovò Babbo Natale: era seduto a un tavolino dell'area ristorazione. La ascoltò allarmato: «No, un bambino così non l'ho visto. Sono sicuro».

In quel momento risuonò l'altoparlante: «Attenzione, si è perso un bambino dal nome Dani...»

Ksjuša si serrò le orecchie. Voleva dire che neanche la mamma era riuscita a trovarlo! Come avrebbe

Ксюша заткнула уши. Значит, мама тоже до сих пор не нашла его! Хоть бы скорее выбраться из этого сверкающего, праздничного, жуткого магазина... Она подошла к панорамному окну и вздрогнула. Она увидела Даню – далеко, среди прохожих, на хмурой, как никогда, улице. Он брел как-то очень медленно со стороны остановки – вроде бы сюда, к магазину.

– Даня! – заорала Ксюша, потом бросилась вниз по лестнице, через холл, миновала крутящиеся двери, понеслась по забитой парковке, растолкала каких-то людей. Теперь она видела его ясно: это точно был Даня! Он замахал ей, Ксюша закричала что-то, сама не разбирая слов. Она добежала, споткнулась, и, сидя на коленях в слякоти, обхватила руками брата, прижала его к себе. И почувствовала еще что-то мягкое и упругое у него под курткой.

– Это что?

Из-за шивороты у Дани высовывалась рыжая мордочка котенка. Того самого, из коробки.

– С Новым годом! – просиял брат. – Это подарок тебе!

– Это ты за ним... бегал? – тупо спросила Ксюша.

– Это от Деда Мороза! – Даня улыбнулся еще шире. – Мама же разрешит?

Ксюша покачала головой:

– Во дает... – и прошептала: – Разрешит, мама все нам разрешит, маленький.

А потом она нервно засмеялась, достала телефон и скорее послала маме селфи: она обнимает Даню и котенка. А снег уже засыпал им плечи и головы. А они и не заметили, что снег, всюду снег, даже большая елка теряется в метели, и все становится настоящим, новогодним, чудесным. И Ксюша отправила селфи с братиком в классный чат, написала: «Люди! Снег!». Подумала, стерла подпись и улыбнулась.

voluto, almeno, fuggire da quello scintillante, festoso, orrido negozio... Si avvicinò alla finestra panoramica e sobbalzò. Aveva visto Dani: lontano, in mezzo ai passanti per la strada, cupa come non mai. Si trascinava molto lentamente allontanandosi dalla fermata... Sembrerebbe, proprio in quella direzione, verso il negozio.

«Dani!», gridò Ksjuša, e poi si fiondò giù per le scale, attraversò l'atrio, oltrepassò le porte girevoli, sfrecciò per il parcheggio strapieno, si fece strada spingendo alcune persone. Ed ecco che lo vide chiaramente: era proprio Dani! Lui la salutò con la mano, Ksjuša gli gridò qualcosa, senza capire lei stessa cosa. Gli corse incontro, inciampò, e, in ginocchio sulla fanghiglia, prese il fratello tra le braccia e lo strinse a sé. E sentì qualcosa di morbido che si muoveva sotto alla giacca di lui.

«Cos'è?».

Dal colletto di Dani sbucò il musetto rosso di un gattino. Proprio lui, quello della scatola.

«Buon Natale!», esclamò gioioso il bambino. «È un regalo per te!».

«Lo eri andato a... prendere?», chiese stupidamente Ksjuša.

«È da parte di Babbo Natale!». Dani fece un sorriso ancora più grande. «La mamma ce lo farà tenere, sì?».

Ksjuša scosse la testa:

«Ma guarda te...» e sussurrò: «Certo, la mamma ci farà fare tutto, piccolo».

E poi si mise a ridere nervosamente, tirò fuori il telefono e mandò subito alla mamma un selfie in cui abbracciava Dani e il gattino. La neve gli si accumulava già sulle spalle e sulle teste. E loro non se ne erano neanche accorti, che stava nevicando, c'era neve ovunque, e pure il grande albero di Natale si confondeva nella neve, mentre tutto diventava così vero, festoso, magico. Così Ksjuša inviò il selfie con il fratellino anche nella chat di classe e scrisse: «Gente! Nevica!». Ci pensò un attimo, cancellò il messaggio e sorrise.

Отзыв о рассказе

Жанр рождественского, или календарного рассказа на поверхностный взгляд снижает актуальность, сливаясь с другими жанрами и модернизируясь. Наверное, таковы требования современности.

Текст Антонины Малышевой написан легко и свежо, от него пахнет долгожданным снегом, одним словом, он нормально дышит.

В этом рассказе не так уж и много описаний, деталей и рефлексии. Мы судим о внутренней и внешней жизни персонажей по их диалогам, которые написаны совершенно достоверно, таким языком, каким и говорят сейчас взрослая женщина, девочка-подросток и маленький мальчик. Именно в передаче их живой речи состоит несомненная удача автора, ведь живые слова детей и матери не введут в заблуждение.

Сама событийность рассказа совершенно соответствует нашим идеальным представлениям о типичной рождественской сказке: у детей есть кратковременные мечты, они должны реализоваться в определенных обстоятельствах, и так и происходит. Но вот сами эти обстоятельства, обыденнее которых не бывает, вдруг приобретают особенный символизм, и тогда становится видимым второй, более глубокий слой рассказа. Мальчик из всех сил мечтает о том, чтобы у него и его близких все было хорошо, а семья, наверное, живет трудно: «У мамы не хватит денег... не хватит денег...», девочка с выкрашенными в синий цвет волосами, конечно, старается быть загадочной и резкой, а внутри у нее все проще – это любовь к семье. И мать научилась маскировать легкой шуткой усталость и одиночество. В этом рассказе есть и некоторое нагнетание страшного, тоже характерное для святочной темы. Оно ощущается в метаниях мальчика, который еще верит в Деда Мороза, а мы с каждой строкой все больше боимся за него, предчувствуя, что вот сейчас он рискует потеряться (надолго ли, навсегда ли, или на минутку), потому что пока еще слишком остро чувствует. Основное воздействие рассказа состоит в освежении простых чувств к дому, близкому человеку, миру детства. Антонина Малышева несомненно преуспела в этом, и нам остается пожелать ей успешно продолжать писать и совершенствоваться в новых жанрах.

Елена Пастернак

Nota critica

A una lettura più superficiale, il genere natalizio, o festivo, diventa sempre meno attuale, e si modernizza fondendosi con altri generi. Sono forse queste le esigenze della contemporaneità.

Il racconto di Antonina Malyševa è scritto con semplicità e freschezza, sa di neve a lungo attesa. Insomma, il testo “respira”.

Non ci sono molti dettagli, descrizioni e riflessioni in questo racconto. Per comprendere la vita interiore ed esteriore dei personaggi ci serviamo dei dialoghi, scritti con assoluta precisione, esattamente nella lingua che utilizzerebbero oggi una donna adulta, una ragazza adolescente e un bambino piccolo. Ed è proprio nella rappresentazione della loro lingua viva che l'autrice ha avuto indiscutibile successo: le voci vive dei figli e della madre non possono trarci in inganno.

La situazione presentata nel racconto corrisponde perfettamente a come ci immaginiamo nell'ideale una tipica favola di Natale: i bambini hanno desideri immediati, questi desideri hanno bisogno di determinate circostanze per realizzarsi, e alla fine è proprio quello che accade. Ma ecco che queste stesse circostanze, che di per sé non potrebbero essere più ordinarie, assumono un simbolismo speciale, e allora comincia a vedersi il secondo strato del racconto, quello più profondo. Il bambino desidera con tutte le sue forze ogni bene per se stesso e i suoi cari, e allo stesso tempo la famiglia, sembra, non se la cava benissimo: «alla mamma non bastano i soldi... non le bastano i soldi». La ragazzina con i capelli tinti di blu, certamente, cerca di apparire enigmatica e dura, ma dentro di lei c'è una cosa molto più semplice: l'amore per la sua famiglia. E la madre ha imparato bene a nascondere la stanchezza e la solitudine con qualche battuta leggera.

Nel racconto si alimenta anche il sentimento della paura, che è altresì tipico per il tema delle festività. Lo avvertiamo nell'agitazione del bambino che continua a credere a Babbo Natale, mentre noi, sempre di più riga dopo riga, abbiamo paura per lui, che è ancora troppo sensibile, presagendo che potrebbe perdersi in ogni momento (forse per lungo tempo, forse per sempre, oppure per un minuto). L'effetto principale del racconto è quello di riportare in superficie i sentimenti semplici che proviamo per casa nostra, per una persona cara, per il mondo dell'infanzia. Antonina Malyševa ci è senza dubbio riuscita e non ci resta che augurarle di continuare a scrivere, perfezionandosi in nuovi generi.

Elena Pasternak

Биография

Антонина Малышева родилась в Новосибирске, окончила Новосибирский государственный университет по специальности «Филология». Публиковалась в журнале «Фома», лауреат премии «Книгуру» (2017). В 2019 г. выпустила сборник повестей.

Biografia

Antonina Malyševa è nata a Novosibirsk e si è laureata in filologia all'Università statale di Novosibirsk. Ha scritto per la rivista «Foma», è stata vincitrice del premio letterario Kniguru (2017). Nel 2019 ha pubblicato una raccolta di racconti.

Александра Шалашова

Перевод на итальянский язык Сидней Вичидомини

Aleksandra Šalašova

Traduzione in italiano di Sydney Vicidomini

ПРАЗДНИК

Он с четырех утра не спит.

Смотрел с балкона, как они уезжали.

Сказали – отдыхай, папа, твой день. Свету с собой возьми, она рада будет.

Он долго сидит на табуретке потом.

Скоро и Светка поднимается, проходит на кухню на носочках, кладет капроновые белые ленты перед ним на стол. Сама одетая уже – в светлом платье, в кофте на маленьких пуговицах. Подумал – не замерзнет ли, не нужен ли еще и плащ? Наверное, нет. Вчера было солнечно, он до ужина на скамейке у подъезда сидел.

– Э, ну что ж ты, малышня, – говорит он. Она на кофточке одну пуговицу пропустила: – Когда научишься уже?

Светочка улыбается застенчиво, показывает пальцем на ленты.

– Косички надо заплести, – просит она.

У нее волосы хорошие – серенькие, мышиные. Он помнит, как впервые погладил ее по голове – Валя держала на руках, нетяжелую еще, в ползунках – и сказала: папа, смотри, тебе улыбается – он подошел и легонько погладил, а под пальцами был темный пушок, мягкий. А теперь, поди ж ты – косички надо.

– Милая, да я не умею. Может, тетю Женю позовем, попросим?

Света трет нос, хмурится. Она не любит тетю Женю–соседку. Оттого ли, что дверь часто открывает ее муж, от которого вечно затхлостью пахнет, запущенностью?

– А если вообще не будем плести? Так пойдешь?

Света думает, смотрит на ленты, кивает.

Он вспоминает, что нужно сходить в ванную. Идет медленно, держится за спинку стула, за стены. В ванной смотрится в зеркало, берет одеколон и отвинчивает маленькую крышечку. Она выскользывает из рук, падает, стучается о пол, катится. Он не наклоняется, не поднимает. Скажет потом Вале или зятю. Они найдут.

IL GIORNO DI FESTA

È dalle quattro del mattino che non chiude occhio.

Li ha visti dal balcone mentre andavano via.

Gli hanno detto: «Divertiti, papà, è la tua festa. Portati Sveta, la fai contenta».

Poi è rimasto a lungo seduto sullo sgabello.

Dopo poco si alza anche Sveta, attraversa la cucina in punta di piedi, posa i nastri bianchi di nylon sul tavolo davanti a lui. È già vestita, porta un vestitino chiaro e un golfino con dei piccoli bottoni. Lui si domanda chissà se avrà freddo, forse ci vuole anche l'impermeabile. Più no che sì. Ieri c'era il sole, lui è stato seduto sulla panchina vicino al portone fino a cena.

«Oh, ma insomma, bambina mia», le dice. Lei ha saltato un bottone del golfino, «non sarebbe ora di imparare?».

Sveta sorride timidamente, indica i nastri.

«Fammi le treccine», gli chiede.

Ha dei bei capelli, grigio topo. Lui si ricorda la prima volta che le ha accarezzato la testa – Valja la teneva in braccio, ancora leggera, nella tutina, e disse: papà, guarda, ti sta sorridendo; lui si avvicinò e la accarezzò delicatamente, e sotto le dita sentì la peluria soffice e scura. E adesso pensa te, già porta le treccine.

«Tesoro mio, ma io non le so fare. Che dici, chiamiamo zia Ženja, chiediamo a lei?».

Sveta si strofina il naso, aggrotta le sopracciglia. Non le piace la vicina di casa, zia Ženja. Sarà perché spesso e volentieri la porta la apre suo marito, che puzza perennemente di chiuso, di trasandato?

«E senza trecce, che dici? Così ci vieni?».

Sveta ci pensa su, guarda i nastri, fa sì con la testa.

Gli viene in mente che deve andare in bagno. Ci va piano, tenendosi allo schienale della sedia, al muro. Nel bagno si guarda allo specchio, prende l'acqua di colonia e svita il tappino. Gli scivola dalle mani, cade, va a sbattere sul pavimento, rotola. Lui non si abbassa, non lo raccoglie. Lo dirà a Valja o a suo genero, poi. Lo troveranno loro.

Он наливает на ладонь немного одеколона и с удовольствием вдыхает острое, привычное. Как покупал тридцать лет «Шипр» – так и не изменилось ничего. Несколько лет назад показалось, что запах стал иным, но потом ощущение исчезло. Он прижимает ладони к щекам, растирает до красноты.

– Света, ты готова? – говорит в открытую дверь. Она не слышит. – Светочка!

– Тут поют!

– Выключай. Нам еще ехать.

– А папа хотел нас на машине везти!

– Что ж мы, на метро с тобой не доедем? Сядем, на людей посмотрим. Зачем же маму с папой отвлекать?

– А мы не будем отвлекать! Они на даче совсем-совсем про нас забудут, приедут – а мы уже тут, их ждем.

– Светик, а они до завтра не вернутся, мама говорила же, не помнишь?

Немного боится, что она расстроится, станет хныкать. Но Света только кивает.

– Они и меня хотели на дачу забрать, а я не поехала.

– Почему?

– Ну, мы с тобой договорились, – солидно говорит, взросло, и у него щемит внутри что-то.

Света тоже прихорашивается – расчесывает волосы маминой щеткой, даже – оглядываясь через плечо, чтобы он не заметил, – берет с трюмо большой флакон духов и прыскает на волосы.

– Ай!

– Что? – он хочет обернуться к ней, но почему-то выходит медленно. – Что случилось?

– Да ничего. Этим вот... в нос попала. Апчихи! – Света вытирает нос о предплечье.

Он готов.

– Может, все-таки зайдём к тете Жене? Она бы быстро заплела тебя – раз, и готово... А? Света мотает головой.

Si versa sulle mani un po' d'acqua di colonia e ispira con piacere l'odore conosciuto, pungente. Sono trent'anni che compra "Šipr", non è cambiato nulla. Qualche anno fa gli pareva che il profumo fosse cambiato, ma poi quella sensazione scomparve. Si porta le mani alle guance, le strofina fino a farle diventare rosse.

«Sveta, sei pronta?» le dice attraverso la porta aperta. Lei non lo sente: «Sveta!».

«Qui stanno cantando!».

«Spegni. Ci vuole anche il tempo per arrivare».

«Papà ci avrebbe accompagnato con la macchina!».

«E perché, in metropolitana non arriviamo lo stesso? Guardiamo la gente. Che disturbiamo a fare mamma e papà?».

«Ma non li disturbiamo! Va a finire che alla dacia si dimenticano proprio di noi, invece se tornano ci trovano già qui ad aspettarli».

«Sveta, ma prima di domani non tornano, mamma te l'ha detto, ti sei dimenticata?».

Ha un po' paura che ci rimanga male, che cominci a frignare. Ma Sveta si limita a fare sì con la testa.

«Volevano portare anche me alla dacia, ma io non ci sono andata».

«Perché?»

«Ma ci eravamo messi d'accordo, io e te», dice lei con tono fermo, adulto, e a lui, gli si stringe qualcosa dentro.

Anche Sveta si fa bella, si pettina i capelli con la spazzola di mamma, prende perfino una grande bottiglietta di profumo dalla toletta - guardandosi le spalle, perché lui non se ne accorga - e se lo spruzza sui capelli.

«Ahi!».

«Che c'è?» lui vorrebbe girarsi verso di lei, ma ci riesce solo lentamente, «cosa è successo?»

«Niente. Questo coso... mi è andato a finire nel naso. Eccì!».

Sveta si strofina il naso contro il braccio. Lui è pronto.

«Che dici, ci andiamo da zia Ženja? Lei le trecce te le fa in un attimo, e via... eh?».

Sveta scuote la testa.

- Так пойду, растрепой.

Света выбегает на площадку и бежит три этажа вниз – он слышит, как ее новенькие кожаные туфельки на маленьком-маленьком каблукце цокают – он еще удивлялся, что бывают такие, словно бы для взрослых, но совсем кукольные – бежит, не оглядывается.

Когда он спускается и выходит из подъезда, она уже сидит на лавочке – наклонилась, чтобы поправить сползший носок.

Вскакивает, подбегает к нему.

- Там котята у забора! Родились! Маленькие-маленькие!

- Правда? Хорошо.

- Нет, правда! Пойдем, покажу.

Он смотрит на солнце, на крыши домов. В луже плавает разорванная бумажная открытка.

- Ладно, посмотрим-посмотрим, – он говорит серьезно, важно.

Идет к забору детского сада «Стебелек» – удобный, под домом прямо, и Света в него ходила. Первые пару месяцев в школе все просилась обратно в группу, любила стоять, прижавшись лицом к забору, наблюдать, как там другие дети – играют ли, дерутся, делают бусы из рябины (и сама умела делать – он научил; он и сделал первые).

У забора и вправду котята, но уже и немаленькие.

- Мне черненький нравится, с пятном на голове, – девочка садится на корточки и гладит котенка, поднимает глаза: – Деда, а почему ты пиджак этот красивый все время не носишь?

- Боюсь запачкать. Пойдем, – говорит: – Я же медленно, помнишь?

- Помню.

Девочка отпускает котенка, и они идут медленно.

Выходят из Александровского сада в толпу, он даже думает – не взять ли Светку на руки, раньше ведь мог как-то, по лестнице с ней спускался – ничего.

- Держись ближе ко мне, хорошо?

«Vado così, spettinata».

Sveta corre fuori, nel cortile, scende correndo le sei rampe di scale – lui sente ticchettare le sue nuove scarpette di pelle con i tacchi piccoli piccoli – era addirittura sorpreso che le facessero, proprio simili a quelle degli adulti, ma piccole come quelle delle bambole – lei corre senza voltarsi indietro.

Quando lui arriva fuori al portone, lei è già seduta sulla panchina, si è abbassata e si sta sistemando un calzino.

Salta giù, gli corre incontro.

«Ci sono dei gattini vicino al cancello! Appena nati! Piccoli piccoli!».

«Davvero? Che bello».

«No, davvero! Andiamo, te li faccio vedere».

Lui guarda il sole, i tetti delle case. Una cartolina stracciata galleggia in una pozzanghera.

«Va bene, vediamo un po'» dice lui con tono serio, fiero.

Va verso il cancello della scuola materna “Il virgulto” – comodo, proprio sotto casa, anche Sveta ci andava. I primi due mesi dopo la scuola chiedeva sempre di tornare, le piaceva stare con il viso premuto contro le sbarre e vedere se gli altri bambini stavano giocando, facendo a botte, o infilando braccialetti con le bacche del sorbo (li sapeva fare lei stessa – gliel’aveva insegnato lui; era lui ad averli fatti per primo).

Vicino al cancello c’erano davvero dei gattini, ma non erano appena nati.

«Mi piace quello nero, con la macchia sulla testa», la bambina si accovaccia per terra e accarezza un gattino, alza lo sguardo, «Nonno, perché non te la metti tutti i giorni questa giacca così bella?».

«Perché ho paura di sporcarla. Andiamo», dice, «io cammino piano, ti ricordi?».

«Sì».

La bambina mette giù il gattino, e i due si avviano piano.

Dal giardino Aleksandrovsij entrano nella folla, lui si domanda perfino se non sia il caso di prendere Sveta sulle spalle, prima in fondo ce la faceva, scendeva le scale con lei senza troppi problemi.

«Resta vicino a me, va bene?».

Света морщится, но не убегает. Высматривает что-то.

– А дальше нельзя.

Перед ними милиционер, металлические ограждения – и толпятся какие-то женщины в ярких платьях, дети смеются.

– Сейчас-сейчас.

Он долго и слишком суетливо роется в кармане, ищет приглашение. Даже страшно на секунду становится – а вдруг приглашения нет, а он что-то напутал и дальше им со Светкой нельзя?

– Ладно, проходите, – милиционер машет рукой и задвигает за ними ограждение.

Они опоздали.

Трибуны пахнут духами и кремом для обуви.

– Дедушка, а что здесь будет? – спрашивает Светка, оробевшая от сутолоки.

– Сейчас маршировать начнут, – говорит он: – Красиво. Я же тебе рассказывал.

Вдруг становится тихо.

Застыли багряно-золотые стяги фронтов.

Ни ветерка.

Кто-то кашляет в микрофон.

– Дорогие ветераны, фронтовики, граждане России, уважаемые гости! Сегодня...

Он отчего-то не слышит дальше, хотя речь продолжается – словно слух наполнился уже разговорами, смехом, и не может принять новое.

Вчера Валя напустилась на него из-за лекарства. Он забыл принять. И ерунду какую-то, неважную. Но она сказала, что должен принимать, следить. Не маленький. А то мало им Светки, за которой смотреть нужно, неужели и за тобой? Нет, он сказал, не нужно. А про лекарство все равно забыл.

Валя успокоилась потом, на колени опустила голову, сказала – прости, папа, я и сама не знаю, что нашло. Он погладил ее по волосам и простил, конечно. А потом, в своей комнате уже, глядя на шесть дней уже как вытасщенный из шкафа парадный китель, подумал – и ведь на самом деле забыл, хотя хотел помнить. Значит ли это, что он

Sveta corruga la fronte, ma non scappa via. Cerca qualcosa con lo sguardo.

«Qui non si può passare».

Davanti a loro ci sono un soldato, delle transenne di metallo – si affollano donne dai vestiti sgargianti, i bambini ridono.

«Ecco, adesso».

Lui fruga nella tasca troppo a lungo e confusamente, cerca l'invito. Per un attimo gli viene perfino paura di non averlo con sé, di aver fatto confusione, gli viene paura che non li lascino passare.

«Va bene, passate»; il soldato scuote la mano e chiude la transenna dietro di loro.

Sono arrivati in ritardo.

Le tribune odorano di profumo e di crema per le scarpe.

«Nonno, che cosa succede qui?», domanda Sveta, intimidita dalla ressa.

«Adesso comincia la marcia», dice lui, «è bella. Te l'ho raccontato».

Improvvisamente cade il silenzio.

I vessilli vermigli e dorati delle varie divisioni smettono di tremolare.

Nemmeno un filo di vento.

Qualcuno tossicchia al microfono.

Cari veterani, reduci del fronte, cittadini russi. Oggi...

Per qualche motivo non riesce a sentire altro, anche se il discorso continua – è come se l'udito gli si fosse già riempito di chiacchiere, di risa, e non potesse assorbire niente di nuovo.

Ieri Valja gli ha fatto una partaccia per via delle medicine. Lui aveva dimenticato di prenderle. Una sciocchezza, niente di importante. Ma lei ha detto che le deve prendere, tenerlo a mente. Non è mica un bambino. Non basta che devono badare a Sveta, adesso devono badare anche a lui? No, ha detto lui. Ma delle medicine si è dimenticato comunque.

Dopo Valja si è calmata, si è inginocchiata vicino alla sua sedia, ha abbassato la testa, ha detto: «Scusami, papà, non so nemmeno io come mi è venuto». Lui le ha accarezzato i capelli e ovviamente l'ha perdonata.

Ma poi dopo, nella sua stanza, guardando la divisa tirata fuori dall'armadio già da sei giorni, ci ha pensato, ed è vero che se n'era dimenticato, anche se in realtà voleva ricordarselo. Questo vuol dire

опять забудет принять таблетки, а Валя будет кричать снова и снова?

– Дедушка, ты чего? – Света трясет его, теребит. – Все закончилось.

Возле продуктового магазина, в который они все время ходят, сидит на стульчике женщина с уродливыми распухшими ногами. Он старается не смотреть, а Светка отрывает глаза широко, шепчет на ухо – это что у нее такое, а? А?

– Не знаю, Светик. Не надо смотреть.

Женщина продает семечки.

– С праздником, – окликает, наверное, разглядев его медали.

– И Вас.

Они подходят ближе.

– Дедушка, давай купим семечки?

– Давай. Почем у вас стаканчик?

– Пятнадцать рублей большой.

– Давайте.

Женщина делает бумажный кулек, сыпает семечки из стакана. Потом смотрит на Свету и добавляет еще пригоршню.

– С праздником, – зачем-то повторяет она, а он не знает, как ответить.

И вправду – что с ее ногами, почему так?

Дома включают телевизор.

– Дорогие ветераны, фронтовики, граждане России, уважаемые гости! Сегодня...

Я хочу поздравить вас с праздником, говорит он, с радостным праздником, говорит.

Он смотрит на чужие морщины и с трудом вспоминает, кто этот человек, почему его показывают по телевизору. Видит его мертвые расчесанные волосы, уложенные каким-то средством – жирные, застывшие волосы, волосы, которые не меняются, которые не ерошит ветер.

Ему почему-то хочется, чтобы человек в телевизоре поднял полную отечную руку и

che si dimenticherà di nuovo di prendere le pillole e Valja continuerà a sgridarlo?
«Nonno, che hai?» Sveta lo scuote, prova a smuoverlo, «la marcia è finita».

Davanti al negozio di alimentari dove va sempre, una signora con delle orribili gambe gonfie sta su una sediolina. Lui si sforza di non guardarla, ma Sveta spalanca gli occhi, gli sussurra nell'orecchio:
«Che cos'ha, eh? Eh?».

«Non lo so, Sveta. Non sta bene guardare».

La signora vende i semi di girasole.

«Auguri!», dice, reagendo forse alle medaglie di lui.

«Anche a lei».

Si avvicinano.

«Nonno, compriamo i semini?».

«Va bene. Quanto fa un bicchiere?».

«Quello grande quindici rubli».

«Me ne dia uno».

La signora arrotola un cartoccio, ci versa i semini dal bicchiere. Poi guarda Sveta e ne aggiunge un altro po'.

«Auguri», ripete, chissà perché, e lui non sa cosa risponderle.

E comunque, davvero: che cos'ha alle gambe?

A casa accendono la televisione.

Cari veterani, reduci di guerra, cittadini russi. Oggi...

Lasciate che vi faccia gli auguri in questo giorno di festa, una festa felice, dice l'uomo alla televisione. Lui gli guarda le rughe e riesce a malapena a ricordarsi chi è, a ricordarsi perché lo mandano alla televisione. Vede i suoi capelli pettinati, morti, coperti di qualcosa – capelli grassi, rigidi, capelli che non cambiano, che il vento non scuote.

Vorrebbe tanto che l'uomo alla televisione alzasse la mano gonfia e si sistemasse le tempie spettinate – ne ha proprio voglia, una voglia tremenda, come se fosse importante, come se questo cambiasse

пригладил растрепавшиеся виски – так хочется, страшно хочется, как будто это важно, как будто это что-то меняет.

Пятьдесят лет назад, говорит человек, мы...

Пятьдесят лет назад, думает он.

Смотрит на свои руки. Они не дрожат, но, если взять ложку, или тетрадь Светки, или журнал с шахматными задачами – задрожат. Сколько это длится? Сколько еще продлится?

На руках веснушки – эти желто-коричневые появились недавно, он долго думал, что от солнца, даже стал нарочно задергивать шторы в своей комнате, а Валя еще удивлялась. Не сиди в темноте, пап, говорила. Он кивал и решал шахматную задачу. Солнца не было, и можно было не смотреть на руки.

Зато теперь, под телевизор, подо всеми лампочками белой люстры – он смотрит.

Ельцин говорит долго, но он не понимает, а все хочет посмотреть на его руки – есть ли желтые пятна и у него, или же просто полные, рыхлые, белые, но ничего другого нет – но рук не видно, камера все время слишком высоко.

Ему почему-то кажется, что вот сейчас должны показать Президентский дворец в Грозном – белый, обугленный. Не показывают – оттого ли, что праздник, или просто разрешили забыть обо всем страшном, разрешили не видеть?

Одна Света увидела и спросила – дедушка, а у тебя тоже так было? Нет, он сказал, не было. Не так.

Он подходит к телевизору близко-близко – Свету бы за такое отругали, он знает, но ему ничего – и, кажется, видит, тонкую ниточку слюны, тянущуюся от угла рта. А вот и капелька на галстук. Она крошечная совсем, незаметная, но он видит.

– Дедушка, будешь семечки?

– Буду, только в комнату за очками схожу – сейчас, наверное, кино какое-нибудь покажут, мы и посмотрим с тобой.

– Ага, – Света садится на кресло и разворачивает кулек.

И, не дожидаясь, пока черная шелуха упадет на пол, он возвращается в свою комнату, снимает китель и убирает в шкаф, достает галстук из ацетатного шелка, который надевал

poi qualcosa.

Cinquant'anni fa, dice l'uomo, noi...

Cinquant'anni fa, pensa lui.

Si guarda le mani. Non tremano, ma, quando prende un cucchiaino, o un quaderno di Sveta, o una rivista con i problemi di scacchi, cominciano a tremare. Quanto deve durare? Quanto ancora deve durare?

Ci sono delle lentiggini sulle mani, quelle giallastre e marroncine sono comparse da poco, da tempo lui pensava che fosse il sole, aveva anche cominciato a chiudere apposta le tende nella sua stanza, e Valja se ne stupiva. Papà, non stare al buio, diceva. Lui faceva così con la testa e continuava a risolvere problemi di scacchi. Non c'era il sole, e poteva non guardarsi le mani.

Però adesso, sotto la luce del televisore, sotto ogni lucina del lampadario bianco, se le guarda.

Elsin parla a lungo, ma lui non capisce, ha solo voglia di guardargli le mani, di vedere se ce le ha anche lui le macchie gialle, o se le sue mani sono semplicemente grosse, mollicce, bianche, e basta, ma le mani non si vedono, la telecamera è sempre troppo in alto.

Chissà perché, ma gli sembra che adesso dovrebbero far vedere il palazzo del Presidente a Groznyj, bianco, mezzo bruciato. Non lo fanno vedere perché è festa, o forse perché hanno dato il permesso alla gente di dimenticarsi di tutto il male, gli hanno dato il permesso di non vedere? Soltanto Sveta lo vede e gli chiede: «Nonno, è stato così anche per te?». «No», dice lui, «non così».

Lui si avvicina più che può al televisore – Sveta la sgriderebbero se lo facesse, lo sa, ma per lui non è niente, gli sembra quasi di vedere quel filo sottile di saliva teso all'angolo della bocca. Ed ecco una gocciolina sulla cravatta. È minuscola, impercettibile, ma lui la vede.

«Nonno, li vuoi i semini?».

«Sì, vado giusto un attimo a prendere gli occhiali nella stanza – adesso sicuramente mandano un film, lo guardiamo insieme».

«A-ah», Sveta si siede sulla poltrona e apre il cartoccio.

E prima ancora che la buccia nera cada sul pavimento, lui torna in camera sua, si toglie la divisa e le rimette nell'armadio, tira fuori la cravatta di acetato che ha messo l'ultima volta al

в последний раз на свадьбу Вали.

Он хочет прибраться на столе, но порядок вещей путается, становится глупым, стариковским. Тогда он сдвигает дрожащими руками все в кучу – очки в футляре, письмо с поздравлением от мэра, коробку с маленькими дорожными шахматами, мятую упаковку из-под сигарет «Альянс», рассыпанные желтые «лимончики».

Он берет один «лимончик», чувствует кислое, давнишнее, прошедшее уже.

Света заходит в его комнату через полчаса, дотягивается до выключателя и кричит.

matrimonio di Valja.

Vorrebbe sistemare un po' sul tavolo, ma l'ordine delle cose si confonde, diventa stupido, sclerotico. Allora sposta tutto da un lato con le mani tremanti – gli occhiali nella custodia, la lettera di auguri del sindaco, la piccola scatola con gli scacchi da viaggio, il pacchetto stropicciato delle sigarette “Al’jans”, le caramelle «limončik» gialle, sparse qua e là.

Prende una «limončik», assapora il gusto acido, lontanissimo, del tempo ormai passato.

Dopo mezz'ora Sveta lo va a cercare nella stanza, allunga la mano sull'interruttore e lancia un urlo.

Отзыв о рассказе

Читая рассказ Александры Шалашовой, попадаешь в лирическую атмосферу взаимоотношений детства и старости, деда и внучки, готовящихся к празднованию Великой Победы на Красной площади. Восприятие святого для ветерана Отечественной войны, стоящего на пороге смерти, праздника, перебивается и осложняется вереницей обрывков будничных воспоминаний, бередящих душу эмоций, резкой смены настроений, щемящей тоской от происходящего вокруг него (середина 90-х годов минувшего века). «Порядок вещей путается», и он «не может принять нового».

Текст мастеровито выстроен композиционно, стилистически и синтаксически через двойное начало официальной речи Ельцина (на площади и по телевизору), диалоги деда и внучки, своеобразный эстетический минимализм для передачи мгновенных чувств, жестов и ощущений, через разнообразие искусно подобранных деталей и штрихов: обугленный президентский дворец в Грозном, обрывающаяся в самом начале официальная речь, торгующая семечками старуха с опухшими ногами, вытащенный из шкафа за неделю до праздника парадный китель, желто-коричневые «веснушки» на руках, одеколон «Шипр», рассерженная и раскаивающаяся дочь и др.

Автору удалось через переживания и недоумения отдельного человека прикоснуться к болезненным проблемам целой страны и к надежде, что Праздник не потеряет своего светлого и искреннего значения, которая сохраняется в самом имени внучки и в ее любви к деду.

Борис Тарасов

Nota critica

Leggendo il racconto di Alessandra Šalašova ci si immerge nell'atmosfera lirica del rapporto tra l'infanzia e la vecchiaia, tra un nonno e una nipote che si preparano a festeggiare la Vittoria del 9 maggio sulla Piazza Rossa. La narrazione della festa, sacra per un veterano della Grande Guerra Patriottica ormai vicino alla morte, è amplificata e intermezzata dalla catena dei frammenti di memorie della vita quotidiana, delle emozioni che affollano l'anima, dei repentini sbalzi di umore, della stringente malinconia dei fatti della metà degli anni '90 del secolo appena trascorso, nei quali il protagonista si trova immerso. «L'ordine delle cose si confonde» e lui «non può assorbire niente di nuovo».

Il testo è costruito magistralmente dal punto di vista compositivo, stilistico e sintattico, attraverso lo sdoppiamento del discorso ufficiale di Eltsin (in piazza e alla televisione), i dialoghi del nonno con la nipote, un particolare minimalismo estetico nella resa dei sentimenti, dei gesti e delle sensazioni più fugaci, attraverso una varietà di dettagli e piccole trovate: il palazzo presidenziale mezzo bruciato a Groznyj, il discorso interrotto appena all'inizio, la vecchietta che vende i semi con le gambe gonfie, l'uniforme tirata fuori dall'armadio sei giorni prima, le "lentiggini" giallastre e marroncine sulle mani, l'acqua di colonia Šipr, la figlia arrabbiata e poi pentita, e molto ancora.

L'autrice è riuscita, attraverso le preoccupazioni e le perplessità del singolo, a trattare i problemi che affliggono l'intero paese e la speranza che la Festa della Vittoria non perda mai il suo significato più vero, che si riflette nello stesso nome della nipote (Sveta, un nome che in russo ricorda la luce) e nel suo amore per il nonno.

Boris Tarasov

Биография

Александра Шалашова родилась в Череповце, живет в Москве. Выпускница Литературного института им. А. М. Горького (семинар А. Е. Рекемчука). Пишет прозу и стихи. Печаталась в журналах «Сибирские огни», «Нижний Новгород», «Кольцо А», «Homo legens», «Пролог», «Пятью пять», «Южный остров», «Гостиный двор, в «Литературной газете». Лауреат премии «Лицей» в поэтической номинации (2019), финалист конкурса «Социальные лифты для молодых писателей». Опубликовала сборник стихов и сборник рассказов, вокалистка и автор текстов московской рок-группы «МореЖдет», автор рок-оперы о жизни и смерти Федерико Гарсиа Лорки.

Biografia

Aleksandra Šalašova è nata a Čerepovec e vive a Mosca. Ha studiato all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (nella classe di Aleksandr Evseevič Rekeščuk). Scrive prosa e versi. Ha pubblicato nei giornali «Sibirskije Ogni», «Nižnij Novgorod», «Kol'co A», «Homo Legens», «Prolog», «Pjat'ju Pjat'», «Južnyj Ostrov», «Gostinyj Dvor», «Literaturnaja Gazeta». Vincitrice del premio Licej nella sezione poesia (2019), finalista del concorso Ascensori sociali per i giovani scrittori. Ha pubblicato una raccolta di versi e una raccolta di racconti, è vocalist e autrice dei testi del gruppo rock moscovita MoreŽdět (“ilMareAspetta”), è autrice di un'opera rock sulla vita e la morte di Federico García Lorca.

GIOVANI TRADUTTORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ

Cinzia Celone	Чинция Челоне
Tatiana Lutero	Татьяна Лутеро
Martina Morabito	Мартина Морабито
Sydney Vicidomini	Сидней Вичидомини
Andrea Zoller	Андреа Цоллер

Cinzia Celone Nel 2011 si laurea all'Università Statale degli Studi di Milano in Mediazione linguistica e culturale. Dopo un'esperienza di studio all'istituto Puškin di Mosca si sposta a Perm', dove consegue prima una laurea specialistica alla facoltà di lingue straniere e glottodidattica nel 2015 e, successivamente, alla facoltà di Filologia, il dottorato di ricerca con una tesi sperimentale sulla metodica dell'insegnamento della lingua russa agli stranieri. Nel 2014 è vincitrice dell'*essay contest* al Forum internazionale degli studi umanistici di Perm'. Nello stesso anno partecipa alle riprese del film documentaristico *Ja zdec' živu: Pešnigort*. Nel 2018 è tra i finalisti del premio Raduga.

Чинция Челоне В 2011 окончила Миланский государственный университет (факультет лингвистики и межкультурной коммуникации). Училась в Институте им. Пушкина в Москве, затем переехала в Пермь. Выпускница кафедры методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков ПГНИУ, (2015), окончила аспирантуру (кафедра русского языка и стилистики филологического факультета,) тема диссертации – новые методики преподавания русского языка иностранцам. Победительница конкурса эссе (в рамках Международного гуманитарного форума в Перми, 2014). В том же году участвовала в съемках документального фильма «Я здесь живу: Пешнигорт». Финалистка премии Радуга 2018 г.

Tatiana Lutero nasce a Santa Margherita Ligure (Genova) nel 1990. Dopo essersi laureata in Teorie e tecniche della mediazione interlinguistica nel 2012 all'Università di Genova, continua gli studi presso l'Università russa dell'amicizia tra i popoli di Mosca, dove nel 2017 discute una tesi di dottorato dedicata alla traduzione del testo letterario. Agli studi affianca l'attività lavorativa come insegnante di lingua italiana, interprete e traduttrice, che svolge tuttora.

Татьяна Лутеро родилась в г. Санта-Маргерита-Лигуре (Генуя) в 1990 г. В 2012 г. окончила бакалавриат по программе обучения «Теория и техника межъязыкового посредничества» в Генуэзском университете и продолжила учебу в Российском университете дружбы народов в Москве, где в 2017 г. защитила кандидатскую диссертацию о переводе художественного текста. Начала работать преподавателем итальянского языка, устным и письменным переводчиком во время учебы и продолжает по сей день.

Martina Morabito (1990) ha concluso un dottorato in Letteratura russa presso l'Università di Genova con una tesi sulla dimensione spaziale del simbolismo russo, la sua geografia immaginaria e lo spostamento letterario verso oriente della Grecia. Ha pubblicato *Crisantemi in coppa, versi di canzoni*, una raccolta di traduzioni di haiku e tanka scritti da Valerij Brjusov, Andrej Belyj e Konstantin Bal'mont. I suoi articoli accademici mirano a indagare il simbolismo da varie prospettive (*thing theory*, onomastica, *visual studies*, post-orientalismo).

Мартина Морабито (1990) окончила докторантуру Генуэзского университета. Ее диссертация посвящена русской литературе, теме пространства в русском символизме, его воображаемой географии и тяготению к востоку Греции. Опубликовала сборник переводов хайку и танка, написанных Валерием Брюсовым, Андреем Белым и Константином Бальмонтом. В своих научных статьях рассматривает символизм с разных точек зрения (теория вещей, ономастика, визуальные исследования, посториентализм).

Sydney Vicidomini è nata nel 1985 e vive nella frazione di Galdo di Carifi (Mercato San Severino, Salerno).

Ha studiato Lingue e Letterature Straniere presso l'Università degli Studi di Salerno e la University of Kent a Canterbury.

Attualmente coordina l'attività didattica e insegna inglese e italiano in una scuola di lingue. Parallelamente lavora come attrice in materiali audiovisivi per bambini e in piccole compagnie teatrali. Ha esordito come traduttrice letteraria nel gennaio 2020 con *Il mondo secondo Savelij* di Grigorij Služitel', edito da Brioschi.

Сидней Вичидомини родилась в 1985 году, живет в округе Гальдо-ди-Карифи (г. Меркато-Сан-Северино, Салерно).

Училась на факультете иностранных языков и литературы Салернского университета и в Кентском университете в Кентербери.

В настоящее время координирует учебный процесс и преподает английский и итальянский языки в языковой школе. Параллельно работает в качестве актрисы на записи аудиовизуальных материалов для детей и в небольших театральных труппах. Как литературный переводчик дебютировала в январе 2020 года с переводом романа Григория Служителя «Дни Савелия» (издательство «Brioschi»).

Andrea Zoller nasce nel 1993 a Rovereto, in Trentino. Nel 2017 si laurea in Lingue e letterature straniere all'Università di Verona, con una tesi sull'immagine della donna zigana nell'opera di Aleksandr Blok; si specializza poi in Slavistica presso l'Università Ca' Foscari di Venezia, traducendo dal russo alcuni racconti dello scrittore sovietico Vasilij Šukšin.

I suoi interessi spaziano dalla letteratura russa a quella slavo-ecclesiastica: nel 2019, in occasione del Terzo incontro Cirillo-Methodiano, presenta a Venezia un lavoro di traduzione e analisi di alcuni testi dello stampatore serbo-veneziano Božidar Vukovič, vissuto a cavallo tra il XV e il XVI secolo. Da

diversi anni, inoltre, si dedica alla pittura di icone secondo la tecnica pittorica bizantina.

Dopo un'esperienza di insegnamento dell'italiano a Tbilisi, in Georgia, ritorna nella sua terra natale, dove è oggi insegnante di tedesco nella scuola media.

Андреа Цоллер родился в 1993 году в Роверето (Трентино), Италия. В 2017 году окончил факультет иностранных языков и литературы в Вероне, успешно защитив диссертацию на тему «Образ цыганки в творчестве А. Блока». После этого изучал славистику в Венецианском университете и в связи с этим занялся переводом на итальянский язык нескольких рассказов В. Шукшина.

В 2019 году принял участие в международной конференции по славистике в Венеции, представляя анализ и перевод церковнославянских текстов сербского издателя Божидара Вуквича, жившего в Венеции в XV–XVI веках. Также Андреа несколько лет занимается иконописью по византийской традиции.

С октября по декабрь 2019 года он преподавал итальянский язык в г. Тбилиси, затем вернулся на родину, где в данный момент работает учителем немецкого языка в средней школе.

**ALBO D'ORO DEL PREMIO RADUGA
ПОБЕДИТЕЛИ И ФИНАЛИСТЫ ПРЕМИИ «РАДУГА»**

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani

Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova

Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva

Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova

Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi

Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin

Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola

Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli

Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti

Bulgun Ćimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin

Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani

Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko

Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova

Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты

Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты

Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты

Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изола
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро
Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Giovani narratori russi

Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola

Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi

Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero

Alëna Ćurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah

Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov

Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3**Giovani narratori italiani**

Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova

Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja

Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova

Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi

Ekaterina Brjuchova, traduzione in italiano di Linda Torresin

Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli

Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli

Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli

Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin

Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Итальянские финалисты

Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты

Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помаролли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алесандры Фьяндры

Итальянские финалисты

Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Победители в номинации «Молодой автор»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani

Nicola Carboni, traduzione in russo di Marija Volodina

Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja

Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov

Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi

Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli

Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci

Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo

Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova

Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Quinta edizione, 2014. Almanacco letterario 5

Giovani narratori italiani

Gianluca Boroni, traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Giovanni Duminuco, traduzione in russo di Ksenija Timenčik

Gianluca Lattuada, traduzione in russo di Anna Kabanova

Cristina Ottelli, traduzione in russo di Julija Galatenko

Livio Santoro, traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты

Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алессандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

Итальянские финалисты

Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской–Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская–Марцевая
и Элизабетта Спедиаччи

Литературный альманах 5 – 2014 год

Российские финалисты

Елена Ляшенко, перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Лилианы Скалы
Сергей Самсонов, перевод на итальянский язык Джакомо Фони
Маргарита Урчева, перевод на итальянский язык Франчески Скандурры
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Giovani narratori russi

Elena Ljašenko, traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Liliana Scala

Sergej Samsonov, traduzione in italiano di Giacomo Foni

Margarita Určeva, traduzione in italiano di Francesca Scandurra

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Gianluca Boroni e Sergej Samsonov

Giovani traduttori dell'anno: Liliana Scala e Ksenija Timenčik

Sesta edizione, 2015. Almanacco letterario 6**Giovani narratori italiani**

Jennifer Bertasini, traduzione in russo di Marina Kuličichina

Chiara Paraggio, traduzione in russo di Zabava Puzickaja

Eleonora Recalcati, traduzione in russo di Marija Gojchman

Ambra Simeone, traduzione in russo di Natal'ja Gorbačëva

Noemi Turino, traduzione in russo di Anna Petrova

Giovani narratori russi

Irina Bogatyrëva, traduzione in italiano di Maria De Caro

Tat'jana Il'dimirova, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Amalija Mokrušina, traduzione in italiano di Ilaria Sicari

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Francesca Mastruzzo

Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Giovani narratori dell'anno: Ambra Simeone e Dmitrij Filippov

Giovani traduttori dell'anno: Niccolò Galmarini e Marija Gojchman

Итальянские финалисты

Джанлука Борони, перевод на русский язык Диляры Туишевой
Джованни Думинуко, перевод на русский язык Ксении Тименчик
Джанлука Латтуада, перевод на русский язык Анны Кабановой
Кристина Оттелли, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Ливио Санторо, перевод на русский язык Ольги Витковской

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Самсонов и Джанлука Борони
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ксения Тименчик и Лилиана Скала

Литературный альманах 6 – 2015 год

Российские финалисты

Ирина Богатырева, перевод на итальянский язык Марии Де Каро
Татьяна Ильдимирова, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Амалия Мокрушина, перевод на итальянский язык Иларики Сикари
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Франчески Маструццо
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Итальянские финалисты

Дженнифер Бертазини, перевод на русский язык Марины Куличихиной
Кьяра Параджо, перевод на русский язык Забавы Пузицкой
Элеонора Рекалькати, перевод на русский язык Марии Гойхман
Амбра Симеоне, перевод на русский язык Натальи Горбачевой
Нозми Турино, перевод на русский язык Анны Петровой

Победители в номинации «Молодой автор»: Дмитрий Филиппов и Амбра Симеоне
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Мария Гойхман и Никколо Гальмарини

Settima edizione, 2016. Almanacco letterario 7

Giovani narratori italiani

Iacopo Barison, traduzione in russo di Anna Lentovskaja
Maria Gaia Belli, traduzione in russo di Jana Ar'kova
Pier Franco Brandimarte, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva
Pietro Federico, traduzione in russo di Diljara Tuiševa
Andrea Giovanni Taietti, traduzione in russo di Ol'ga Nikitina

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Francesca Gasparini
Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Lidia Perri
Aleksandr Evsjukov, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli
Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Linda Torresin
Tat'jana Šabaeva, traduzione in italiano di Marta Valeri

Giovani narratori dell'anno: Maria Gaia Belli e Aleksandr Evsjukov

Giovani traduttori dell'anno: Francesca Gasparini e Jana Ar'kova

Ottava edizione, 2017. Almanacco letterario 8

Giovani narratori italiani

Tommaso Giagni, traduzione in russo di Svetlana Malinina
Elisa Guidotti, traduzione in russo di Jana Bogdanova
Petronilla La Volpe, traduzione in russo di Ekaterina Orlova
Claudia Valenti, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva
Antonio Vangone, traduzione in russo di Lev Kac

Литературный альманах 7 – 2016 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Франчески Гаспарини

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Лидии Перри

Александр Евсюков, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Татьяна Шабаетова, перевод на итальянский язык Марты Валери

Итальянские финалисты

Якопо Баризон, перевод на русский язык Анны Лентовской

Мария Гайя Белли, перевод на русский язык Яны Арьковой

Пьер Франко Брандимарте, перевод на русский язык Ксении Воробьевой

Пьетро Федерико, перевод на русский язык Диляры Туишевой

Андреа Джованни Тайетти, перевод на русский язык Ольги Никитиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Александр Евсюков и Мария Гайя Белли

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Арькова и Франческа Гаспарини

Литературный альманах 8 – 2017 год

Российские финалисты

Евгения Декина, перевод на итальянский язык Аличе Бравин

Диана Ибрагимова, перевод на итальянский язык Кьяры Фоддис

Андрей Тимофеев, перевод на итальянский язык Федерики Москитты

Елена Тулушева, перевод на итальянский язык Маттео Чанки

Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Якопо Винья-Тальянти

Giovani narratori russi

Evgenija Dekina, traduzione in italiano di Alice Bravin

Diana Ibragimova, traduzione in italiano di Chiara Foddis

Andrej Timofeev, traduzione in italiano di Federica Moschitta

Elena Tuluševa, traduzione in italiano di Matteo Cianchi

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Jacopo Vigna-Taglianti

Giovani narratori dell'anno: Elisa Guidotti e Elena Tuluševa

Giovani traduttori dell'anno: Jacopo Vigna-Taglianti e Jana Bogdanova

Nona edizione, 2018. Almanacco letterario 9**Giovani narratori italiani**

Ida Amlesù, traduzione in russo di Julija Galatenko

Matteo Anichini, traduzione in russo di Marija Titievskaja

Alice Magnoni, traduzione in russo di Anna Tigaj

Marta Vitale, traduzione in russo di Ekaterina Spirova

Giuseppe Zarrella, traduzione in russo di Julija Gimatova

Giovani narratori russi

Aleksej Artem'ev, traduzione in italiano di Alice Bravin

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Donatella Caristina

Irina Michajlova, traduzione in italiano di Roberta Sala

Timur Sazonov, traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Federico Iocca

Giovani narratori dell'anno: Ida Amlesù e Irina Michajlova

Giovani traduttori dell'anno: Federico Iocca e Julija Gimatova

Итальянские финалисты

Томмазо Джаньи, перевод на русский язык Светланы Малининой
Элиза Гвидотти, перевод на русский язык Яны Богдановой
Петронилла Ла Вольпе, перевод на русский язык Екатерины Орловой
Клаудия Валенти, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Антонио Вангоне, перевод на русский язык Льва Каца

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тулушева и Элиза Гвидотти

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Яна Богданова и Якопо Винья-Тальянти

Литературный альманах 9 – 2018 год

Российские финалисты

Алексей Артемьев, перевод на итальянский язык Аличе Бравин
Булат Ханов, перевод на итальянский язык Донателлы Каристины
Ирина Михайлова, перевод на итальянский язык Роберты Салы
Тимур Сазонов, перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини
Галина Узрютова, перевод на итальянский язык Федерико Йокки

Итальянские финалисты

Ида Амлезу́, перевод на русский язык Юлии Галатенко
Маттео Аникини, перевод на русский язык Марии Титиевской
Аличе Маньони, перевод на русский язык Анны Тигай
Марта Витале, перевод на русский язык Екатерины Спировой
Джузеппе Дзаррелла, перевод на русский язык Юлии Гиматовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Ирина Михайлова и Ида Амлезу́

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Юлия Гиматова и Федерико Йокка

Nona edizione, 2019. Almanacco letterario 10

Giovani narratori italiani

Daniele Dalle Nogare, traduzione in russo di Stanislav Lichouzov

Angelica Damiani, traduzione in russo di Elena Kožina

Riccardo Marin, traduzione in russo di Ksenija Vorob'ëva

Paolo Steffan, traduzione in russo di Svetlana Malinina

Lorenzo Vargas, traduzione in russo di Margarita Kuz'mičëva

Giovani narratori russi

Dmitrij Bosjačenko, traduzione in italiano di Emanuele Bero

Bulat Chanov, traduzione in italiano di Cinzia Celone

Andrej Ignat'ev, traduzione in italiano di Pier Brudaglio

Anastasija Terent'eva, traduzione in italiano di Martina Napolitano

Galina Uzrjutova, traduzione in italiano di Martina Morabito

Giovani narratori dell'anno: Paolo Steffan e Galina Uzrjutova

Giovani traduttori dell'anno: Emanuele Bero e Svetlana Malinina

Литературный альманах 10 – 2019 год

Российские финалисты

Дмитрий Босяченко, перевод на русский язык Эмануэле Бери
Булат Ханов, перевод на русский язык Чинции Челоне
Андрей Игнатьев, перевод на русский язык Пьера Брудальо
Анастасия Терентьева, перевод на русский язык Мартины Наполитано
Галина Узрютова, перевод на русский язык Мартины Морабито

Итальянские финалисты

Даниэле Далле Ногаре, перевод на русский язык Станислава Лихоузова
Анджелика Дамиани, перевод на русский язык Елены Кожиной
Риккардо Марин, перевод на русский язык Ксении Воробьевой
Паоло Стеффан, перевод на русский язык Светланы Малининой
Лоренцо Варгас, перевод на русский язык Маргариты Кузьмичевой

Победители в номинации «Молодой автор»: Галина Узрютова и Паоло Стеффан

Победители в номинации «Молодой переводчик»: Светлана Малинина и Эмануэле Бери

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Associazione Conoscere Eurasia
- 7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij
- 9 ALMANACCO LETTERARIO 11
- 10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia
- 13 Boris Tarasov
Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij
Direttore del Dipartimento di Letteratura straniera
- 14 Raduga
Premio Letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori
- 16 Giuria italiana
- 19 Giuria russa
- 23 GIOVANI NARRATORI ITALIANI
- 25 Pier Franco Brandimarte *Il venditore*
Traduzione in russo di Stanislav Lichouzov
- 39 Maria Chiara De Pascali *Memorie per sola lettura*
Traduzione in russo di Evgenija Litvin
- 51 Antonio Francesco Longo *Il clacson e la margherita*
Traduzione in russo di Elizaveta Kuznecova

- 5 Ассоциация «Познаём Евразию»
- 6 Литературный институт имени А.М. Горького
- 9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 11
- 11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»
- 12 Борис Тарасов
Профессор Литературного института имени А.М. Горького
Заведующий кафедрой зарубежной литературы
- 15 «Радуга»
Итальянско–российская литературная премия для молодых писателей и переводчиков
- 16 Итальянское жюри
- 19 Российское жюри
- 23 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 25 Пьер Франко Брандимарте *Продавец*
Перевод на русский язык Станислава Лихоузова
- 39 Мария Кьяра Де Паскали *Память только для чтения*
Перевод на русский язык Евгении Литвин
- 51 Антонио Франческо Лонго *Клаксон и ромашка*
Перевод на русский язык Елизаветы Кузнецовой

- 65 Francesco Marangi *Il bunker*
Traduzione in russo di Vladislava Syčëva
- 79 Sydney Vicidomini *Baghdad*
Traduzione in russo di Anton Maraev
- 93 Giovani traduttori russi
- 99 GIOVANI NARRATORI RUSSI
- 101 Aleksej Artem'ev *Un nuovo giorno*
Traduzione in italiano di Andrea Zoller
- 113 Bulat Chanov *Il vecchio e la fattoria*
Traduzione in italiano di Cinzia Celone
- 129 Margarita Katkova *Un caso ordinario*
Traduzione in italiano di Martina Morabito
- 147 Antonina Malyševa *Ciao, Babbo Natale!*
Traduzione in italiano di Tatiana Lutero
- 163 Aleksandra Šalašova *Il giorno di festa*
Traduzione in italiano di Sydney Vicidomini
- 181 Giovani traduttori italiani
- 187 Albo d'oro del Premio Raduga

- 65 Франческо Маранджи *Бункер*
Перевод на русский язык Владиславы Сычевой
- 79 Сидней Вичидомини *Багдад*
Перевод на русский язык Антона Мараева
- 93 Молодые российские переводчики
- 99 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
- 101 Алексей Артемьев *Новый день*
Перевод на итальянский язык Андреа Цоллера
- 113 Булат Ханов *Старик и ферма*
Перевод на итальянский язык Чинции Челоне
- 129 Маргарита Каткова *Обычное дело*
Перевод на итальянский язык Мартины Морабито
- 147 Антонина Малышева *Здравствуй, Дед Мороз*
Перевод на итальянский язык Татьяны Лутеро
- 163 Александра Шалашова *Праздник*
Перевод на итальянский язык Сидней Вичидомини
- 181 Молодые итальянские переводчики
- 187 Победители и финалисты Премии «Радуга»

Almanacco letterario 11
Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di giugno 2020
da Unidea Srl, Via Casette 31
37024 Santa Maria di Negrar (Verona), Italia

Литературный альманах – Выпуск 11
Издательство «Познаём Евразию»
напечатано в июне 2020 года
Удинея, виа Казетте, 31
37024 Санта-Мария-ди-Неграр (Верона), Италия

CASA RUSSA
IN VERONA

РУССКИЙ ДОМ
В ВЕРОНЕ

федеральное агенство
по печати и массовым
коммуникациям

Associazione
conoscere
Eurasia

Литературный институт
им. А.М.Горького

con il sostegno di

БАНК ИНТЕЗА

МИР ВАШИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ГАЗПРОМБАНК

«Газпромбанк» (Акционерное общество)

con la partecipazione di

ФОНД РУССКИЙ МИР